

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»**

На правах рукописи

Волкова Галина Евгеньевна

**ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Доктор юридических наук, профессор
Овчинников Алексей Игоревич

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	20
§ 1.1. Цифровые права человека в условиях развития информационного общества: основные теоретико-методологические подходы.....	20
§ 1.2. Сущность, содержание и классификация цифровых прав человека	46
§ 1.3. Гарантии и меры обеспечения цифровых прав человека в современном мире.....	93
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	114
§ 2.1. Механизм обеспечения цифровых прав человека в системе российского законодательства	114
§ 2.2. Право человека на бесцифровую среду и право на забвение в системе цифровых прав человека: концептуальные основания и механизм защиты ...	139
§ 2.3. Социально-экономические права человека в условиях цифровизации...	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В последние годы, отличающиеся появлением и даже господством новой цифровой парадигмы общественного развития, перед юридической наукой стоит задача переосмыслить целый спектр устоявшихся понятий, категорий, терминов, изменяющих свое содержание под воздействием новых цифровых технологий. Такие технологии широко применяются во всех сферах жизни человека, от экономики и финансов до образования, здравоохранения, культуры и коммуникаций. Процессы гибридизации онлайн- и офлайн-среды, «сращения» человека и технологий, подмены в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью» влекут за собой множество коллизий и «ситуаций непонимания», когда имеющиеся теории, подходы и концепции теряют свою стабильность и очевидность, не могут ответить на основные вопросы правовой политики.

Очевидно, что сегодня право столкнулось с множеством цифровых вызовов, которые приводят к трансформации или даже новации (формированию качественно новых черт, содержания, признаков и т.д.) представлений о системе прав человека, способах их реализации и механизмах защиты. С одной стороны, цифровые технологии предоставляют новый потенциал для возможностей реализации прав человека. С другой же стороны, мы наблюдаем развивающееся экспоненциальными темпами формирование новых цифровых технологий, представляющих собой угрозу существующим правам человека (например, кибермошенничество, Интернет вещей, появление цифровых двойников в результате использования «умных медицинских изделий», увеличение количества средств удаленной биометрической идентификации, дипфейки и т.д.). Данные обстоятельства свидетельствуют об острой потребности в выработке эффективных инструментов оценки возможности реализации прав человека в цифровом пространстве с одновременным обеспечением их надлежащей защиты.

Форсированное внедрение цифровых инноваций в систему социального обслуживания и государственного управления, коммерческий сектор экономики зачастую проводится без должного внимания к праву, к возможным последствиям для конституционно-гарантированных прав граждан. В сложившихся условиях особенно актуальным становятся осуществление юридико-догматической конкретизации прав человека, осмысление целесообразности изменения способов защиты прав человека в связи с усилением взаимосвязи цифровых технологий и повседневной жизнедеятельности человека. Необходимо комплексное исследование потенциальных преимуществ и рисков цифровой трансформации для системы прав человека, моделей коммутации нормативности самого права с техническими требованиями и стандартами использования цифровых инноваций.

Дискуссионным для юридической науки и практики является вопрос существования, понятия и содержания цифровых прав как нового поколения прав человека, а также их места в системе общепризнанных прав. Для определения возможной самостоятельной сущности цифровых прав требуется оценить «глубину» трансформации системы общественных отношений, способность цифровых технологий привести к количественным и качественным изменениям в системе фундаментальных прав человека, принципов их осуществления и гарантий защиты. Формирование концептуальной основы цифровых прав человека невозможно в отрыве от исследования существующих правовых доктрин и принципов функционирования цифрового пространства, оценки возникающих рисков и угроз, разработки новых правовых механизмов защиты прав человека, систематизации международного опыта и структуризации внутригосударственного нормативного регулирования отношений в данной сфере, что объективно возможно в рамках именно теоретико-правового исследования.

Помимо доктринального, актуальность темы научного исследования имеет и правотворческий аспект. Обязанность государства соблюдать, обеспечивать и

защищать права человека влечет за собой необходимость конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности. Сегодня мы наблюдаем происходящие постепенно процессы нормативной трансформации, в которой абстрактные идеи о правах человека в цифровом пространстве как новом поколении прав находят свое отражение в нормативных актах. Развитие цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта, больших данных (big data) является ключевым направлением экономики Российской Федерации. В 2020 году были приняты поправки в статью 71 Конституции РФ, в соответствии с которыми в ведении государства находятся информационные технологии, а также обеспечение безопасности личности, что позволит гарантировать защиту от современных цифровых угроз.

Интенсивное развитие регуляторной среды в сфере цифровых инноваций неизбежно влечет за собой проблемы правоприменительного характера, связанные с неопределенностью содержания цифровых прав человека, обусловленные экстерриториальным характером цифровой среды, проблемами исполнимости судебных решений, необходимостью разделения цифровых прав в частноправовой и публичной сферах. В сложившихся условиях актуальность темы исследования обусловлена поиском оптимального правоприменительного механизма обеспечения основных прав и свобод человека в глобальном цифровом пространстве, обеспечивающего реальную защиту правового статуса человека, ограничивающего пределы вторжения цифровых технологий в личную сферу, гарантирующего оптимальное сочетание прав человека, потребностей общества и интересов государства. Без такого механизма невозможно обеспечить безопасность личности, общества и государства в цифровом пространстве.

Указанные факторы обусловили выбор темы диссертационного исследования и предопределили его актуальность и необходимость в рамках широких возможностей теории права, а не отраслевых наук.

Состояние научной разработанности темы. Исследованию влияния процессов цифровизации на систему права в целом посвящены труды

Д.Р. Алимова, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулиной, П.П. Баранова, Н.В. Виноградовой, Е.О. Гаврилова, Ю.С. Гореловой, Е.А. Громовой, Т.В. Записной, А.А. Карцхия, Г.Г. Небрятенко, А.И. Овчинникова, Т.П. Подшиваловой, Э.В. Талапиной, Е.В. Титовой, Т.Я. Хабриевой, Т.В. Шатковской и др. Теоретико-правовой анализ понятия цифровых прав человека затрагивается в трудах М.С. Абламейко, А.А. Антопольского, П.П. Баранова, Н.С. Бондаря, М.С. Бурьянова, Н.В. Варламовой, С.И. Глушковой, В.Д. Зорькина, В.А. Карташкина, Е.Д. Летунова, Е.А. Лукашевой, В.Н. Монахова, В.В. Невинского, А.И. Овчинникова, М.А. Рожковой, А.Х. Саидова, Н.Д. Самушкина, Э.В. Талапиной, И.А. Трофимец, Н.А. Фальшиной и др.

Значительное количество исследований, проведенных Т.Я. Хабриевой, посвящены воздействию технологических императивов на систему права, формированию системы права в условиях цифровой реальности. В диссертационном исследовании «Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация» Н.В. Варламова аргументирует, что права человека представляют собой его обоснованные притязания на те или иные социальные блага, исследует возможность появления под воздействием технологических инноваций самостоятельного поколения цифровых прав человека. В монографическом исследовании «Права человека в эпоху интернета. Публично-правовой аспект», представленном Э.В. Талапиной, А.А. Антопольским, В.Н. Монаховым, проанализированы потенциальные конфликты в области прав человека в условиях информационного общества, отражены авторские подходы к развитию системы прав человека в цифровую эпоху. Работы П.П. Баранова посвящены актуальным проблемам обеспечения прав человека в цифровом пространстве, в том числе и проблематике существования цифровых (информационных) прав человека и возможности их дальнейшего регулирования. Н.А. Фальшина в своих трудах анализирует тенденции развития права в условиях цифровых технологий, в том числе уделяя внимание и формированию понятия цифровых прав в современной правовой

науке. Проблематике развития прав человека под влиянием цифровизации, выявлению перспективных направлений развития цифровых прав человека посвящены исследования С.И. Глушковой, Е.Д. Летунова. В научной статье М.С. Абламейко отражены отдельные аспекты реализации прав человека в условиях цифровой среды и анализ перспектив введения института цифровых прав человека в законодательство. М.А. Рожкова исследует динамику развития законодательства, связанного с информационными технологиями, возможность формирования публично-правовой концепции цифровых прав человека. В своих работах А.И. Овчинников выделяет риски и вызовы традиционной системе прав человека в условиях цифровой трансформации общества и государства, указывает на положительные и отрицательные стороны цифровизации. В.А. Карташкин исследует международно-правовое измерение цифровых прав человека. Отдельные аспекты трансформации правовой системы в условиях цифровизации экономики, государства и права отражены в работах Г.Г. Небратенко.

Среди ученых, специально занимающихся исследованием проблематики изменения субъектного состава правоотношений в условиях цифровизации, можно отметить А.В. Грибакина, Ф.А. Ёрмирзоеву, Д.В. Замуруева, Е.А. Казачанскую, Е.А. Капитонову, Т.Г. Лешкевич, А.И. Овчинникова, М.А. Савушкину, М.Д. Фоминскую, А.П. Хохлову, Т.В. Шатковскую и др. Основы духовного осмысления концепта прав личности можно встретить в работах таких философов права, как, например, А.И. Овчинников, С.А. Калинин, А.И. Матвеева, М.Д. Фоминская.

Так, Т.Г. Лешкевич обосновывает возникновение в цифровых отношениях нового субъекта, делегировавшего разработанным технологиям ряд значимых функций, именуя его «актантом». Т.В. Шатковская подчеркивает необходимость установления пределов тотальной оцифровки с целью сохранения понятия «человека» как биологического вида, одушевленного наличием у него свободы выбора и уникальных когнитивных способностей. А.И. Овчинников приходит к

выводу о необходимости запрета цифровых технологий, предполагающих технологическую модернизацию человеческого тела.

Следует отметить, что вопросы формирования отраслевого подхода к концепту цифровых прав человека исследуются преимущественно в рамках конституционного права, но также и в других отраслях права таких как гражданское, уголовное право и некоторые другие и отражены в современных научных публикациях, подготовленных: Е.И. Аксеновой, С.Т. Артемовой, А.Б. Берберовым, С.Ю. Горбатовым, Ю.С. Жигаревой, Н.А. Жильцовым, Т.В. Записной, М.А. Зинковским, С.И. Коданевой, И.Н. Леоновой, А.В. Пазюк, М.А. Погореловой, Ф.М. Рудинским, Э.В. Талапиной, И.А. Трофимец, Н.Е. Федотовым, О.И. Чердаковым, И.В. Шахновской.

При этом акцент на необходимость обеспечения традиционных конституционных прав и свобод человека в цифровую эпоху сделан П.П. Барановым, Ю.С. Жигаревой, И.В. Шахновской. Авторская позиция о цифровом неравенстве и способах его преодоления в России отражена в работе С.Т. Артемовой, Н.А. Жильцова, О.И. Чердакова. Проблематика обеспечения прав человека в области здравоохранения, подвергающихся рискам под воздействием цифровых технологий, присутствует в исследованиях Е.И. Аксеновой, С.Ю. Горбатова, Т.В. Записной. Проблемы защиты права на неприкосновенность частной жизни в контексте цифровизации содержатся в исследовании В.А. Северухина. Право на информационное самоопределение, право на информацию в условиях внедрения цифровых технологий стали предметом исследований Э.В. Талапиной. Право на доступ к сети Интернет как новое цифровое право отражено в диссертационном исследовании А.И. Хуснутдинова.

Несмотря на то, что проведенный анализ теоретической разработанности темы исследования свидетельствует о достаточно активном и оперативном реагировании современной теории прав человека на развитие цифровых технологий, на сегодняшний день в юридической науке отсутствует четко сформулированная концепция цифровых прав человека, включая выявление

сущностных характеристик понятия «цифровые права» и их содержания, классификации цифровых прав человека, выделения гарантий и механизмов их обеспечения и защиты в современных условиях, соотношения цифровых прав человека и существующих универсальных и национальных прав с учетом прогнозирования дальнейшего развития. Комплексный теоретико-правовой подход к исследованию цифровых прав человека с учетом зарубежного опыта и правоприменительной практики в настоящем диссертационном исследовании представлен впервые.

Объектом диссертационного исследования выступает доктрина прав человека в условиях развития цифрового общества, а **предметом исследования** являются теоретические и методологические аспекты становления цифровых прав человека и их концептуальные модели, типология, гарантии, технико-юридические конструкции в нормах российского, зарубежного и международного права.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью исследования является разработка концептуальных теоретико-правовых оснований цифровых прав человека для выявления их сущности, содержания, гарантий и мер защиты в современном законодательстве.

Указанная цель послужила основой для постановки ряда задач:

- определить основные теоретико-методологические подходы к определению цифровых прав человека в условиях развития информационного общества;
- сформулировать сущность и содержание прав человека, подвергшихся новации под воздействием цифровых технологий, и определить возможность установления перечня цифровых прав человека;
- установить сложившиеся практики правового регулирования, гарантии и меры обеспечения цифровых прав человека в современном мире;
- разработать механизм обеспечения цифровых прав человека в системе российского законодательства;

– выделить и обосновать проблематику осуществления и защиты права человека на бесцифровую среду и права на забвение в Российской Федерации как цифровых прав;

– выявить тенденции влияния процесса цифровизации на социально-экономические права человека и разработать модели их защиты.

Методология диссертационного исследования определяется синтезом исследовательских моделей, концептуальных и доктринальных принципов анализа идей информационного общества, цифрового государства и права с классическим для правоведения учением о правах человека, что позволяет разработать плюралистическую методологию, объединяющую классические и современные методы исследования.

Прежде всего, методология научного исследования опирается на систему общенаучных методов, среди которых методы системного структурно-функционального анализа, моделирования, прогнозирования. В работе применяются приемы анализа и синтеза, описания и объяснения. Важную роль сыграли методы сравнительно-правового и аксиологического осмысления права, а также методы историко-правового, социокультурного и культурно-цивилизационного исследования права. Использование вышеуказанных методов в сочетании с цифровыми методами современных систем автоматического перевода и обработки естественного языка позволило использовать в целях исследования достаточно большой массив источников на иностранных языках.

В частности, использование сравнительно-правового метода позволило изучить международный и зарубежный опыт в части регулирования прав человека в цифровой среде, сопоставить его с российской правовой действительностью, а также обнаружить пробелы и коллизии нормативного обеспечения цифровых прав человека.

В результате применения формально-логического метода был осуществлен анализ содержания прав человека в цифровом пространстве в российской и мировой практике, а также определены механизмы обеспечения и защиты цифровых прав.

Метод абстрагирования позволил выделить общие закономерности воздействия цифровых технологий на права человека, в частности, выделить фундаментальные права человека, которые особенно уязвимы в цифровую эпоху, и обнаружить появление «новых цифровых прав», обобщить угрозы нарушений этих прав, что способствует разработке и формированию универсальных механизмов реагирования и защиты.

Применение конфликтологического метода позволило исследовать масштабы внедрения цифровых достижений в различные сферы жизнедеятельности человека, а также выявить основные проблемы нарушения прав человека в цифровом пространстве (принуждение к использованию цифровых технологий, манипулирование общественным сознанием, посягательства на личные имущественные и личные неимущественные права человека, нарушения в сфере оборота персональных данных и т.д.).

При помощи прогностического метода были выработаны рекомендации, направленные на совершенствование государственного регулирования в области обеспечения прав человека в цифровом пространстве.

Нормативная и эмпирическая база исследования основана на российском и зарубежном законодательстве, нормах международного права, регламентирующих отношения по теме исследования; данных судебной практики, данных статистики и социологических исследований, находящихся в открытом доступе, в том числе и на иностранных языках.

Научная новизна исследования предопределена поставленной целью исследования, в соответствии с которой в работе предпринята попытка теоретико-правового осмысления цифровых прав человека не просто как отраслевой категории, а как нового комплексного правового явления, социально-правового феномена, возникающего в условиях влияния технологического прогресса на фундаментальные характеристики правового положения человека в меняющемся мире. В исследовании разработана новая научная идея, заключающаяся в концептуализации цифровых прав человека как системного элемента современного правового статуса личности, выявлении

закономерностей их возникновения, сущности, места в системе права, особенностей гарантирования и защиты в условиях цифровой трансформации общества, а также их влияния на общие закономерности функционирования механизма правового регулирования.

В диссертационном исследовании автором:

- доказана и подтверждена гипотеза, что термин «цифровые права человека» не только допустим в доктринальном юридическом дискурсе, но и предполагает универсализацию и междисциплинарность, поскольку с новым методологическим подходом к анализу прав человека информационные права и интернет-права теперь становятся частным проявлением цифровых прав человека;
- систематизированы теоретико-методологические подходы к исследованию цифровых прав человека;
- разработана авторская научная концепция, раскрывающая сущность, содержание и классификацию цифровых прав человека, возникающих в условиях необходимости сохранения сущности человека как носителя свободной воли в ответ на порожденные цифровыми технологиями уникальные вызовы и угрозы, появление алгоритмической дискриминации и цифрового неравенства; обогащающая научную концепцию о правах человека;
- обосновано, что цифровая среда представляет собой новое пространство, не противоположное физическому миру, а существующее как часть нашей реальности, в которой появляются новые объекты, изменяются субъектный состав, формы и приемы правового регулирования общественных отношений, где существует угроза потери государством статуса монополиста в привычных сферах правотворчества и управления, гаранта обеспечения безопасности человека, что свидетельствует о трансформационных процессах в ядре общественных отношений;
- выделены и теоретически обоснованы новые элементы системы прав человека: право на бесцифровую среду и право на забвение как самостоятельные виды цифровых прав человека;

– выявлены характерные для государств основные способы юридического оформления цифровых прав в виде институциональной системы, с последующим выделением сложившихся моделей механизма обеспечения и защиты цифровых прав человека;

– определены тенденции влияния цифровизации на социально-экономические права человека и предложены концептуальные подходы к их правовой защите;

– разработано концептуальное понимание основополагающих принципов внедрения новых цифровых технологий в законодательство, даны рекомендации, направленные на совершенствование государственного регулирования в области обеспечения прав человека в цифровом пространстве.

На защиту выносятся следующие положения, обладающие элементами научной новизны:

1. Проведенная в работе теоретико-правовая концептуализация цифровых прав человека свидетельствует об их уникальной юридической природе, определяемой как спецификой лежащих в их основе притязаний личности, так и изменением понимания традиционных юридико-догматических категорий – субъекта права, объекта права, способа реализации и защиты прав, правового статуса личности.

2. Цифровые права человека могут рассматриваться как реакционный социоконструктивный институт, отвечающий на вызовы цифровых технологий и одновременно преследующий цель сохранения и защиты человеческой личности от их негативных последствий. Цифровые права человека в своей основе содержат притязания сохранения человеческой идентичности, сохранения образа и смысла жизни человека в условиях повсеместной цифровизации общественных отношений. Цифровые права человека призваны определить и закрепить систему ценностных ориентиров, которые требуют поощрения и защиты, обеспечить гарантии свободы и независимости человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве.

3. Ключевая проблема позитивации цифровых прав человека заключается в практической реализации двойственности понимания цифровых прав человека как правомочия на доступ к цифровым инновациям и как гарантии свободы от принуждения к использованию цифровых технологий. При этом новые цифровые угрозы и перераспределение власти в рамках развития и становления технократического общества подрывают саму возможность обеспечения государством гарантий независимости и свободы человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве.

4. Цифровые права человека влекут за собой необходимость осмысления нового типа субъектности внутри правоотношений, связанного с переходом от персональной идентичности к сетевому или цифровому «двойнику», к цифровой личности. Парадокс заключается в том, что цифровая личность обладает некой автономией и свободой от реальной личности, в то время как последняя становится зависимой от доступа к своей «цифровой копии», становящейся важнейшим условием доступа к различным цифровым сервисам, позволяющим обеспечить самореализацию в расширяющемся перечне сфер личной жизни и профессиональной деятельности. Отчуждение цифровой личности вызвано отделением персональных данных, которые представляют нас как личность в цифровой среде, от субъекта посредством «обезличивания», в результате чего владельцы цифровых платформ становятся контролерами «доступа к цифровой жизни». Для возникновения последствий, имеющих правовой характер, становятся важными только фактические действия «цифровой личности», а то, что эти действия носят сознательно-волевой характер, только лишь предполагается.

5. Обосновывается, что для цифровых прав человека характерны новые, не имеющие аналогов в бесцифровой среде, объекты (цифровая идентичность, нейроданные и цифровые модели сознания, цифровое имущество и наследие) и правомочия (право на алгоритмическую прозрачность, цифровое самоопределение, обеспечение кибербезопасности и нейроприватности, доступ к цифровым общественным благам и др.).

6. Предложена авторская классификация цифровых прав человека по следующим критериям (основаниям): по происхождению (естественное право человека на бесцифровую среду и производные от него, требующие закрепления в позитивном праве); по характеру становления (гибридные цифровые права человека, непосредственно цифровые, и прогнозируемые); по сфере жизнедеятельности, в которой эти права реализуются (личные цифровые права, политические цифровые права, цифровые права человека в социально-экономической и культурной сферах); по степени признания (нормативно определенные и «перспективно смоделированные»); по уровню регулирования (международный, национальный, корпоративный); цифровые права человека в контексте искусственного интеллекта; права в контексте метавселенной; права в контексте нейротехнологий.

7. Доказано, что право на бесцифровую среду является естественным, неотчуждаемым правом человека, обеспечивающим его защиту от необходимости осуществления гибридной формы существования. Это цифровое право является логичным продолжением таких классических прав человека как право на свободу, автономию личности и неприкосновенность частной жизни. Принудительное использование цифровых технологий – это противоестественное человеку состояние, лишаящее его права выбора. Закрепление права на бесцифровую среду в Конституции Российской Федерации необходимо, чтобы цифровизация оставалась средством, а не обязательным условием бытия человека в контексте его взаимодействия с обществом, государством и окружающей средой.

8. Предложен авторский трехуровневый механизм защиты цифровых прав человека, учитывающий их онтологическую специфику (нематериальность объекта защиты, глобальность юрисдикции, автоматизация и масштабируемость нарушений, зависимость от цифровой среды). Структура механизма защиты цифровых прав человека должна включать в себя нормативный уровень (нормы международного права, внутригосударственное законодательство, корпоративные политики цифровых платформ); институциональный уровень

(уполномоченный по правам человека в цифровом пространстве, специализированные суды по IT-спорам, комитеты независимых экспертов); технологический уровень (обеспечение протоколов отслеживания нарушений, алгоритмическая прозрачность, протоколы идентификации/аутентификации личности, различные криптографические механизмы).

Теоретическая значимость диссертации представлена в разработке и обосновании концептуальных подходов к пониманию новых аспектов прав человека, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Выводы и положения, сформулированные в настоящем исследовании, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях общетеоретического характера, затрагивающих вопросы сущности права, развития концепции правопонимания и теории прав человека, а также с позиций общей теории государства и права России и зарубежных стран.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций, направленных на совершенствование государственного регулирования в области обеспечения прав человека в цифровом пространстве, в предложении конкретных механизмов защиты и реализации цифровых прав человека. Опасаться чрезмерной упорядоченности или торможения цифрового развития не стоит, о чем свидетельствует весьма успешный в этой сфере законотворческий опыт других стран, закрепивших новые цифровые права человека. Положения и выводы исследования также могут способствовать формированию базы для международного диалога и сотрудничества в области регулирования Интернета и цифровых технологий, что важно для синхронизации различных подходов и законодательств в глобальном масштабе.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование было обсуждено и одобрено на заседании кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета. Основные положения диссертации обобщены и представлены в опубликованных автором 15 статьях, 6 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки

России для опубликования основных научных результатов диссертаций. Материалы работы апробировались автором в ходе участия в различных научно-представительских мероприятиях: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022» (Ростов-на-Дону, 2022); I Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право» (Казань, 2022); Всероссийская научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений» (Ростов-на-Дону, 2022); Научно-практическая конференция «XVI Овчинниковские научные чтения» (Владивосток, 2023); II Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право» (Казань, 2023); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений» (Ростов-на-Дону, 2023); Международная научно-практическая конференция «Право и цифровые технологии» (Беларусь, Полоцк, 2023); Международная научно-практическая конференция «Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра» (К 30-летию со дня принятия) (Ростов-на-Дону, 2023); Международный конгресс сравнительного правоведения (Москва, 2023); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Экономика, управление, право, социальная сфера: актуальные проблемы и векторы развития» (Архангельск, 2023); Всероссийская научно-практическая конференция «Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти» (Ростов-на-Дону, 2023); III Международно-практическая конференция «Охрана и защита прав и законных интересов» (Крым, 2023); III Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция» (Покров, 2023); Всероссийская Конференция «30 лет Конституции: единство и разделение публичной власти» (Иркутск, 2023); VI Международная научно-практическая конференция (Смирновские чтения) «Современное трудовое

право: от теории к практике», посвященная 105-летию Академии труда и социальных отношений (Москва, 2024); Всероссийская научно-теоретическая конференция с международным участием «Традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта» (Ростов-на-Дону, 2024); XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций» (Москва, 2024); Международная сетевая научно-практическая конференция «Возраст в праве» (Новороссийск, 2024); Всероссийский онлайн-форум «Цифровая трансформация российской экономики в условиях формирования мультиполярного мира» (Карачаевск, 2025); XXV Муромцевские чтения «Юридическая наука и практика: цифровая трансформация и сохранение традиций» (Москва, 2025); Всероссийская научная конференция с международным участием «Церковь и государство в России: история и современность» (Ростов-на-Дону, 2025); Международная научно-практическая конференция «V Гореликовские чтения: современные проблемы юридической науки, образования и практики» (Москва, 2025); Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Право на пути к устойчивому развитию» (Сочи, 2025); Международная научно-практическая конференция «Правосудие и судебные реформы: международный и национальный опыт» (Новосибирск, 2025); XIV Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых «Право и суд в современном мире» (Москва, 2025); VII Всероссийская научно-практическая конференция «Обеспечение правопорядка и законности в обществе и государстве: история, теория, практика» (Курск, 2025); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Правовое обеспечение национальной безопасности: вопросы науки и образования» (Москва, 2025).

Структура диссертационной работы логически обусловлена заявленной целью и перечнем поставленных задач исследования. Диссертация состоит из

введения, двух глав, объединивших шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

§ 1.1. Цифровые права человека в условиях развития информационного общества: основные теоретико-методологические подходы

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с тем, что инструменты цифровизации охватывают не только технологические процессы, но и проникают в правовое, политическое, экономическое и даже духовное пространство России, становясь все более и более интенсивными, изменяя классический понятийный аппарат права, оказывая влияние на существующую систему прав человека, «массовое правосознание и на юридическую практику»¹, основы взаимодействия личности и государства, модифицируя систему угроз национальной безопасности. Таким образом, цифровизация охватывает большинство, если не все сферы жизнедеятельности человека, причем даже в тех случаях, когда фактически у населения отсутствует доступ к сети Интернет или цифровым устройствам. В настоящее время уже трудно представить нашу повседневную жизнь без использования интернет-технологий: от проверки писем, поступивших по электронной почте, до общения в социальных сетях, записи на прием к врачу, осуществления онлайн-покупок и участия в научно-представительских мероприятиях по видео-конференц-связи. Пандемия ускорила рост возможностей информационных технологий, направленных на усовершенствование сферы осуществления удаленной работы, дистанционных образовательных услуг, повседневных цифровых взаимодействий между людьми вплоть до удаленных медицинских консультаций. Данные процессы проходят на фоне форсирования государством цифровизации социальной сферы и системы государственного управления, принятия законодательных мер,

---

¹ *Небратенко Г.Г.* Трансформация правовой системы в условиях цифровизации экономики, государства и права // Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 года). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 76.

способствующих развитию цифровых технологий, появлению новой для правовой реальности терминологии: цифровая экосистема государства, цифровая экосистема органов прокуратуры, цифровая среда, электронные реестры и т.д. При этом, как справедливо отмечается в научной литературе, «многие из вышеперечисленных терминов находят свое закрепление, не имея четких дефиниций в программных и нормативных актах или в научном обороте»¹.

Тенденции цифровых преобразований ставят перед юридической наукой и правоприменительной практикой три группы вопросов, связанных не только с возможностью правового регулирования отношений в цифровом пространстве, но и с воздействием информационно-коммуникационных технологий на систему прав личности. К первой группе можно отнести вопросы, касающиеся нарушения или угрозы нарушения прав человека в процессе или результате использования новых технологий. Как совершенно справедливо отметила Верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет, «цифровая революция является одной из главных глобальных проблем в области прав человека. Ее неоспоримые преимущества не отменяют ее несомненных рисков»². Например, возникают проблемы цифровой дискриминации, киберпреступности (в частности, цифрового мошенничества), кибербуллинга и т.д. О пагубном воздействии цифрового контента не раз говорил и Президент РФ В.В. Путин, подчеркивая в своих выступлениях, что «современные платформы все больше и

---

¹ Правовое регулирование отношений по оказанию услуг в условиях цифровой экономики: доктринальные, нормотворческие и правоприменительные аспекты: монография / М.А. Бажина, Н.В. Городнова, О.В. Жевняк [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 29.

² Основное выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет. «Права человека в цифровой век. Какую роль играют права человека в цифровой век?» // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25158&LangID=R> (дата обращения: 20.02.2024).

больше начинают управлять сознанием»¹, а сам «Интернет может разрушить общество изнутри, если не будет подчинен «моральным» законам»².

Ко второй группе можно отнести вопросы, связанные с проблемами поиска баланса между интересами безопасности государства, общества и человека и развитием цифровых технологий. В частности, речь идет об использовании технологий, позволяющих «получать карательным органам информацию не только о месторасположении граждан, но и об их уровне жизни, и прочие персональные данные в условиях развития технологий»³. В условиях биометрической идентификации личности с помощью систем искусственного интеллекта (например, технологий Умного города), предоставляющей возможность постоянного наблюдения за каждым человеком, право на неприкосновенность частной жизни рискует стать атавизмом конституционного права. Подробнее рискам, которые несут цифровые технологии праву на неприкосновенность частной жизни, будет уделено особое внимание в следующих параграфах диссертационного исследования. Таким образом, цифровое развитие требует адекватного правового регулирования, гарантирующего, что позитивные результаты использования новейших технологий намного перевешивают потенциальные опасности.

И, наконец, к третьей группе вопросов относится возникновение новых проблем, возникающих в результате использования новых информационных и коммуникационных технологий, связанных с отсутствием нормативно-определенных правил поведения индивида в цифровом пространстве, предоставленной субъекту четко определенной возможности совершать какие-

---

¹ Путин заявил, что соцсети гонятся за прибылью и «плевать хотели» на ущерб для пользователей. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10605983> (дата обращения: 09.11.2024).

² Путин заявил об угрозе разрушения общества из-за интернета. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2021/6040c97c9a7947263f812b1c> (дата обращения: 09.11.2024).

³ Шатковская Т.В. Дихотомия «человекоцентричности» и «цифровизации» в современном праве // Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 года). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 145.

либо действия и требовать соответствующих действий от других (либо воздержаться от соответствующих действий). Как отмечает Якопо Кокколи, «развитие права на доступ в Интернет продемонстрировало возможность технологии стать самим правом»¹. Эти проблемы связаны с необходимостью осознания того, какие именно ценности в цифровом мире требуют поощрения и защиты, в чем состоят независимость и альтернативность лица в выборе правомерного поведения, т.е. с оценкой возможности возникновения нового поколения прав, именуемых «цифровыми правами».

Сам термин «цифровые права» обязан своим появлением в правовой доктрине прежде всего акцентом на «права и свободы в сети Интернет». Как подчеркивают зарубежные авторы, проявление свободы выражения мнений, свободы массовой информации и права на неприкосновенность частной жизни в онлайн-пространстве под воздействием новых технологий повлекло за собой появление концепции цифровых прав человека². При этом в отечественной и зарубежной юридической литературе дается различная оценка процессам трансформации, становления и развития института прав человека в условиях цифровой среды. Несмотря на это, «цифровые права сегодня – это категория, которая интенсивно адаптируется в сфере современной системы права»³.

Процессы глобализации, социальная трансформация общества, терроризм, иные угрозы человеческому обществу являются предпосылками для новых теоретических подходов к правам человека, расширению перечня всеобщих прав и свобод⁴. Как уже отмечалось ранее, изменение понятийного аппарата права, формирование новой структуры нормообразования сегодня происходят под

---

¹ Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2020. № 10 (525). С. 3–12.

² Politics of Digital (Human) rights. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-694> (дата обращения: 12.03.2024).

³ Фальшина Н.А. Понятие цифровых прав в современной правовой науке // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2023. № 4. С. 71.

⁴ Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография. В 2 кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. I. М.: МГПУ, 2016. С. 21.

влиянием технологий технической сферы. Технологические изменения на протяжении истории развития человечества влекли за собой не только изменения в привычном для нас укладе жизни, но и в значительной мере меняли право. Так, зарождение институтов авторского права связывают с изобретением в Европе в середине XV века книгопечатания, а становление и развитие транспортной системы повлекло за собой появление транспортного права как неотъемлемой части правовой системы государства. Таким образом, технологические инновации всегда влекут за собой появление новых прав.

Термин «цифровизация» пришел в право из экономики, а в экономику из технических наук. Считается, что термин «цифровая экономика» описал американский ученый Николас Негропonte. Понятие нового «гибридного цифрового общества» приходит на смену информационному обществу или «обществу информации и знаний», основанному на решающей роли новых технологий и центральности информации. Такое общество также именуют «технотронным обществом» (З. Бжезинский), «постиндустриальным обществом» (Д. Белл), «посткапиталистическим обществом» (П. Дракер), «обществом сетевых структур» (М. Кастельс)¹. Несомненно, в условиях формирования цифрового общества, еще мало регулируемого юридическими или моральными нормами, на первый план выходит вопрос о правах человека, их гарантиях и механизмах защиты, ответ на который, в частности, должны дать юридическая наука и практика.

Однако, несмотря на то, что сама концепция «цифровых прав» зародилась в конце XX века, в научной литературе до сих пор нет единого подхода в отношении как определения, так и понимания сущности цифровых прав. Как справедливо указывает М.А. Рожкова, «в начале XXI века термин “цифровые права” еще не имел широкого распространения – для обозначения этих прав нередко употреблялись выражения “интернет-права”, “права человека в

---

¹ *Попов А.А.* Институциональные параметры информационного общества: технологический, научный, социальный, антропологический: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Чебоксары, 2007. С. 3.

интернете/в киберпространстве”, “киберправа и киберсвободы” (англ. cyber-rights & cyber-liberties)»¹. В русскоязычной юридической литературе данные права обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, даже двойными «бинарными правами»², в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate), свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (freedom to connect – to anyone, anytime, anywhere, for anything)³.

Такой плюрализм объясняется разным содержанием, которое вкладывают исследователи в понятие «цифровые права человека». Полагаем, что сложившееся сегодня многообразие подходов к определению термина «цифровые права» во многом объясняется тем, что к исходным для данного термина понятиям «цифровые» и «права человека» исследователи применяют разные смысловые формулировки, что, соответственно, предопределяет разность выводов и отсутствие устойчивых однозначных определений. При этом, как известно, «основными требованиями к терминам являются их однозначность и систематичность, т.е. термин должен обозначать одно понятие и отражать объективные связи, которые существуют между соответствующими понятиями, во всяком случае не искажать их, не противоречить им»⁴. В теоретическом освоении «объективных процессов, предметов важна

---

¹ Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10 (525). С. 3–12.

² Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122.

³ Абламейко М.С., Шакель Н.В. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 21.

⁴ Михлина И.И. Упорядочение терминологии – приоритетное направление научных исследований // Библиотека. 1997. № 9. С. 60–62. URL: <https://www.gpntb.ru/win/library97/15.html> (дата обращения: 09.11.2022).

понятийная аккуратность, гарантирующая ясность и конкретность, осмысленность суждений»¹.

Следует отметить, что в научных кругах основное внимание уделяется потенциальному изменению существующих (фундаментальных) прав, а проблематика возникновения и существования новых прав человека в цифровую эпоху как самостоятельного поколения зачастую остается за пределами научной повестки. Исключением, пожалуй, является только признанное теорией и законодательством ряда государств в качестве цифрового «право на забвение» и провозглашенное в 2011 году ООН в качестве фундаментального «право на доступ в Интернет». Для достижения цели диссертационного исследования в первом и втором параграфе исследования предпримем попытку определить, какой же смысл вкладывается в термин «цифровые права» в современной юридической литературе, определить типологию цифровых прав человека, проанализировать существующие их гарантии, технико-юридические конструкции в нормах российского, зарубежного и международного права.

Понятие «цифровизации» пока не имеет однозначного определения ни в отечественной, ни в западной науке. Несмотря на то, что основы современной двоичной системы счисления заложил математик Карл Лейбниц в XVII веке, цифровая эпоха берет свое начало в 1937 году, когда Джон Винсент Атанасов, профессор физики и математики, подает заявку на получение гранта на создание первого компьютера, работающего только на электричестве, а в 1941 году был спроектирован первый цифровой электронный компьютер. В связи с этим полагаем, что цифровые права человека появились немногим раньше, чем стали предметом исследования теоретиков права и юридическим сообществом признана необходимость их регулирования и защиты. А вот концепция цифровых прав человека зародилась вместе с принципами, на которых построена сеть Интернет в 1969 году (появление сети ARPANET). С развитием технологий электронного контроля, осуществляемого с помощью цифровых технологий, и

---

¹ Грибакин А.В. Права личности в моральном измерении // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. С. 62.

расширением сферы защиты прав человека, стала очевидной необходимостью выделения цифровых прав человека в отдельную категорию с соответствующим правовым регулированием. В настоящее время доктринальное осмысление и разработка механизма комплексной правовой основы системы цифровых прав человека стали крайне актуальными и важными задачами.

В большинстве литературных источников, опубликованных в первом двадцатилетии XXI века и посвященных цифровизации различных сфер жизнедеятельности человека, наиболее часто встречается использование термина *digitization* и *digitalization*, что, как подчеркивают Т.Ю. Кудрявцева и К.С. Кожина, означает «кодирование информации в цифровую форму» и «использование оцифрованной информации и цифровых технологий» соответственно¹. На неопределенность и многозначность подходов к термину «цифровой» указывают и Л.Н. Данилова с коллегами: «В условиях глобализации с Запада в Россию было заимствовано два подхода к пониманию феномена цифровизации: 1) в узком смысле она означает оцифровку данных; 2) в широком – стратегию интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества»². Однако сегодня все чаще можно встретить более широкий подход, согласно которому цифровизация – это не только «оцифровка» существующих процессов для последующей трансформации и интеграции, но и процесс формирования «информационной цивилизации» новой цифровой экономики, нового «гибридного цифрового общества», в котором складываются неизвестные ранее общественные отношения, требующие правового регулирования в «цифровой парадигме права»³.

Что же касается единообразия в подходах к использованию термина «права человека», то здесь в первую очередь речь идет о двусмысленности наполнения

---

¹ Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44). С. 149–151.

² Данилова Л.А., Ледовская Т.В., Сольнин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 2. С. 10.

³ Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257.

этого термина содержанием в зависимости от теорий естественного и позитивного права, причем наиболее часто в контексте именно разграничения данных концепций.

Традиционным является определение прав человека через категорию возможности, т.е. восприятие концепта права человека в качестве «гарантированные возможности пользоваться каким-либо благом, которые они реализуют или не реализуют по своему усмотрению и желанию»¹, «мера возможности индивида избирать вид и форму своего поведения в различных сферах»². В цифровой среде у человека проявляются новые уникальные потребности и интересы, при этом значимость потребностей и интересов, которые существуют у него в реальном мире, может радикально измениться при переносе в онлайн-среду, равно как и способы их регулирования и осуществления. Еще одной особенностью восприятия концепта цифровых прав как возможности пользоваться предоставленным благом является тот факт, что цифровая среда предоставляет человеку весьма ограниченный, заранее предусмотренный пользовательскими соглашениями выбор действий, что обусловлено ее технологическими возможностями, в ряде случаев имеющими весьма усеченный характер по сравнению с возможностями в реальном мире.

Таким образом, процессы цифровизации не только позволяют совершенствовать уже существующие модели взаимодействия субъектов, а также изменяют формы и приемы правового регулирования общественных отношений, которые не просто получают цифровое отображение. Особенно явными становятся риски и вызовы цифровизации традиционным глубинным смыслам и идеям государственной власти. Формируется новый миропорядок, конструируемый и управляемый негосударственными субъектами-регуляторами, прежде всего частными компаниями. Государство теряет статус

---

¹ См.: Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2001. С. 55.

² Малько А.В., Терехин В.А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 11–12.

монополиста в привычных сферах правотворчества, управления, постепенно перестает восприниматься в качестве гаранта прав и свобод человека и гражданина, утрачивает свои полномочия по обеспечению безопасности человека.

Сегодня мы пришли к тому, что цифровые платформы самостоятельно устанавливают общие правила доступа и использования своих площадок, в основе которых лежат не общественные интересы, а экономическая прибыль. У архитекторов нового цифрового мира по сути нет никаких ограничений, ни территориальных, ни этнических или национальных. А ведь права человека по своему основному назначению – «это права личности против государственного вмешательства в свободу ее самоопределения, поэтому они призваны ограничивать в том числе правотворческую монополию суверена»¹. Чем регламентирована власть нового, существующего одновременно с национальной властью, «цифрового» суверена? В настоящее время и в России и в мире пока фактически она никак не ограничена, несмотря на наличие государственных инструментов воздействия на транснациональные корпорации. В этом плане пророческими можно считать слова русского правоведа Н.Н. Алексеева: «Вселенская власть, поставленная во главе планетарной федерации, будет чудовищем силы, превыше которого не может уж стоять никакой другой властный союз»². Поэтому представляется особенно важным зафиксировать угрозы и риски цифровизации общественных отношений, осознать необходимость формирования концепта цифровых прав человека с целью обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях развития и становления технократического общества, в котором власть принадлежит техническим специалистам. Чтобы потом не задаваться вопросом,

---

¹ Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 329.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 604.

сформулированным антропологом права Н. Руланом: а живы ли еще права человека?¹

В литературе встречается мнение, что анализируя цифровые права человека, следует вести речь о появлении двух параллельно существующих правовых систем: традиционное право для традиционных общественных отношений и «цифровое» право для новых типов общественных отношений². Мы не согласны с такой точкой зрения. Нельзя рассматривать цифровую среду как противоположность реальному, физическому миру, эти два пространства не противопоставлены друг другу. Нужно понимать, что это – новый тип нашей реальности, давно уже не ограниченный рамками области компьютерных наук, который ставится в один ряд «с наземной территорией, воздушным и водным пространством»³. Более того, «конкуренция “цифрового” и “аналогового” пространств влечет риски снижения установившегося авторитета публично-властных институтов и права как ведущего социального регулятора, исходящего от государства»⁴. Как и любая другая среда нашей жизни и деятельности, цифровое пространство имеет возможности взаимодействия и коммуникации субъектов, обладает своей структурой и организацией, но при этом отличается транснациональным характером. Поэтому полагаем неверным по отношению к цифровому пространству использовать термин «виртуальная среда», т.к. согласно данным словаря С.И. Ожегова, виртуальный – это несуществующий, но возможный. В таком случае и термин «виртуальные права» вызывает сомнения в их реальности. Цифровая среда же становится социальной реальностью (общественные отношения, ценности, потребности и интересы) – «принимает

---

¹См.: Rouland N. Les Droits de l'homme sont-ils mortels? // Droit et Cultures. 2017. Vol. 74. No. 2. P. 199–218.

²Ладенков Н.Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 164–168.

³Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

⁴Самушкин Н.Д. Теория прав человека: новые вызовы в условиях технологической революции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 147.

вид правовых отношений, превращается в юридические формулы, модели, образы субъективных прав и обязанностей, велений, дозволений и запретов. Иными словами, обретает юридическую форму»¹, реальные правовые очертания на международном уровне и легитимацию и легализацию на национальном уровне. Поэтому полагаем необходимым оставить терминологию «виртуальный» для тех явлений, которые не наполнены сегодня реальным воплощением. Праву как социальному регулятору необходимо учитывать такую гибридизацию современной действительности и подходить к регулированию отношений в цифровой среде не как к чему-то абстрактному, а с позиции формулирования системной целостности.

Как уже отмечалось, до сих пор в академических кругах не существует относительно единой концепции цифровых прав человека и развернута широкая дискуссия по поводу того, могут ли цифровые права человека составлять «новое поколение прав человека». Ставшая классической для правоведов и политологов концепция «трех поколений», разработанная чешским ученым К. Васаком, получила распространение в середине 70-х гг. XX столетия. Три поколения прав человека, по концепции автора, соотносятся с тремя идеалами Французской революции: «свободой, равенством и братством»². По мнению А.В. Стремоухова, в основе данной концепции лежит временной критерий. Первое поколение включает в себя провозглашенные ранними буржуазными революциями прирожденные (естественные, личные) и политические права, второе поколение прав включает в себя группы экономических, социальных и культурных прав. К третьему поколению причисляют права, названные в литературе коллективными (права солидарности, права народа, права нации, права национальных меньшинств, права общности, ассоциации)³. В современной

---

¹ *Овчинников А.И.* Правовое мышление в герменевтической парадигме / под науч. ред. П.П. Баранова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2002. С. 156.

² *Vasak K.* Pour une troisième generation des droits de l'homme // *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles*. Ed. by C. Swinarski. Hague, 1984. P. 837, 839.

³ *Стремоухов А.В.* Основания классификации прав и свобод человека // *Ленинградский юридический журнал*. 2012. № 1. С. 10–11.

юридической литературе постепенно формируются концепции институционно-правового определения четвертого, да и пятого поколений прав человека. К ним чаще всего относят права, именуемые «соматическими» (от греч. soma – «тело»), т.е. право человека самостоятельно распоряжаться своим телом¹, включая право индивида самостоятельно принимать решения о телесной жизни или смерти, право выбора медицинского обслуживания / отказа от него, биоэтические аспекты генной инженерии. В рамках этого поколения прав идет формирование прав на клонирование, изменение биологического вида, сексуальной ориентации (трансгендерные права) и т.д.

Как подчеркивают С.И. Глушкова и Е.Д. Летунов, теория поколений К. Васака связана «с теоретическим конструированием истории развития прав человека, стремлением определить закономерности и основные тенденции развития прав человека в мировой истории государства и права»². А.С. Туманова и Р. В. Киселев полагают, что разделение связано не только с этапами развития прав человека, но и с формированием представлений о содержании прав, заслуживших признание в качестве неотъемлемых³. При этом Н.В. Варламова отмечает, что хронологический и содержательный аспекты данной классификации находятся в противоречии, не имеется «концептуальной связи между разными поколениями прав человека»⁴. С.А. Авакьян, исследуя факторы, лежащие в основе провозглашения прав и свобод во французской Декларации 1789 г., Всеобщей декларации прав человека 1948 г., приходит к выводу, что «права человека – это не продукт природы, а результат многовекторного развития множества цивилизационных центров. Развитие права не идет по неким

---

¹ См. об этом подробнее: *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права человека // *Московский журнал международного права.* 2009. № 1 (73). С. 70–78.

² *Глушкова С.И., Летунов Е.Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // *Вестник Гуманитарного университета.* 2020. № 4 (31). С. 17.

³ *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 6.

⁴ *Варламова Н.В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // *Труды Института государства и права РАН.* 2019. Т. 14. № 4. С. 23.

объективным закономерностям, а зависит от активности вовлеченных в него лиц, их убеждений, от интенсивности их «борьбы за право»¹.

Такое дискуссионное разнообразие взглядов как на саму концепцию, предложенную К. Васаком, так и на группу прав, которые можно отнести к четвертому и к пятому поколению прав человека, свидетельствует как об актуальности, так и о неопределенности правовой доктрины относительно единой системы прав человека.

Несмотря на то, что само такое наименование подхода как «поколения» прав человека говорит в пользу эволюционного и хронологического представления о развитии прав человека, полагаем, что на становление новых прав человека оказывают влияние и другие аспекты, в частности, функциональные, структурные, культурные, идеологические и т.д. Мы, в свою очередь, полагаем, что во-первых, появление и развитие таких новых технологий, как сфера информационных технологий, сфера нано- и биотехнологий, и тот факт, что нет ни одной отрасли права, не затронутой ими, позволяют говорить о формировании четвертого поколения прав человека, к которому должны быть отнесены цифровые права.

В зарубежной и российской юридической литературе существует множество различных взглядов на концепцию цифровых прав личности. Научные дискуссии на эту тему разделили исследователей на две основные группы: сторонники признания цифровых прав как нового поколения прав человека и противники такой идеи, полагающие, что цифровые права – это существующие права, «выдвинутые» из существующей системы прав человека.

Наиболее распространенным доводом противников подхода к концепту цифровых прав как к самостоятельному поколению прав человека является отрицание необходимости в выделении цифровых прав и свобод, в связи с тем, что в условиях цифровизации изменяется только «реализация существующих

---

¹ Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 358.

конституционных прав человека»¹, а «содержание ранее известных прав остается неизменным»². Таким образом, суть данного подхода заключается в необходимости приспособления уже имеющихся правовых институтов прав человека к цифровой реальности, что не требует особого специального регулирования и рассмотрения. Так, по мнению В.Д. Зорькина, «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»³. Такого же мнения придерживается и профессор П.П. Баранов, определяя цифровые права человека как права, конкретизирующие «права и свободы человека и гражданина в цифровом, информационном, виртуальном пространстве»⁴. В.А. Карташкин полагает, что под сильным воздействием цифровизации вполне может поменяться личность, но не сущность человека, и, следовательно, цифровые права (в том виде, в каком они сейчас существуют) не могут претендовать на права нового поколения⁵.

Сторонники признания концепта самостоятельности цифровых прав человека полагают, что цифровые права в условиях информационного общества представляют собой новое поколение прав человека, относя их к четвертому, а иногда и к пятому поколению. Так, в исследовании цифровых прав А.И. Ковлер

---

¹ *Зиновьева Е.А.* К вопросу о реализации прав и свобод личности в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 4. С. 95.

² *Шахновская И.В.* Эволюция конституционного права в условиях // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И.Р. Бегишева [и др.]. Т. 1. Казань: Познание, 2022. С. 536.

³ *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadachagosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-pravagrazhdan.html> (дата обращения: 12.08.2022).

⁴ *Баранов П.П.* Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 64.

⁵ *Карташкин В.А.* Международно-правовое измерение цифровых прав человека // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 20 апреля 2023 года. Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 324.

указывает, что, несмотря на условность самого деления прав человека на поколения «в политико-правовом дискурсе и в науке принято условное деление прав человека на три поколения – естественные права, гражданские и политические, социальные права», относя при этом цифровые права к правам четвертого поколения¹. В основе такого подхода лежит восприятие цифровой трансформации общественных отношений как потенциально способной оказать существенное влияние на систему прав человека, изменяющей традиционное понимание прав и свобод, создающей новые, зависимые от информационно-коммуникационных технологий права. А.И. Минаева полагает, что цифровые права человека «принципиально отличаются от прав, существовавших в доцифровую эпоху»². А.И. Овчинников, аргументируя необходимость признания цифровых прав человека как самостоятельной правовой категории, полагает, что «цифровые технологии оказывают влияние если не на сущность человека, то на самовосприятие этой сущности, на образ и смыслы жизни человеческой личности, создавая предпосылки для утверждения о становлении нового поколения прав человека»³.

В современном правопонимании права человека предстают не только как юридический институт, но и как социальный феномен. И если новая «цифровая реальность создала новый тип общественных отношений – отношения, осложненные виртуальным цифровым элементом»⁴, то появление нового типа общественных отношений не может не оказать влияние на возникновение прав личности, необходимых для удовлетворения потребностей в новой цифровой среде, которые должны регулироваться обособленно от «аналоговых» прав. В условиях формирования во всем мире политики по закреплению ключевых

---

¹ Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 17.

² Минаева А.И. Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 69.

³ Овчинников А.И., Кроткова Н.В., Фатхи В.И. Человеческая идентичность и права человека в условиях сингулярности: философско-правовое измерение // Государство и право. 2025. № 3. С. 39.

⁴ Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 223.

институтов политической и экономической системы в цифровой форме именно цифровые права человека становятся средством «доступа личности к духовным и материальным благам, механизмам власти, законным формам волеизъявления, реализации своих интересов»¹. Данный факт также свидетельствует в пользу формирования цифровых прав человека в качестве самостоятельного поколения прав.

Каталог цифровых прав человека сегодня не сформирован, но чаще всего к таким правам относят право на доступ в сеть Интернет, право на цифровую смерть и цифровое бессмертие, право на забвение, право на бесцифровую среду, право на цифровое образование и развитие цифровых навыков, право на цифровую идентичность, право на цифровую безопасность, право дистанционных работников «на отключение» и право «быть в одиночестве» и т.д. Классификации цифровых прав человека посвящен второй параграф настоящего диссертационного исследования.

Какой из этих подходов верный? Как ни парадоксально, но оба. В поддержку сторонников первого подхода отметим, что проанализированный нами в рамках настоящего исследования объем нормативно-правовых актов свидетельствует о весьма незначительной скорости и единичных случаях внесения изменений в Основные законы государства в части как закрепления в них новых прав человека, так и корректировки перечня традиционных прав и свобод с учетом цифровой трансформации общественных отношений. И нельзя не согласиться с тем, что значительная часть конституционных прав человека и гражданина в условиях информационного общества будет иметь свою цифровую интерпретацию. К таким правам, в частности, можно отнести право на свободу слова, информации и общения. В таком случае информационно-коммуникационные технологии выступают всего лишь средством реализации прав человека, что требует выработки наиболее эффективных механизмов их защиты в новых условиях осуществления. А в ряде случаев цифровые

---

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 93.

технологии вообще не оказывают существенного влияния на правовые институты, что позволяет ограничиваться существующими механизмами защиты. Например, речь идет о заключении сделок, требующих нотариального удостоверения, дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий. Существующие механизмы защиты прав стороны такой сделки вполне укладываются в рамки действующего гражданского законодательства и не требуют радикального переосмысления.

Отрицать тот факт, что процессы цифровой трансформации общественных отношений влияют на систему и содержание прав человека, кроя ее совершенно по «иным лекалам», бессмысленно, однако следует отметить, что интенсивность воздействия на права и свободы будет различаться. Так, цифровые технологии оказывают постепенное позитивное влияние на права человека на информацию, свободу выражения мнения, расширяя возможности их реализации и защиты. А вот право на неприкосновенность частной жизни в условиях распространения цифровых технологий рискует раствориться в цифровой среде полностью.

Следует отметить, что полное отсутствие влияния цифровых технологий на правовые институты – явление редкое. И если цифровая трансформация подразумевает полный переход от традиционного права, например на образование, к цифровому (электронному), или появление новых прав с присущими именно им специфическими детерминантами, придающими им характер *sui generis* (единственных в своем роде), то скорее можно будет говорить о новом типе отношений, требующем своей «цифровой парадигмы права». Именно этому и посвящено данное диссертационное исследование.

В поддержку сторонников признания самостоятельности цифровых прав человека отметим, что повсеместное внедрение цифровых технологий, принятия законодательных мер, способствующих развитию цифровых технологий, появлению новой для правовой реальности терминологии: цифровая экосистема государства, цифровая экосистема органов прокуратуры, цифровая среда, электронные реестры и т.д., – не может не видоизменять систему прав человека. Актуализируют проблему и вопросы формирования и развития новой модели

взаимоотношений государства и личности в условиях становления и развития информационного общества. Речь идет о процессе «оцифровывания» традиционных функций государства, системы оказания государственных услуг, формирования концепции «электронной демократии» и «цифрового государства».

Появление новой парадигмы права обусловлено, прежде всего, особым значением и актуальностью обеспечения и защиты традиционной системы прав и свобод в сети Интернет. В связи с чем возникает вопрос: в случаях нарушения традиционных прав в результате использования новых информационно-коммуникационных технологий, в какой степени существующие способы защиты могут быть эффективно применимы?

Кроме того, права человека являются основополагающим элементом правового статуса личности. При этом правам человека всегда должны корреспондировать определенные обязанности субъектов правоотношения. Появление в цифровом пространстве если не субъектов права, то как минимум новых участников отношений, таких как аватары, цифровые двойники и «личности», информационные посредники, электронные лица, требует закрепления концепта цифровых прав, в котором субъективным правом наделяется именно человек, а не его виртуальные двойники или копии в любой интерпретации.

Поэтому наиболее верным подходом к понятию «цифровых прав» будет концепция, представляющая собой симбиоз вышеуказанных мнений, что позволит создать эффективные программы развития системы прав личности в условиях информационного общества. Полагаем, что такая концепция должна включать в себя как особенности реализации прав человека в цифровой среде, основанных на фундаментальном принципе «те же права, которые люди имеют офлайн, должны быть защищены и онлайн», так и появление новых субъективных прав, отличающихся специфическим содержанием, требующих особых принципов осуществления и своеобразных гарантий защиты в процессе использования цифровых технологий. Тем самым данная концепция

предполагает поступательное развитие системы цифровых прав. Первым этапом является адаптация традиционных прав человека к цифровым условиям их реализации, а вторым этапом – непосредственно появление «новых цифровых прав». Однако нормативное закрепление системы новых «цифровых прав» невозможно до тех пор, пока не появится четкий ответ на вопрос «применимы ли средства и способы защиты существующих прав человека к онлайн-пространству»?

Несомненно, большинство общих принципов права применимы к регулированию отношений, возникающих в цифровом пространстве. Речь идет о таких общепризнанных принципах права, как принцип справедливости, гуманизма, единства прав и обязанностей, добросовестности и т.д. С другой стороны, поскольку цифровой мир является экстерриториальным, то принципы, характеризующиеся пространственно-временной привязкой, в эпоху интернета теряют прежний смысл. То есть для понимания концепции цифровых прав нужно ответить на вопрос: «Как будет трансформироваться система фундаментальных прав человека и возникают ли абсолютно новые принципы или правила поведения в цифровой среде»? Или проще: «Какие права мы не можем соотнести с системой уже существующих фундаментальных прав?» Отказ от признания цифровых прав человека может привести к нормативному разрыву между защищенными и незащищенными потребностями (интересами, возможностями) человека, соответствующими как нынешнему уровню развития технологий, так и перспективному. А вот признание их самостоятельного значения и соответствующее закрепление позволит обеспечить более широкое и последовательное соблюдение гарантий защиты прав личности и обеспечить надлежащий баланс интересов государства, общества и личности в условиях развития цифровых технологий. Ведь смысл права – «это гарантия и защита прав и свобод, и главная цель всякой правовой реформы в этом отношении – это

расширение прав и свобод личности»¹. Но при этом очень важно не ошибиться, т.к. очень сложно спрогнозировать, как повлияет на общество существующий сегодня подход законодательного регулирования цифровой среды в долгосрочной перспективе. Как справедливо подчеркивает Сергей Швакин, достаточно велики риски построить конструкт, описанный Иеремией Бентамом («Паноптикум») или Мишелем Фуко («Око Власти»)².

Регулятивная функция права обязывает его быть способным устанавливать позитивные правила поведения, определять общие принципы и ценности, возлагать юридические обязанности и предоставлять субъективные права, возникающие в цифровом пространстве как уже неотъемлемой части реальной жизни. Именно для ответов на поставленные выше вопросы нами предложена концепция цифровых прав как нового поколения прав человека, которая включает «в себя весь предыдущий комплекс прав, развивающихся в условиях научно-технического прогресса и внедрения инноваций»³, а также новых, непосредственно «цифровых» прав. Таким образом, полагаем, что можно сформулировать узкий и широкий подходы к понятию цифровых прав человека, а в рамках концепции «трех поколений» можно говорить об эволюции системы прав человека, о ее «наполнении» новым содержанием прав, требующих защиты по мере общественного развития.

Для исследователя осложняет восприятие концепта цифровых прав тот факт, что для европейского правового пространства «цифровые права» понимаются в контексте прав человека и публичного права, и в данном смысле они постепенно обретают постепенно юридические очертания на

---

¹ Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография. В 2 кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. I. М.: МГПУ, 2016. С. 76.

² «Права человека в офлайн-среде должны также защищаться и в онлайн». Директор Института экономических и правовых исследований Сергей Швакин о цифровизации и защите персональных данных. URL: <https://www.gosrf.ru/prava-cheloveka-v-oflajnovoj-srede-dolzheny-takzhe-zashhishhatsya-i-v-onlajne-direktor-instituta-ekonomicheskikh-i-pravovyh-issledovanijsergej-shvakina-o-cifrovizacii-i-zashhite-personalny> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 952.

международном уровне и закрепление на национальном. В Российской Федерации закреплена так называемая цивилистическая монополия в понимании цифровых прав как объекта гражданских прав. А именно как субъективных имущественных прав, которые закрепляют за субъектом право требования получения какого-либо блага, в первую очередь обязательственных прав или обязанностей (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Цифровые права человека в субъективном смысле как теоретико-правовая категория представляют собой правомочия человека в сфере свободного, безопасного и добровольного использования цифровой среды и информационно-коммуникационных технологий. То есть речь идет не об объектах гражданских прав, а о правах как об основополагающих гарантиях личности. Если «цифровые права» в частноправовом смысле выражают возможности распоряжения имущественными благами, существующими в цифровой форме, то «цифровые права человека» закрепляют пределы и гарантии свободы личности в условиях повсеместной цифровизации общественных отношений, гарантируют ее автономию и безопасность. Таким образом, наше государство не поддержало единый комплексный правовой подход к процессам цифровизации и тем самым, по справедливому замечанию Э.В. Талапиной, «Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы»¹.

Существующие методологические разночтения требуют определенного разделения цифровых прав в частной и публичной сферах. Несомненно, можно сохранить двойственный (публично-правовой и цивилистический) подход к понятию цифровых прав, однако это осложнит реализацию принципа единства юридической терминологии, приведет к путанице и ошибкам в правоприменении.

Среди исследователей концепции цифровых прав человека отдельно стоит упомянуть и узкий, или отраслевой, подход, который основывается на

---

¹ Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. С. 141.

понимании процесса цифровизации как «внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производств». В данном контексте выделяют личные (гражданские), политические, социально-экономические и культурные права. Сторонники отраслевого подхода дают характеристику понятия цифровых прав человека в зависимости от отрасли правового регулирования, которая подверглась воздействию информационно-коммуникационных технологий. Так, В.В. Невинский исследует понятие цифровых прав через призму конституционных прав личности и приходит к выводу, что цифровые права человека есть не что иное как «и универсальное конституционное право на свободу информации, и «детализирующие» его информационные права, и «традиционные права на определенные виды и способы оборота информации» в системе представляют собой «цифровые права человека»¹. И.Н. Леонова рассматривает цифровые права человека как «те права человека, которые позволяют отдельным лицам получать доступ к электронной системе правосудия, использовать, создавать и публиковать цифровые носители информации или получать доступ и использовать другие электронные устройства и телекоммуникационные сети»².

Стоит обратить внимание, что термины «цифровые права» и «информационные права» в научной литературе сегодня используются как синонимы. Однако мы считаем необходимым разделить эти термины по смысловому значению как общее и частное. Сам термин «информационные» свидетельствует о целевом назначении данной группы прав, т.е. связи с правомочиями по передаче, сбору, обороту, использованию информации и контролю над ней. Н.В. Виноградова в своем диссертационном исследовании обосновывает, что «под информационными правами следует понимать полномочия человека и гражданина в области информации, а именно: право на свободный поиск информации, право на передачу информации, право получать

---

¹ *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

² *Леонова И.Н.* Цифровизация материального и процессуального права // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 1-2-1. С. 28.

информацию, право на производство информации право, на распространение информации»¹. Таким образом, информационные права традиционно связаны с обеспечением доступа к информации и свободе выбора средств поиска, получения и распространения информации. Несомненно, это понятие распространяется на полномочия человека в области информации независимо от аналогового или цифрового способа ее предоставления. Когда мы говорим о цифровых правах, то акцентируем внимание именно на субъективные возможности человека, связанные с особыми условиями их реализации: внедрением и использованием цифровых технологий, а также требованием сохранения сущности человека, обеспечения гарантий независимости и альтернативности в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве.

Неверным будет использование термина «интернет-права», которое ограничивает понимание данного вида прав человека реализацией в данной сети, в то время как цифровая среда на сегодняшний день включает в себя гораздо больше, чем просто Интернет. Таким образом, полагаем, что именно термин «цифровые права человека» не только допустим, но и имеет возможность стать универсальным и единым в использовании, поскольку отражает сущность данной категории прав человека, а информационные права и интернет-права теперь становятся лишь одной из составляющих цифровых прав человека (их частным проявлением).

Итак, теоретико-правовые школы по-разному подходят к пониманию концепта цифровых прав человека. Правовой позитивизм рассматривает цифровые права исключительно через призму установленных норм: права существуют в том виде и объеме представленных человеку возможностей, в каком они признаны и обеспечены государством. Так, как ранее отмечалось, в Российской Федерации «цифровыми правами признаются ... права, названные в таком качестве в законе» (ст. 141.1 ГК РФ). Сторонники естественно-правового

---

¹ *Виноградова Н.В.* Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011. С. 10.

подхода полагают, что цифровые права человека вытекают из естественно присущих и неотъемлемых от человека атрибутов достоинства и свободы. Они неотчуждаемы и обязательны к защите даже до их закрепления в законе или других источниках права. Например, А. Саидов называет цифровые права неотъемлемыми правами человека¹.

Резюмируя, мы приходим к выводу, что термин «цифровые права человека» в научной литературе чаще всего трактуется в узком и широком смыслах. В широком смысле под цифровыми правами понимаются предоставленные человеку возможности пользоваться каким-либо благом, которые он реализует или не реализует по своему усмотрению и желанию в цифровой среде. Такая концепция включает в себя как особенности реализации прав человека в цифровой среде, основанных на фундаментальном принципе «нормативной эквивалентности», так и появление новых субъективных прав, отличающихся специфическим содержанием, требующих особых принципов осуществления и своеобразных гарантий защиты в процессе использования цифровых технологий. В узком смысле цифровые права человека приобретают самостоятельное значение. В этом смысле под цифровыми правами человека следует понимать только те права, которые возникают и реализуются только в цифровой среде, не имеют своего аналога в физическом пространстве и начинают претендовать на статус фундаментальных в цифровую эпоху. Природа и объем предоставленных человеку цифровых прав предопределяется заранее предусмотренным пользовательским соглашением выбором действий, что обусловлено ее технологическими возможностями в цифровой среде, в ряде случаев имеющими весьма усеченный характер по сравнению с возможностями в реальном мире, но может быть урегулирована и законом, т.е. совмещает в первую очередь частноправовые, а потом уже публично-правовые основы формирования и регулирования.

---

¹ Саидов А.Х. Цифровые права как неотъемлемые права человека // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 44, № 1. С. 32–39.

Цифровые права человека одновременно понимаются и как право на доступ к цифровым инновациям и как гарантия сохранения свободы от принуждения к использованию цифровых технологий. Цифровые права человека обеспечивают баланс между возможностями информационно-коммуникационных технологий и свободой выбора.

Несомненно, теоретико-методологические подходы к понятию цифровых прав продолжают развиваться. Сегодня перед правовой доктриной стоит задача осмысления необходимости разграничения прав человека, которые могут осуществляться как в цифровой, так и в традиционной или реальной среде, и цифровых прав человека, существующих только в цифровом пространстве.

Как справедливо подчеркивает Н.В. Варламова в своем диссертационном исследовании, субъективные права человека обладают динамическим характером, «обогащаясь все новыми и новыми притязаниями, некоторые из которых приобретают самостоятельное значение и начинают претендовать на статус отдельных прав»¹. Мы, в свою очередь, полагаем, что, в контексте формирования цифровой среды реализации это проявляется особенно ярко: традиционные права, такие как право на неприкосновенность частной жизни или свободу выражения, в цифровой реальности требуют новых форм защиты, включая право на цифровую идентичность, право на защиту персональных данных, право на доступ к Интернету и право на защиту от алгоритмической дискриминации. Полагаем, что недостаточно систематизировать новый перечень цифровых прав человека, необходимо, чтобы они были связаны с сущностью человека, обеспечивали защиту от необходимости осуществления гибридной формы существования, характеризующейся «сращением» человека и технологий, подменой в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью».

В связи с вышеизложенным, мы приходим к выводу, что цифровые права человека представляют собой закономерный, последовательный результат

---

¹ Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.1. М., 2024. С. 668.

развития системы прав, получивший свое нормативное и правоприменительное закрепление как ответ на новые, ранее неизвестные глобальные вызовы и угрозы, катализатором которых являются цифровые технологии. Цифровые права человека представляют собой совокупность субъективных прав и свобод, возникающих и реализуемых в условиях цифровой трансформации общества, обеспечивающих сохранение сущности человека как автономного субъекта правоотношений. Цифровые права человека представляют собой четвертое поколение прав человека, обусловленное технологическим детерминизмом, требующее закрепления как на международном, так и на национальном уровне. Цифровые права человека призваны определить и закрепить систему ценностных ориентиров, которые нуждаются в поощрении и защите, обеспечить гарантии независимости и альтернативности человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве с учетом новых вызовов и угроз, вызванных перераспределением власти в рамках развития и становления технократического общества.

§ 1.2. Сущность, содержание и классификация цифровых прав человека

Как подчеркивалось в предыдущем параграфе, сегодня в юридической литературе сложились совершенно разные точки зрения на сущность и природу цифровых прав человека. Так, часть исследователей отождествляет их с «традиционными» («обычными») правами, перенесенными в цифровую сферу, другие же полагают необходимым говорить о формировании новой системы прав человека, именуемой цифровой. Однако, какие бы подходы не лежали в основе формирования сущности и содержания цифровых прав человека, все они будут сводиться к необходимости закрепления в нормативной форме общепризнанных ценностей права: конкретизации «понятия добродетели, добра, общего блага, достоинства, чести, справедливости применительно к политике и

политической власти»¹, общечеловеческой справедливости, обязанности «служить интересам общества в целом, а не отдельным его классам или социальным группам, учитывать индивидуальные интересы и потребности личности как первоосновы общества»².

Сущность цифровых прав личности – это квинтэссенция процесса правового мышления. Познать сущность цифровых прав – значит понять главное в этом явлении. Полагаем, что кратко в самом широком смысле сущность цифровых прав человека можно охарактеризовать через призму всех прав, которые должны быть представлены человеку в эпоху цифровых технологий и развития систем искусственного интеллекта как гарантий сохранения его в качестве субъекта права. По мнению профессора В.В. Невинского, «сущность цифровых прав представляет собой квинтэссенцию природы, содержания, ролевого назначения и способов конституционно-правового регулирования прав человека, выражаемых в информационно-телекоммуникационной форме»³. Именно цифровые права человека должны быть гарантом обеспечения реализации фундаментальных прав и свобод человека в условиях всепроникающей глобализации, гарантируя свободу, безопасность и равенство в цифровом пространстве.

Для понимания концепта цифровых прав человека необходимо выделить закономерности, непосредственно управляющие его возникновением и развитием. Под такими закономерностями мы понимаем объективно обусловленные, существенные, устойчивые и повторяющиеся связи, характеризующие процессы, выражающие сущность цифровых прав человека в процессе их становления, развития и практики реализации.

---

¹ Права человека: учебник для вузов / отв. ред. – член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 149.

² *Контарев А.А.* Нормативный и философский подходы к проблеме сущности права // Философия права. 2016. № 4 (77). С. 108.

³ *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

Сам по себе процесс становления института цифровых прав человека обусловлен взаимодействием технологических, социальных и правовых факторов в условиях цифровизации. Особенности становления института цифровых прав человека заключаются в том, что они имеют не только «общесоциальную специфику в сравнении с естественными законами»¹, но и технологическую. Она состоит в том, что правовые закономерности не могут реализовываться без активного использования достижений цифровых технологий. При этом модели деятельности элементов технологий могут быть как контролируемые человеком, так и бесконтрольными, соответствующими механизму обеспечения прав человека в цифровом пространстве и нарушающими его. Данный факт ведет к изменению условий, в которых действуют нормы права. Закономерность исторического становления и развития института цифровых прав человека заключается в постепенном, социально-экономически и технологически обусловленном расширении круга правомочных в цифровой среде субъектов и иных элементов структуры общественных отношений в цифровой среде.

Полагаем, что данные закономерности можно представить следующим образом:

1. Закономерности генезиса (возникновения). Возникновение цифровых прав человека обусловлено необходимостью ответа на новые беспрецедентные вызовы и риски внедрения цифровых технологий во все сферы жизни, преодолением проблем отставания правового регулирования от развития общественных отношений. Зарождение и развитие цифровых прав человека определено появлением нового типа общественных отношений, сопряженного с применением цифровых технологий. В таких отношениях появляется новый субъектный состав, нетипичные для правопонимания объекты, и даже сама среда существования. В таких условиях человеку должна быть предоставлена гарантированная возможность выбора варианта поведения. Права человека,

---

¹ Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–16.

таким образом, являются продуктом нового «цифрового» типа общественных отношений. При этом пути становления концепта цифровых прав человека различны: от простой цифровой интерпретации или уточнения признанных прав человека (например, право на защиту персональных данных в контексте использования искусственного интеллекта) – до расширения их спектра за счет смешения существующих (например, права на свободу слова и права на защиту репутации в онлайн-среде) и появления новых (например, право на цифровое забвение).

Идея, лежащая в основе цифровых прав человека – это идея человекообразности, т.е. сохранения сущности человека в условиях техногенного характера современной цивилизации (бытие на грани «виртуального» и реального миров, в котором он выступает одновременно и в качестве субъекта, и своеобразного оцифрованного элемента), включение его в отношения, которые практически исключают его непосредственное участие, только в качестве субъекта.

2. Закономерности эволюции (развития). Цифровые права человека не обладают признаком статичности, их содержание и объем не остаются неизменными. Цифровые права человека постоянно развиваются, трансформируются, адаптируясь к новым технологическим реалиям. И чем больше количество достижений научно-технологического прогресса – тем чаще мы будем говорить о появлении новых прав человека. Цифровые технологии не являются социально-нейтральными, и в зависимости от того, как и с какой целью они разрабатываются и внедряются, они создают новые возможности и проблемы для защиты и осуществления прав человека. В таких условиях правовые нормы должны быть гибкими и способными оперативно реагировать на изменения в технологической сфере, что требует разработки и совершенствования правовых рамок в данной сфере.

3. Закономерность взаимосвязи и технологической обусловленности (технологический детерминизм). Цифровые права человека тесно связаны как между собой, так и с другими основными правами человека, и в то же время

зависимы от возможности доступа к цифровым технологиям. Само развитие цифровых технологий является движущей силой возникновения и эволюции цифровых прав человека. Так, нарушение права на доступ к сети Интернет влечет за собой нарушение прав человека в сфере образования, здравоохранения, получения государственных и муниципальных услуг, осуществления предпринимательской деятельности и т.д. Из данной закономерности можно вывести особенности развития, обеспечения, реализации, охраны и защиты цифровых прав человека.

4. Аксиологические закономерности (установки). Становление концепта цифровых прав человека происходит совместно с развитием техноэтики. Основным аксиологическим аспектом, т.е. ценностным стержнем, цифрового права является оценка основных этических рисков для системы прав человека, выражающихся в обезличивании человека как индивида, лишении его статуса творца права. Моральное содержание цифрового права определяется не только этическими началами законодательства, но и требованиями к разработке и использованию цифровых технологий с учетом этических принципов и ценностей, а также моральных требований, которые предъявляются к поведению участников отношений в цифровом пространстве. В основе аксиологии цифровых прав человека лежит стремление найти баланс между свободой и ответственностью субъектов цифровых правоотношений, интересами безопасности государства, общества и человека и развитием цифровых технологий.

5. Закономерность ограниченности. В отличие от других субъективных прав, цифровые права человека, за исключением права на бесцифровую среду, достаточно ограничены и в какой-то мере иллюзорны. Объясним почему. Во-первых, возможность реализации предоставленных человеку цифровых прав полностью зависит от доступа к современным цифровым технологиям, а также доступа к его учетной записи (возможности пройти идентификацию и авторизацию). Обладая, например, правом на получение «цифрового наследства» – цифровых активов умершего лица, но потеряв при этом

уникальную и не подлежащую восстановлению «Seed-фразу» (код доступа), субъект права теряет возможность реализовывать свои права. Во-вторых, перечень предоставленных субъекту цифрового права правомочий ограничен перечнем действий, предоставленных ему посредством программно-технической инфраструктуры.

6. Закономерность постепенного и технологически обусловленного расширения круга правомочных в цифровой сфере субъектов и объектов, требующих надлежащей правовой защиты. Цифровые технологии расширяют субъектность человека, создавая нового «цифрового субъекта» отношений, что требует переосмысления традиционных представлений о правах человека. Цифровые технологии порождают формирование совершенно новых для классического правового понимания объектов правоотношений, например, фотореалистичные цифровые люди, созданные с помощью технологий искусственного интеллекта, представляющие сведения о товаре на китайских маркетплейсах. Проблематика объектов права собственности в цифровой среде выходит за рамки классических прав на вещи. Под цифровым имуществом понимают нематериальные активы: криптовалюту, права на доменные имена, электронные носители контента, аккаунты в социальных сетях и т.д.

Особое место в системе новых объектов занимает такой объект как «цифровая идентичность». Для права уже стали привычными такие средства идентификации личности, как имя, место жительства, биометрические персональные данные и другие атрибуты, но в цифровой среде сложился новый «многокомпонентный» образ личности. Цифровая идентичность – это «аккумулированная персональная информация о физическом лице, хранящаяся в электронной форме»¹. Сведения о нашем имени, фотографии, биометрические данные, поведенческие паттерны объединяются в единую «цифровую сущность», которая может выступать участником сделок и взаимодействий. Этот объект цифрового права не сводится к традиционному для гражданского

---

¹ *Sullivan C.* Digital identity – The legal person? // *Computer law & security review*. 2009. Vol. 25. P. 227–236.

законодательства понятию «имени» гражданина или удостоверению личности, поскольку включает в себя большие массивы данных и алгоритмические «токены», существующие независимо от физического воплощения человека. Наличие цифровой идентичности требует специальных гарантий (например, защиты от присвоения и «кражи» этой личности) и не имеет прямого аналога в праве, что заставляет пересмотреть институт идентичности в контексте использования информационных технологий.

Прогресс развития нейротехнологий выводит вопросы защиты права на неприкосновенность личности на новый уровень, в части обеспечения нейроприватности – право на защиту «мозговых волн как источников нейроданных и произведенной мозгом информации»¹. Технологии могут порождать точные цифровые модели сознания (нейросимуляции, «цифровые двойники» человека), что влечет за собой необходимость отдельной защиты права на неприкосновенность мысли и информации, считываемую с мозга. В связи с этим в штатах Колорадо, Калифорния и Монтана был принят закон о нейроправах².

На основе выявленных закономерностей существования цифровых прав человека, «вскрывающих» образующие его смыслы, представляем внутренние и устойчивые черты цифровых прав, «без которых явление исчезает, теряет свои свойства, свое своеобразие»³. Как мы полагаем, к таким чертам относятся:

1. Мультирегуляторность природы. Цифровые права в публично-правовом смысле представляют собой абсолютно новую, сложную, эволюционную категорию прав человека, которая не ограничена рамками какой-либо отраслевой специализации, но в то же время охватывающую все

---

¹ Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ на Международной конференции «Права человека: вызовы и угрозы XXI века». URL: <https://www.hse.ru/unesco/news/874769319.html> (дата обращения: 12.05.2025).

² Colorado among states with new privacy laws to protect brain data collected by devices. URL: <https://www.denverpost.com/2025/07/25/colorado-among-states-with-new-privacy-laws-to-protect-brain-data-collected-by-devices> (дата обращения: 01.08.2025).

³ См.: *Байтин М.И.* Сущность государства // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1: Государство. С. 196.

традиционные сферы общественных отношений: политическую (например, активное избирательное право правом выбора электронного голосования на выборах), экономическую (возможность совершения сделки с цифровыми активами), культурную (свобода самовыражения и творчества в сети Интернет), социальную (практически весь спектр государственных услуг становится электронным).

2. Двойственный (амбивалентный) характер. Как уже подчеркивалось ранее, цифровые права человека сочетают в себе два разнонаправленных начала. В первом из них цифровые права человека выражаются в предоставленной ему возможности использовать цифровые технологии, ресурсы, платформы, электронные государственные и муниципальные услуги (данное правомочие выражается в требовании к государству и обществу обеспечить доступность цифровых благ). Во втором – как гарантия свободы от принуждения к использованию цифровых технологий.

3. Нестабильность правовых предписаний, что обусловлено скоростью технологического прогресса, который постоянно генерирует новые вызовы и требует переосмысления существующих правовых норм. Цифровые технологии развиваются быстрее, чем право успевает их регулировать. Так, практически ежегодно появляются новые технологии сбора персональных данных, технологии искусственного интеллекта поднимают вопросы ответственности за вред, причиненный им. В условиях формирования цифрового общества даже в тех сферах, где достигнут относительно высокий уровень стабильности правовых предписаний, тем не менее появляются новые нормы, конкретизирующие права человека. В частности, в 2020 году были приняты поправки в статью 71 Конституции РФ, в соответствии с которыми в ведении государства находятся информационные технологии, а также обеспечение безопасности личности, что позволит обеспечить защиту от современных цифровых угроз.

4. Имеют только цифровую форму выражения или реализации, таким образом, строго зависимы от цифровых технологий. Следует осмыслить

необходимость разграничения прав человека, которые могут реализоваться как в цифровой, так и в аналоговой среде и цифровых прав. Полагаем необходимым для избегания разночтений в таком случае к «цифровым» относить традиционные права человека, которые реализуются в информационном пространстве, только в случае существенной трансформации их содержания, механизма регулирования и способа защиты. Как следствие, в результате такого осмысления становятся заметны не только различия, но устойчивые связи между двумя системами прав человека. Например, право на изменение, распространение или удаление персональных данных обретает режим «цифрового» только тогда, когда речь идет исключительно о данных, полученных в цифровом виде. А право на забвение не имеет своего традиционного «аналогового» воплощения. Вне цифровых данных эти права возникнуть не могут. Соответственно, речь в данном случае идет именно о цифровых правах человека.

Цифровые права человека как «мера возможности индивида избирать вид и форму своего поведения в различных сферах»¹ и «полномочия совершать действия и требовать соответствующих действий со стороны других лиц»² имеют серьезное ограничение. В отличие от физического пространства, в котором есть условия реализации государственного суверенитета и юрисдикции, цифровое пространство не имеет территориальных границ и децентрализовано, а широкий круг негосударственных, частных субъектов играют доминирующую роль в его создании и выборе условий функционирования. Так, если в реальном мире человеку представлено право реального выбора действий или воздержания от их совершения (например, приобретать имущество или отказаться от его приобретения), то в цифровой среде выбор определяется перечнем действий,

---

¹ Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2 кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. I. М.: МГПУ, 2016. С. 12.

² *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности: монография. М.: Наука, 1966. С. 168.

предоставленных лицу посредством программно-технической инфраструктуры в виде ее физической части и нефизической (цифровой) части.

5. Универсальный характер цифровых прав человека. В основе универсальной концепции прав человека лежит «представление о человеческом достоинстве как высшей ценности личности»¹. Как подчеркивает С.А. Авакьян, «универсальный характер прав человека означает лишь то, что они воспринимаются всеми национальными государствами в качестве категорического императива»². Универсальность принципов, на основе которых осуществляются признание и защита цифровых прав человека, а также экстерриториальный характер, серьезно нивелирует грань в правовом статусе участников правоотношений в цифровом пространстве, стирая территориальные границы действия правовых норм. Несмотря на то, что цифровые права человека появились вследствие неожиданной эволюции (вряд ли много тысяч лет назад люди могли предположить возникновение цифрового пространства), тот факт, что они олицетворяют возможность реализовать фундаментальные человеческие потребности выжить в условиях формирования цифрового общества и государства, свидетельствует в пользу универсального характера цифровых прав. Постепенная юридикация цифровых прав человека находит свое отражение не только в национальном законодательстве, но и международных актах, что предполагает их распространение на всех, независимо от гражданства и места жительства, этнической и расовой принадлежности, социального положения и религиозных взглядов.

6. В значительном количестве современных трудов подчеркивается, что такие права имеют глобальный характер³. И действительно, в условиях, создаваемых развитием информационно-коммуникационных систем,

---

¹ Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права: тр. разных лет. – М.: [б. и.], 2006. С. 101.

² Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 365.

³ Бурьянов М.С. Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2. С. 63–66.

национальные границы становятся все более проницаемыми, а вопросы защиты цифровых прав человека выходят за рамки существующих юрисдикций. Источником формирования цифровых прав человека являются цифровые технологии, не имеющие никаких особенностей культурно-исторического развития. Однако вновь возникает вопрос: какими внешними гарантиями можно уберечь от произвола цифрового суверена?

7. Степень их признания и реализации, а также эффективность механизма защиты отражает уровень развития государства и общества в целом, а также, в силу сопутствующих цифровизации кардинальных изменений в экономике, уровень конкурентоспособности экономики страны в целом. Так, наиболее технологически развитые государства предоставляют услуги населению в основном с использованием цифровых ресурсов (регистрация прав на недвижимое имущество, сведения о наличии/отсутствии судимости, взыскание штрафов, недоимок и сборов, штрафов, запись на получение медицинских услуг и многое другое). Данную особенность можно проследить и по количеству исследований, посвященных дискурсу цифровых прав человека, которые чаще всего фокусируются на странах с высоким уровнем доступа к цифровым технологиям¹.

Содержание цифровых прав человека сегодня не получило своего четкого закрепления в юридической научной литературе. С.И. Глушкова и Е.Д. Летунов полагают, что содержание цифровых прав и свобод человека «представляет собой целый комплекс прав, позволяющих человеку не только владеть определенными имущественными правами, но и реализовать себя как свободную личность (и в то же время личность, осознающую свои обязанности и ответственность за ограничения и нарушение прав и свобод других) в киберпространстве»². Б. Кистяковский отмечал, что главное и самое существенное содержание права составляет свобода, и право есть только там, где

---

¹См., например: *Custers B.* New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // *Comput. Law Secur. Rev.* 2022. No. 44. P. 1–13.

² *Глушкова С.И., Летунов Е.Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // *Вестник Гуманитарного университета.* 2020. № 4 (31). С. 23.

есть свобода личности¹. Но человек в условиях цифрового пространства оказывается абсолютно подконтрольным как государственным организациям, так и транснациональным частным корпорациям посредством разнообразных технических воплощений тотальной информатизации, вплоть до формирования цифрового социального рейтинга.

В правопонимании права человека всегда сопряжены с категорией субъективных прав. Н.И. Матузовым как одним из первых советских разработчиков теории субъективных прав и обязанностей граждан предложен подход к исследованию содержания прав человека через следующие пять категорий: право-поведение, право-требование, право-принуждения, право-пользование и право-обеспечения (в том числе и самообеспечения и самозащиты)².

Понимание содержания концепции цифровых прав человека через призму субъективного и объективного (зафиксированного в источнике позитивного права) в первую очередь позволит людям понять:

- какие действия в цифровом пространстве они имеют возможность совершать;
- как их персональные данные оцифровываются, обрабатываются, хранятся и используются;
- какие требования можно предъявлять к иным участникам отношений в цифровой среде;
- как можно защитить права и свободы человека в сети Интернет;
- какие возможны ограничения прав человека в случае введения интернет-цензуры, блокировки контента и т.д.;
- как эффективно противостоять возникающим в цифровом пространстве киберугрозам и т.д.

---

¹ Кистяковский Б.А. по В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 114.

² Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 80–86.

Цифровое право, как субъективное право личности, одновременно включает в себя:

– правомочие субъекта на совершение собственных активных действий (в том числе правомочие осуществлять личные, социальные, экономические, политические и культурные права) в цифровой среде или право на отказ от совершения этих действий без каких-либо преград, возводимых на основе новых технологий. Человеку должно быть представлено правомочие использовать цифровые технологии для участия в общественной жизни, обеспечен доступ к информации и возможности защиты персональных данных, беспрепятственный доступ к государственным услугам онлайн, свобода выражения мнений, правомочие на анонимность в цифровых сообществах, распоряжения своим цифровым наследием, право на бесцифровую среду и т.д.;

– правомочие требовать от других субъектов совершения определенных действий или воздержания от них, включая право лица требовать обеспечения кибербезопасности при соблюдении права на неприкосновенность частной жизни, конфиденциальности личных данных в сети Интернет и обеспечения возможности исправления или удаления этой информации (право на забвение), требовать прозрачности в отношении сбора и использования данных и обеспечения безопасности в цифровом пространстве, запрет на использование цифровых технологий, влекущих нарушения прав человека, в том числе в части тотального надзора и подконтрольности за его жизнедеятельностью (в том числе, технологий искусственного интеллекта, технологии больших данных, распознавания лиц, биотехнологии и т.д.);

– правомочие на защиту своего нарушенного права, реализуемого в цифровой среде, включая защиту генетической информации и медицинских данных, в том числе и право на самозащиту (например, посредством направления отзыва согласия на обработку персональных данных). Каждый человек вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Содержание правомочий обладателя цифрового права как субъективного права человека коррелирует с обязанностями других субъектов отношений,

складывающихся в цифровом пространстве, включая обязанности как отдельных лиц, так и государственных органов и частных организаций. Это взаимодействие прав и обязанностей является ключевым для эффективной реализации цифровых прав человека и обеспечения «здоровой» цифровой среды. Так, правомочие на совершение собственных действий в цифровой среде коррелирует с обязанностью другого лица предоставить доступ к сети Интернет. При этом государство, как сторона цифровых правоотношений, может выступать как в качестве контрагента, так и лица, осуществляющего контроль за действиями субъектов извне, обеспечивая надлежащее соблюдение правил поведения в цифровом пространстве.

Несмотря на большой потенциал использования цифровых технологий не стоит забывать и об их потенциальной опасности. Как подчеркивает А.И. Овчинников, анализируя понимание сущности права у Р. Иеринга и Н.Н. Алексеева, «и философ права, и юрист, и обычный человек постигают сущность права одновременно – с болью, которую ощущает человек при нарушении своего права. В этот один момент в форме аффекта, непосредственного чувства истинное значение и сущность права обнаруживаются больше, чем в течение долгих лет спокойного пользования»¹.

Цифровизация права увеличивает риски технократического отношения к человеку. При этом если правовые категории, термины, институты и нормы могут быть подвержены цифровизации как технологическому процессу, то их юридическое содержание нуждается в духовно-нравственном наполнении. Стоит помнить, что права человека не существуют без субъекта. Цифровые права человека влекут за собой необходимость осмысления нового типа субъектности правоотношений, связанного с переходом от персональной идентичности к сетевому или цифровому «двойнику», цифровой личности. В российской науке отсутствует устойчивый единообразный подход к

---

¹ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / под науч. ред. П.П. Баранова. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 2002. С. 93.

пониманию термина «права личности». Ведь понятие «права личности» – категория не только юридическая и политическая, но и философская, и этическая. Кроме того, и термин «право» сам по себе неопределенный, поэтому его использование и значение зависят от того, кто наполняет его смыслом. В теории права дается четкое разграничение понятий «права человека» и «права гражданина», при этом под последними общепринято понимается политико-правовая связь индивида с конкретным государством. Что касается подходов к определению «права человека», то для естественной школы права, основоположниками которой являются Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др., характерно осмысление факта наделения человека правами и свободами, которые берут свое начало в природе человека, в его естестве. Интересным представляется определение, данное В.Н. Додоновым, В.П. Пановым, О.Г. Румянцевым: «Права человека – права, присущие природе человека, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо»¹. Аналогичный подход к пониманию прав человека можно встретить и в зарубежной литературе. Так, по определению, предложенному Джеком Доннелли, «права человека – это те права, на которые мы имеем право исключительно на основе нашей человечности, или права, которыми человек обладает, потому что он человек»².

Несмотря на то, что термин «права личности» используется и в юридической литературе, и в нормативных правовых актах, в частности в Конституции Российской Федерации, до сих пор не выработан единый подход к соотношению понятий «права человека» и «права личности». Согласно определению, содержащемуся в Толковом словаре русского языка, «личность – это человек как носитель каких-нибудь свойств, лицо (в 3 знач.)»³.

---

¹ См.: Международное право: Словарь-справочник / [Додонов В.Н. и др.]. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 234.

² *Donnelly J.* Chapter 1: The Concept of Human Rights, *Universal Human Rights in Theory and Practice.* Cornell University Press 2013. P. 7. URL: <https://archive.org/details/universalhumanri0000donn> (дата обращения: 12.02.2024).

³ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008. С. 93.

Е.А. Капитоновой проанализированы существующие сегодня подходы к определению понятия «личность» в российской юридической науке и выделены четыре различных подхода: личность – есть человек, наделенный определенными качествами; личность – есть человек в рамках социальных взаимодействий; личность – это понятие, тождественное «человеку»; личность – это способ институционализации человека¹. В соответствии с позицией, высказанной С.А. Авакьяном, в конституционно-правовом смысле понятие «личность» шире понятий «человек» и «гражданин», охватывает оба эти понятия. С.А. Авакьян указывает, что, говоря о «личности», мы подразумеваем и природноестественные свойства, и общественные связи индивида². Однако, в таком случае, мы будем рассматривать личность только как индивида с его личностными качествами, которыми он наделен в силу природы, и сформированными или формирующимися социальными характеристиками, не беря во внимание его духовную сущность, которая наполняет жизнь человека ценностными ориентациями, выражаемыми в нормах и правилах поведения. Так Н. Грегерсен отмечает: «Личности – это нечто большее, чем просто заменяемые элементы социальной жизни»³. Однако, к сожалению, в юридической литературе проблематика соотношения прав личности и духовной свободы не нашла должного освещения. Но отдельные основы духовного осмысления концепта прав личности можно встретить в работах таких философов права, как, например, А.И. Овчинников, С.А. Калинин, А.И. Матвеева, М.Д. Фоминская⁴ и др.

---

¹ Капитонова Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // Закон и право. 2019. № 9. С. 50–53.

² Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. М.: Норма, 2005. Т. 1. С. 498.

³ Грегерсен Н. *Imago imagines: человеческая личность с богословской точки зрения* // Богословие личности / под ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2013. С. 6.

⁴ Калинин С.А. Идея прав человека в православном понимании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 92–107; Матвеева А.И. Отношение к духовной «свободе» и правам личности в трудах русских философов // Наука и современность. 2011. № 12-3. С. 92–97; Фоминская М.Д. Достоинство личности и права человека в истории православно-христианской правовой мысли // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 3. С. 27–32.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор отмечают, что появление новых общественных отношений в условиях цифровой реальности приводит к трансформации как самого права, становящегося объектом цифровизации, так и к изменению правового статуса человека, претендующего на новые права¹, т.е. изменяются не только понимание права, но и правовые категории, представления о которых оставались неизменными долгое время.

Однако в эпоху цифровизации общества и государства, так или иначе, выдвигается на первый план даже не человек как субъект правоотношения, а некий «цифровой субъект», «цифровая личность», которая, собственно, и является субъектом цифровых правоотношений, которые полностью реализуются в электронной среде. И, по сути, для данных правоотношений личность субъекта становится уже и не так важна, вступить в эти правоотношения возможно и под вымышленными именами, и анонимно, и используя модели, предложенные с развитием систем искусственного интеллекта. Деконструкции подверглось и само понятие правосубъектности, в научном сообществе исследуется и обосновывается необходимость надления статусом субъектов права отдельных искусственных интеллектуальных систем, электронных лиц и т.д. И здесь мы деликатно обходим проблемы этического характера, связанные с возникновением цифровых личностей. Так, японская технологическая Gatebox создает цифрового помощника – голограмму, способную имитировать дружеские отношения с пользователем. С недавних пор Gatebox предоставляет пользователям свидетельство о браке, которое подтверждает союз реального человека и цифровой голограммы. Таким образом, примерно 4000 мужчин женаты на этой голограмме². Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) совершенно справедливо отметил, что в концепцию прав человека «постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только

---

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 94.

² 'I love her and see her as a real woman.' URL: <https://www.cbc.ca/documentaries/the-nature-of-things/i-love-her-and-see-her-as-a-real-woman-meet-a-man-who-married-an-artificial-intelligence-hologram-1.6253767> (дата обращения 20.11.2023).

христианским, но вообще традиционным моральным представлениям о человеке»¹.

В цифровых правоотношениях возникают ситуации, когда «действующим лицом» оказывается не субъект и личность, а некий «актант», «делегировавший разработанным технологиям ряд значимых функций, несамодостаточный в их отсутствие»². Цифровая личность (цифровой профиль) представляет собой модель реальной личности человека, созданной с помощью сбора, хранения и анализа данных об этом человеке различными сервисами, приложениями, которая обладает относительной автономностью от человека. Системы удаленной идентификации позволяют использовать одним лицом данные другого и совершать действия от его имени в цифровом пространстве.

Парадокс заключается в том, что цифровая личность обладает некой автономией от реальной личности, а вот реальный человек делается зависим от доступа к своей «цифровой копии», которая становится важнейшим условием доступа к различным цифровым сервисам, позволяющим обеспечить самореализацию во все большем круге сфер личной жизни и профессиональной деятельности. Так, цифровая идентификация сегодня является важнейшим условием доступа к ряду государственных услуг, чему будет уделено особое внимание во второй главе настоящего диссертационного исследования. Можно говорить о возникновении такого тревожного явления как отчуждение личности от самой себя (самоотчуждение). При этом владельцы цифровых платформ вне всякого институционального контроля становятся своеобразными контролерами контрольно-пропускного пункта «доступа к цифровой жизни», без прохождения которого человек оказывается вне возможностей использования даже системы государственных услуг. Поэтому необходимо четкое понимание того, где

---

¹ Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на X Всемирном Русском Народном Соборе «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1700658&lang=ru> (дата обращения: 30.01.2024).

² *Лешкевич Т.Г.* «Постчеловеческие» эффекты техногенного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2013. № 3. С. 106–113.

заканчивается человеческая личность и начинается цифровой профиль, каковы основы их взаимодействия и возможно ли гарантировать человеку право на свою «цифровую копию».

Таким образом, гибридная форма субъектности, характеризующаяся «сращением» человека и технологий, подмена в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью» может позволить сторонникам трансгуманизма, провозглашающего безграничное совершенствование человека на основе технологических достижений, привести общество к печальному итогу: расчеловечиванию человека, превращению его в постчеловека, который будет совсем другим существом, человека нового типа – *Homo informaticus*¹ или *Homo supertechnologicus*². Для возникновения последствий, имеющих правовой характер, становятся важными только фактические действия «цифровой личности», а то, что эти действия носят сознательно-волевой характер, только лишь предполагается, что превращает их в автоматизированные и обезличенные.

Особый интерес для формирования концепта новых отношений, возникающих с участием «цифровой личности», представляет осознание появления среди участников этих правоотношений особого субъекта, обязательного участника из технологической сферы – владельца цифрового ресурса (администратора, оператора, провайдера и т.д.), который становится своего рода информационным посредником между реальной (физической) и цифровой личностями одного и того же субъекта.

Именно содержание прав определяется человеком в процессе их юридического закрепления в источниках права. Право вполне эффективно может регулировать и определять пределы внедрений технологических инноваций. Полагаем, что в условиях формирования концепта цифровых прав человека требуют осмысления и смысложизненные перспективы личности в цифровом

---

¹ *Абрамов М.Г.* Человек и компьютер: от *Homo Faber* к *Homo Informaticus* // *Человек.* 2000. № 4. С. 127–134.

² *Лешкевич Т.Г.* «Постчеловеческие» эффекты техногенного развития // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.* 2013. № 3. С. 106–113.

пространстве. Под влиянием цифровой информационной среды личность человека деформируется и отчуждается от ее собственных специфических особенностей¹. Значительную роль в этом процессе играет Интернет вещей, включающий в единую сеть технологические, интеллектуализированные устройства, которые способны вступать во взаимодействие посредством сети Интернет без прямого участия человека. По словам К. Шваба, автора концепции Четвертой промышленной революции, ради формирования будущего человек должен постоянно напоминать самому себе, «что все эти новые технологии являются прежде всего средствами, созданными людьми для людей»².

Проблема универсализации цифровых прав человека обусловлена не только растущими экспоненциальными темпами изменениями цифровой среды, совершенствованием технологий искусственного интеллекта, но и тем фактом, что, несмотря на принцип единства системы прав человека, перечень этих прав бесконечно разнообразен и невозможно его свести к единому знаменателю, действующему как константа. Но мы в настоящей работе предпримем попытку выделить ряд цифровых прав человека, как получивших свое легитимное закрепление, так и формирующихся. Ведь цель всякой научной классификации прав человека – «раскрыть их общественную значимость, выделить тот или иной коренной их признак, более глубоко изучить и проникнуть в их содержание. Классификация служит для упорядочения определенной суммы знаний о правах человека в целом и о каждом праве в отдельности, которыми человечество располагает в настоящий момент»³.

Полагаем возможным упорядочить цифровые права человека по следующим критериям (основаниям):

1. По генезису цифровые права человека можно классифицировать на естественное право и производные от него, требующие закрепления в

---

¹ Хохлова А.П. Феномен отчуждения в цифровом информационном пространстве общества потребления: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 5.7.7. Саранск, 2023. С. 16.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 89.

³ Стремоухов А.В. Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 7.

позитивном праве. Полагаем возможным отнести к числу естественных прав человека право на бесцифровую среду, сохранение традиционного «внецифрового» образа жизни как гарантию защиты человека от «посягательств» цифровых технологий на естественные права человека, обеспечения равного доступа к реализации естественных прав и свобод человека для всех категорий граждан. Тот факт, что право на бесцифровой (традиционный) образ жизни принадлежит человеку с рождения, неотчуждаемо от него, приоритетно по отношению к другим цифровым правам, реализуется человеком непосредственно и не исходит и не зависит от воли какого-либо субъекта, свидетельствует в пользу данного тезиса. Казалось бы, для обладания данным правом человеку не требуется совершать каких-либо действий, он может просто не использовать цифровые инновации в своей повседневной деятельности и останется свободным от цифровой среды. Но это не так. Будучи абсолютным правом, право человека на бесцифровую среду сопровождается обязанностью всех и каждого воздерживаться от принуждения к использованию цифровых технологий. Более того, позитивное право не должно нарушать естественные права человека, в том числе и право на бесцифровую среду, без каких-либо изъятий из данного положения. Однако сегодня использование инноваций становится обязательным условием обеспечения достойного уровня жизни, а отказ от них может привести к социальной изоляции, ограниченному доступу к образованию, здравоохранению и другим ресурсам. В таких условиях представляется необходимым правовое регулирование общественных отношений, связанных с обладанием и использованием человеком такой ценностью как сохранение традиционного бесцифрового образа жизни. Право человека на бесцифровую среду в контексте его естественно-правовой природы требует особого рассмотрения в связи с чем этому будет уделено внимание во втором параграфе второй главы. Соответственно, производными от него, т.е. возникающими при выборе человеком взаимодействия с цифровым миром, будут являться все остальные цифровые права человека, особое место среди

которых занимает право на доступ к сети Интернет как средство реализации цифровых прав человека.

2. По характеру становления цифровые права человека можно классифицировать на гибридные цифровые права, непосредственно цифровые, и прогнозируемые.

2.1. Гибридные цифровые права человека представляют собой отражение растущей взаимосвязи между реальным и цифровым мирами. В отличие от непосредственно цифровых, гибридные цифровые права представляют собой признанные и гарантированные государством права человека, реализация которых обеспечивается цифровыми технологиями в рамках классических правовых отношений. Тем самым гибридные цифровые права понимаются в аспекте расширительного толкования к уже существующим правам человека. В этом случае правомочия, заложенные в содержании закрепленного субъективного права, нашли свое продолжение в цифровом пространстве. Так, право на свободу слова, как фундаментальное право человека, нашло свое признание и «цифровое» расширение круга субъективных правомочий уже в качестве права на свободу слова в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Перечень фундаментальных прав человека, подвергшихся воздействию цифровизации, осуществление и защита которых сегодня в значительной степени определяются использованием цифровых технологий, достаточно обширен. К гибридным цифровым правам относятся расширенные с использованием цифровых технологий право на доступ к государственным и муниципальным услугам, право на участие в управлении делами государства, право на образование и здравоохранение, право на публикацию цифровых произведений, право свободно общаться и выражать свое мнение в сети и т.д.

2.2. Непосредственно цифровые права человека, т.е. права, которые возникают и начинают претендовать на статус фундаментальных в цифровую эпоху. Их каталог сегодня не сформирован, но чаще всего в научной литературе к таким правам относят:

✓ Право на доступ в сеть Интернет, которое позволяет человеку быть участником различных общественных отношений, в частности осуществление свободы слова и получение информации в наше время неизбежно связано с доступом в Интернет. Как подчеркивает Э.В. Талапина, «не имеющий доступ в Интернет сегодня не может принимать участия в политической жизни, а значит, не может быть гражданином»¹.

✓ Право на цифровую смерть и цифровое бессмертие, в содержание которых входят правомочия управления «цифровым наследием» после биологической смерти человека.

✓ Право на забвение или «право на удаление информации», предоставляющее человеку возможность требовать при определенных условиях удаления/исправления информации о себе, размещенной в сети Интернет².

✓ Право на бесцифровую среду, предусматривающее возможность сохранения человеком традиционного «бесцифрового», или «аналогового», образа жизни³.

✓ Право на развитие цифровых навыков, предоставляющих возможности для человека получать доступ к образовательным материалам онлайн, а также приобретать достаточные цифровые навыки для полноценного участия в жизни демократического общества⁴.

---

¹ Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. С. 52.

² Волкова Г.Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 165–171.

³ Волкова Г.Е. Право человека на бесцифровую среду // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах, Казань, 22 сентября 2023 года. Казань: Познание, 2023. С. 72–77.

⁴ Celeste E., De Gregorio G. Towards a Right to Digital Education? Constitutional Challenges of Edtech // JIPITEC – Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law. 2023 Vol. 14 (2). URL: <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-14-2-2023/5735> (дата обращения: 21.02.2024).

✓ Право на цифровую идентичность, которое «концептуально шире, чем право на точную и уникальную идентификацию личности, и включает право быть признанным и совершать сделки в качестве уникального индивида»¹.

✓ Право на цифровую безопасность, под которым следует понимать защищённость человека от угроз, возникающих в условиях нового цифрового технологического уклада, «в том числе вызванных использованием цифровых технологий в государственном управлении, цифровизацией экономики, образования, медицины и других сфер общественной и частной жизни»².

✓ Право на цифровое самоопределение как право человека самостоятельно решать, когда и в каких пределах могут быть раскрыты его персональные данные³ как «набор сведений о сетевом субъекте, которые содержатся в электронной форме»⁴.

✓ Право дистанционных работников «на отключение» от своей работы и от всех видов коммуникации по рабочим вопросам вне их рабочего времени.

✓ Право не быть субъектом компьютеризированных (автоматизированных) решений⁵ (право на защиту от алгоритмической дискриминации), т.е. право возразить против решения, принимаемого без вмешательства человека на основании исключительно автоматической обработки персональных данных, и которое влечет за собой правовые последствия для субъекта данных.

✓ Право «быть в одиночестве» или «право на уединение», которое предоставляет физическому лицу возможность совершать или не совершать

---

¹ Обзор статьи «Digital identity – From emergent legal concept to new reality». Автор: Sullivan C. URL: <https://pravo.hse.ru/digitalperson/digitalidentity> (дата обращения: 21.02.2024).

² Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21.

³ Талатина Э.В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 24–43.

⁴ Жигарева Ю.С., Смирнова Л.А. Конституционные права человека в цифровом измерении // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 64.

⁵ Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «черного ящика» // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 139–148.

действия, исходя из уверенности в том, что за ним никто не наблюдает и не подслушивает¹.

✓ Право на обеспечение цифрового суверенитета человека как обозначение определенной степени независимости человека от государства и от других людей в сфере информационных отношений².

✓ Право на цифровой образ («цифровую копию», «цифрового двойника»), позволяющее запрещать или разрешать имитацию реального человека в цифровой среде с помощью технологии искусственного интеллекта; требовать блокировки незаконно использованного образа; получать информацию о лицах или организациях, использующих цифровой образ.

✓ Право на защиту от нежелательной информации³.

2.3. Гипотетические цифровые права человека – это права, появление которых можно попытаться спрогнозировать в условиях определения тенденций развития цифровых технологий, гипотез появления новых участников цифровых правоотношений. Несомненно, такие права скорее являются продуктом фантастической литературы, чем реальными правовыми нормами. Но, если сегодня появляются исследования и фактические данные, полученные опытным путем, о возможности управления мыслями человека с помощью вживленных в его организм нейрочипов, индустрия «цифровой загробной жизни» стремительно развивается, а в 2023 году корпорация Microsoft зарегистрировала патент на систему, способную реинкарнировать личность любого человека в интеллектуального чат-бота, так ли фантастически эти прогнозы?

---

¹ Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 174–180.

² Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 2 (14). С. 146–152; Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. С. 673–690.

³ Мушаков В.Е. Право на защиту от нежелательной информации в Российской Федерации // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – С. 270–273.

Представляется в таком случае необходимым признать особую важность прогностической функции теории государства и права.

К таким гипотетическим цифровым правам человека можно отнести право на цифровую эволюцию (т.е. право на улучшение функций человеческого мозга через интерфейс «мозг-компьютер»), право на цифровую миграцию (право выбора «метавселенной» для цифровой жизни или даже смены цифрового тела в такой среде), право на небытие (некий симбиоз разрешенного в некоторых государствах права на эвтаназию и права на цифровое бессмертие) и т.д.

3. По содержанию (сфере жизнедеятельности, в которой эти права реализуются):

– личные цифровые права. Эта группа цифровых прав человека тесно связана с личными (гражданскими) «офлайн»-правами человека, но при этом имеет свои уникальные особенности, обусловленные спецификой реализации. К таким правам относятся: право на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде (право на анонимность и конфиденциальность), право на биометрические (цифровые) персональные данные, право на свободу слова и выражение мнения в онлайн-среде, право на цифровую безопасность личности и т.д.;

– политические цифровые права. Данная группа цифровых прав человека связана не столько с реализацией избирательных прав с помощью электронно-цифровых технологий, сколько формированием новых цифровых прав, не имеющих аналогов среди традиционных. В частности речь идет о необходимости обеспечения надлежащей защиты человека от сбора, анализа и использования оставленных в цифровом пространстве «следов» с целью манипулирования мнением избирателей;

– цифровые права человека в социально-экономической сфере позволяют обеспечить возможность получения человеком определенных экономических свобод, материальных благ в условиях цифровизации социальной и экономической сферы общества. Цифровизация преобразила парадигму равенства, изменила привычный подход к решению социальных проблем,

превратила сложный процесс принятия решений в программные алгоритмы. В таких условиях особое значение приобретает закрепление цифрового права человека на отказ от использования систем алгоритмического и искусственного интеллекта в случае принятия в отношении него решений, обладающих юридически значимыми последствиями. Кроме того, к данной группе прав можно отнести право на справедливые, благоприятные, здоровые и безопасные условия труда в цифровом пространстве и цифровое отключение, корпоративный цифровой контроль.

4. По степени признания: нормативно признанные и «перспективно смоделированные». Признанные цифровые права человека получили свое закрепление в международном и национальном праве отдельных государств (например, право на доступ к сети Интернет, право на забвение, право дистанционных работников на отключение). По «перспективно смоделированным» правам еще не выработано единой позиции, как, например, по «праву на цифровой образ» и «праву на цифровое бессмертие», так как в настоящее время мы даже боимся предположить, к чему может привести отделение реальной личности человека от его цифрового воплощения.

5. По уровню регулирования:

– урегулированные на международном уровне. Регулирование цифровых прав человека на международном уровне осуществляется через международные документы и стандарты. В частности, Хартия глобального информационного общества, принятая в Окинаве в 2000 году, является одним из значимых международных правовых актов, «в котором были закреплены признание и защита цифровых прав»¹. Хартия прав человека в Интернет (APC Internet Rights Charter)² закрепляет право каждого на доступ к сети Интернет, которое в

---

¹ Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 16–28.

² APC Internet Rights Charter. URL: <https://www.apc.org/en/node/5677> (дата обращения: 13.05.2023).

дальнейшем в 2011 году Организация Объединенных Наций признала в качестве неотъемлемого¹;

– урегулированные на национальном уровне. Регулирование цифровых прав человека на национальном уровне осуществляется через национальное законодательство, например, в 2022 году в Евросоюзе была принята Европейская декларация о цифровых правах и принципах², статья 5А Конституции Греции гласит, что все люди имеют право участвовать в информационном обществе и что государство обязано содействовать производству, обмену, распространению и доступу к информации, передаваемой электронным способом³;

– урегулированные на корпоративном уровне через корпоративные политики и практики, например, политики конфиденциальности данных, политики использования искусственного интеллекта и т.д. В частности, компанией Apple предоставлено право владельцам устройств Apple создавать свое «цифровое завещание» (распоряжения относительно судьбы информации, выраженной в цифровой форме); политика компании Google содержит правила реализации пользователями «права на забвение».

б. Дополнительные аспекты классификации цифровых прав человека:

– права в контексте искусственного интеллекта. К данной группе прав можно отнести права, связанные с реализацией субъекта права своих правомочий с использованием систем искусственного интеллекта, в частности в случае делегирования принятия искусственному интеллекту юридически значимых решений. Отношения в сфере использования систем искусственного интеллекта требуют принятия специальных принципов правового регулирования, разработки эффективных средств правовой защиты. К таким

---

¹ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

² European Digital Rights and Principles. URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles> (дата обращения: 01.04.2024).

³ Constitution of Greece As revised by the parliamentary resolution of May 27th 2008 of the VIIIth Revisionary Parliamen. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/national-practice/constitution-greece-revised-parliamentary-resolution-may-27th-2008-viiiith-1> (дата обращения: 12.05.2024).

правам относится право человека знать, что он взаимодействует с автономной системой, управляемой искусственным интеллектом, а также право на выбор человека (например, при трудоустройстве, получении одобрения от банка при формировании кредитного запроса), право на защиту от дискриминации при использовании искусственного интеллекта, право на контроль над использованием искусственного интеллекта в контексте обеспечения права на неприкосновенность частной жизни, право на доступ к информации о правомерности и обоснованности решений, принятых с использованием искусственного интеллекта;

– права в контексте метавселенной. Самим фактом существования метавселенных как цифрового выражения реального мира, в котором можно совершать юридически значимые действия, сегодня уже никого не удивит. Права, связанные с использованием метавселенной, включают в себя весь спектр прав в сфере права интеллектуальной собственности, а также право на защиту персональных данных в метавселенной, право на защиту от насилия в метавселенной, право на свободу выражения мнений в метавселенной, право на цифрового двойника;

– права в контексте нейротехнологий. Данная группа прав имеет своей целью защиту естественных прав человека от достижений в области нейротехнологий, которые ставят под угрозу «свободу разума». Разработки в сфере визуализации головного мозга, интерфейсов «мозг-компьютер», «декодеров головного мозга», которые могут превращать изображения в мозге во «внешние» изображения, текст или звук¹, распространение нейроимплантов с искусственным интеллектом – все это ведет к формированию новой системы прав, получившей свое название как «права киборгов» (cyborg law)². Наиболее вероятный вариант применения нейротехнологий в ближайшем будущем –

---

¹ Новые права и законы должны защитить человеческие свободы от нейротехнологий. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nabor-novyh-prav-cheloveka-i-zakonov-prizvan-zashchitit-svobodu-ot-nejrotehnologij> (дата обращения: 05.05.2024).

² Филипова И.А. 2021. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 502–521.

использование гарнитуры смешанной реальности к мозгу человека, что позволяет отслеживать ход мыслей, что уже имеет место быть. Как подчеркивает И.А. Филипова, за людьми, нуждающимися в таких нейрочипах по медицинским показаниям, признается право на использование достижений нейротехнологий¹.

Полагаем необходимым остановиться на некоторых аспектах цифровых прав более подробно. Первым в ряду цифровых прав человека представляется необходимым выделить право на доступ к сети Интернет, которое в научной литературе рассматривается и как фундаментальное, и как производное. По состоянию на начало четвертого квартала 2023 года Интернетом во всем мире пользовались в общей сложности 5,30 миллиарда человек, что эквивалентно 65,7 процента от общей численности населения мира, при этом среднее количество времени, проведенного пользователем в режиме онлайн, составляет около семи часов каждый день². Таким образом, сегодня доступ к сети Интернет является неотъемлемой частью жизни каждого человека, а вопросы доступности цифровых технологий и владения информацией приобретают ключевое значение как в сфере частного, так и публичного права.

В 2021 году Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш подчеркнул, что наступило время возобновить общественный договор между правительствами и их гражданами, а также обществом, который должен включать обновленные механизмы управления для всеобщего доступа к Интернету к 2030 году в качестве основного права человека³.

В отечественной и зарубежной научной среде сегодня сложилось три основных подхода относительно природы права на доступ к сети Интернет. В июне 2011 года специальный докладчик ООН Франк Ла Рю опубликовал доклад, в котором заявил, что Интернет и права человека, несомненно,

---

¹ Там же. С. 516.

² Глобальный цифровой обзор. URL: <https://datareportal.com/global-digital-overview> (дата обращения: 18.11.2023).

³ Our Common Agenda – Report of the Secretary-General. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

взаимосвязаны, и этот отчет быстро был воспринят как означающий то, что Интернет является средством реализации прав, но не правом сам по себе¹. И сегодня ряд исследователей полагают, что доступ к Интернету представляет собой только лишь средство или условие реализации человеком своих прав². Многие из них основывают свою позицию на убеждениях Джона Ролза, что «реализация формально равных свобод зависит от других средств, таких как деньги, влияние и знания»³. Тем самым утверждая, что Интернет сегодня является жизненно важным средством, с помощью которого люди могут осуществлять свое право на свободу мнений и их свободное выражение»⁴.

Другие определяют его как некое правомочие, частный случай права на информацию, предусмотренного ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации⁵. Так, А.Х. Саидов полагает, что «право на Интернет является онлайн-формой права на доступ к информации, и ее распространение и включает в себя обязанность государств обеспечить развитие информационной инфраструктуры и коммуникаций; создать рынок, ценовой порог которого сделает интернет-ресурсы доступными; обеспечить свободу доступа к информации на интернет-ресурсах»⁶. А третьи называют в качестве самостоятельного и даже фундаментального права человека⁷. Наиболее полно, на наш взгляд, определение права на доступ к сети Интернет предложено

---

¹ *Howell C., West D.M.* (2016). The Internet as a human right. URL: <https://www.brookings.edu/blog/techtank/2016/11/07/the-internet-as-a-human-right> (дата обращения: 18.10.2022).

² *Варламова Н.В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 23.

³ *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В. Целишева, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 500 с.

⁴ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. 16 мая 2011 г. A/HRC/17/27. 27 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 30.04.2021).

⁵ *Погорелова М.А.* Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. С. 118.

⁶ *Саидов А.Х.* Цифровые права как неотъемлемые права человека // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 44, № 1. С. 36.

⁷ *Талапина Э.В.* Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70–83; *Пазюк А.В.* Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права. URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu> (дата обращения: 28.03.2022).

А.И. Хуснутдиновым, а именно как «возможность подключения к этой компьютерной сети, а также возможность работы в ней: пользование ее информационными ресурсами, самостоятельного и активного распространения информации, создания информационных ресурсов и предоставления возможности доступа к ним для других лиц»¹. М.А. Рожкова рассматривает право на доступ к Интернету в двух аспектах, акцентируя, что для его реализации необходимы, во-первых, наличие соответствующей технической инфраструктуры, а во-вторых, обеспечение свободного доступа к содержащемуся в Сети контенту². Но, несмотря на эти разные интерпретации, ни одна из концепций не отрицает существенную роль сети Интернет в защите и реализации прав человека, указывая на необходимость определения правовой природы в том или ином виде.

Что касается концепции восприятия Интернета только как средства реализации прав человека, то данная теория достаточно узконаправленно подходит к пониманию сущности доступа к сети Интернет, ограничиваясь только ее техническим содержанием. Так, право на образование само по себе, будучи основополагающим правом, одновременно выступает в качестве механизма реализации многих других гражданских и политических, экономических и социальных прав. В первую очередь, право на образование теснейшим образом связано с правом на труд, правом на свободный выбор профессии и получение достойного заработка, поскольку образование открывает широкие возможности для трудовой деятельности³. Аналогично и право на доступ к сети Интернет позволяет использовать возможности цифровых

---

¹ Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 111.

² Рожкова М.А. Цифровые права в контексте международного права // Закон.ру. 2021. 11 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/11/cifrovye_prava_v_kontekste_mezhdunarodnogo_prava (дата обращения: 28.03.2022).

³ Коданева С.И. Право на образование в системе прав и свобод человека (Обзор) // Права человека: законодательство и судебная практика: сб. науч. трудов / отв. ред.: Е.В. Алферова, И.А. Конюхова. М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2009. С. 133–143.

образовательных технологий, предоставляет широкие возможности для реализации прав человека в сфере здравоохранения, получения государственных и муниципальных услуг, осуществления предпринимательской деятельности и т.д. Хотя реализовать эти права можно и другими способами, возможности Интернета и его проникновение во все большие сферы жизнедеятельности человека требуют обеспечения равного доступа к нему для обеспечения равных возможностей.

Полагаем, что право на доступ к сети Интернет должно получить свое закрепление в качестве права человека, поскольку представляет собой и обязательное средство реализации многих других цифровых прав, которые не могут быть надлежащим образом реализованы без доступа к Интернету. Важность и значимость доступа к сети Интернет как права человека невозможно переоценить. Интернет является жизненно важным инструментом для получения образования, поиска работы и доступа к государственным услугам. Растущее экспонентными темпами развитие информационных технологий привело к тому, что благосостояние и человеческое развитие стали в значительной степени зависеть от доступа к услугам, предоставляемым в цифровой среде, компетенций и навыков в области цифровых технологий, а существующее социальное неравенство усугубилось неравенством в области доступа населения к цифровым технологиям. В отсутствие доступа в Интернет люди оказываются в невыгодном положении по сравнению с пользователями цифровых технологий.

Таким образом, учитывая очевидную значимость Интернета в обществе, важно признать, что доступ к сети Интернет является правом человека и должен быть защищен как таковой от нарушений. Нарушение права на доступ к сети Интернет может осуществляться посредством отключения или ограничения доступа, в частности: полная блокировка доступа к Интернету; использование «цифрового комендантского часа»; ограничение доступа к некоторым сайтам сети Интернет; ограничение скорости предоставления интернет-трафика провайдером и пропускной способности сайтов.

Однако возникает вполне резонный вопрос, если сегодня признать право на подключение к сети Интернет в качестве фундаментального права человека, не приведет ли это к искажению и неверной расстановке приоритетов, ведь есть регионы Планеты, в которых перед органами государственной власти в первую очередь стоят проблемы выживания людей и требуется еда, кров, здравоохранение, рабочие места и т.д. На это мы можем возразить, что признание права на доступ к сети Интернет в качестве права человека не гарантирует, что это право будет признано всеми государствами. Представляется возможным выделить две составляющие механизма реализации доступа пользователя к сети Интернет: техническую и комплексную теоретическую (финансовую, правовую, политическую). Таким образом, не каждый человек может реализовать «право на Интернет». Сложность обеспечения реализации права на доступ в Интернет обусловлена трансграничным характером Сети, что, с одной стороны, предоставляет пользователям значительную свободу в IT-пространстве, а с другой – «существенно сужает возможности государства в защите их же интересов»¹.

Таким образом, сегодня право на доступ в Интернет превращается в инструмент для изменения бытия человека, с момента подключения его существование в аналоговой реальности тесно переплетается с существованием в «цифре». Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества требует признания цифровых технологий средством обеспечения достойного уровня жизни российских граждан, а также обеспечения государственных гарантий реализации права на доступ к сети Интернет.

В условиях развития цифровых технологий все большее значение приобретают гарантии обеспечения права человека на его цифровой образ (цифровой клон, аватар), под которым следует понимать совокупность сведений, включающих изображение и иные персональные данные, психоэмоциональные,

---

¹ Червонюк В.И. Идея права и право в идеях: монография в 2 т. Т. II. Книга 1: Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ. М.: Юстицинформ, 2022. 588 с.

поведенческие и социальные характеристики из профилей в социальных сетях, оставленные «цифровые следы», позволяющую с помощью технологий искусственного интеллекта имитировать представление реального человека в цифровой среде, объединяя несколько конституционно признанных прав человека, что позволяет рассматривать его как относительно самостоятельную категорию.

Цифровой образ в настоящее время активно используется в онлайн-играх в качестве персонализированных игровых аватаров, которые могут быть представлены в качестве как выдуманной синтезированной версии, так и в виде образа реальных людей. Кроме того, набирает популярность использование образа человека в создании его «цифрового двойника» как цифровой биомодели (его реплики) в медицинских технологиях. Так, например, китайская технологическая компания iCarbonX¹, поставив себе задачу «оцифровать все персональные данные людей», создает цифровой прототип человека, который состоит из проб слюны, белка и ДНК, а также различных показателей, вроде чистоты окружающего воздуха и сведений об образе жизни (режим сна, диета), и используется для подготовки персонализированных советов по здоровью. Считается возможным создать цифровую личность живого человека, считав информацию из его мозга и сделав виртуального двойника: когда тело индивида умрет, он сможет продолжить существование и развиваться на основе своего характера, пополняя память впечатлениями от общения². Отсутствие правового регулирования в данной сфере приводит к тому, что человек, передавая всю информацию о себе цифровой платформе, не получает никаких прав в отношении созданных с себя «цифровых клонов», а также неспособен

---

¹ Decrypt Central Dogma Focus on New Biological Discoveries. URL: <https://www.icarbonx.com/en> (дата обращения: 20.04.2024).

² Замуруев Д.В. Концепция трансгуманизма в контексте цифровой трансформации общества // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: материалы Всероссийской конференции, Ставрополь, 26 апреля 2021 года / отв. ред.: С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский. Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского социального института, 2021. С. 101–105.

контролировать информацию о себе и после получения услуги от компании. Тем самым наши биомедицинские копии все больше автономизируются от человека.

Нарушение права человека на его цифровой образ может повлечь за собой ряд традиционных киберугроз, при которых преступник похищает личную информацию другого человека с целью совершения мошенничества или других противоправных действий в Интернете, но и может использоваться технологиями Deepfake. Технология дипфейк (deepfake, deepfakes) представляет собой относительно новое явление, выражающееся в использовании программного обеспечения, позволяющего людям менять лица, голоса, предметы одежды, обстановку вокруг для создания цифровых подделок, имитирующих реальность, но при этом отличающихся высокой степенью правдоподобности. Эта технология может применяться к различным типам контента: фотографиям, видеосюжетам, звуку и тексту, однако чаще всего изменению подвергаются фото- и видеоизображения. Впервые эта технология была применена в 2017 году пользователем онлайн-платформы Reddit под ником «deepfakes», который опубликовал созданные с помощью искусственного интеллекта (сгенерированные) ролики интимного содержания с участием знаменитых людей. Сам термин «дипфейк» не имеет формального технического или правового закрепления, его можно отнести к общепринятым, общеупотребимым. Чаще всего дипфейк ассоциируется со словосочетанием таких терминов как «deep learning» (в переводе с англ. – «глубокое обучение») и «fake» (в переводе с англ. – «подделка», «фальшивка»).

Технически возможность создания дипфейков осуществляется с использованием генеративных состязательных систем (GAN), т.е. «нейронных сетей, которые учатся генерировать реалистичные образцы данных, на которых они же и обучались»¹. В настоящее время GAN наиболее часто применяются для создания цифровой подделки с использованием метода «замены лица», что позволяет как изменить анатомические особенности лица реального человека,

---

¹ Основы генеративно-состязательных сетей. URL: <https://habr.com/ru/articles/726254> (дата обращения: 20.01.2023).

так заменить его лицо на лицо другого, либо создать абсолютно новое; «замены выражений», позволяющей синтезировать любые слова и фразы, произнесенные якобы самим человеком, включая точное воспроизведение особенностей тембра голоса; «синтеза изображений», позволяющего создавать любое цифровое изображение, которое может быть полностью фантастичным и изменять реально существующее.

Сегодня технологии дипфейк благодаря различным программным приложениям, не требующим профессиональных знаний и навыков от пользователя, становятся все более доступными для каждого. Несмотря на то, что наиболее реалистичные цифровые подделки создаются с помощью технологий, которые пока не находятся в общем доступе, даже с использованием бесплатных приложений возможно создать фальшивое фото- и видеоизображение, способное причинить существенный вред как личности, так и государству. Как подчеркивают А. Капитанов и Ю. Линдре, «две главные причины бешеной популярности дипфейков у интернет-пользователей, политтехнологов, а также мошенников и экстремистов различного толка – относительная легкость создания и сильнейший воздействующий эффект»¹. О росте количества дипфейков, распространяющихся в сети Интернет, свидетельствуют и данные статистики. Так, согласно исследованию, представленному на Всемирном экономическом форуме, «количество фейковых видеороликов в Интернете ежегодно увеличивается примерно на 900 %»². В июне 2025 года в ходе исследования, проведенного аналитиками MWS AI (дочерняя структура ПАО «МТС»), установлено, что более 60 % россиян не

---

¹ Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/?sphrase_id=99412178 (дата обращения: 15.05.2024).

² How to tell reality from a deepfake? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/04/are-we-at-a-tipping-point-on-the-use-of-deepfakes> (дата обращения: 20.04.2023).

сумели отличить фотографии, сгенерированные искусственным интеллектом, от настоящих¹.

С широким использованием контента, созданного с помощью технологии дипфейк, такие проблемы, как манипулирование общественным сознанием, посягательства на личные имущественные и личные неимущественные права человека, нарушения в сфере оборота персональных данных и т.д., становятся все более распространенными и трудно предупреждаемыми. Продолжая оставаться в «слепой зоне» правового регулирования, технологии дипфейк, как неконтролируемый инструмент дезинформации и манипуляции общественным сознанием, представляют опасность не только как угроза правам отдельного человека, но и как угроза обществу и национальной безопасности в целом, могут привести к панике среди населения и падению доверия как к традиционным источникам информации, так и к демократическим устоям государства в целом. Так, жители нескольких регионов России сообщили, что днем 5 июня 2023 года телевизионный эфир одного из центральных телеканалов прервался на обращение, записанное якобы от лица Президента страны Владимира Путина. В нем говорилось о введении военного положения и объявлении полной мобилизации. Аналогичное обращение транслировалось и в эфире ряда радиостанций. Однако позднее выяснилось, что оно оказалось дипфейком².

Как справедливо отмечает А.И. Ковлер, «ценностным ядром прав человека было и остается достоинство личности ... с пришествием “цифры” в жизнь современного человека проблема защиты его персональных данных (big data) становится ключевой проблемой защиты его человеческого достоинства»³. И, действительно, неконтролируемое использование дипфейк-технологий ставит

---

¹ Более 60 % россиян не смогли отличить дипфейки от реальных фото. Один из дипфейков сразу 81 % участников опроса посчитали настоящим снимком. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/683eca379a794727b5fc3d05> (дата обращения: 03.05.2025).

² На ТВ показали «обращение Путина» о военном положении в ряде областей России. Это был взлом, а ролик оказался дипфейком. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/05/deepfake> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 13.

под угрозу личное конституционное право человека на достоинство личности. Дипфейк-технологии часто применяются при изготовлении фальсифицированных фотографий и видеороликов, направленных на дискредитацию личности, посягающих на честь, достоинство и деловую репутацию, нарушая право на неприкосновенность частной жизни. Особенно уязвимым для технологий дипфейк становится право на неприкосновенность частной жизни, т.к. наличие многих информационных технологий, например big data, позволяющих обрабатывать ежесекундно колоссальное количество всевозможных данных, нарушает это право в силу своей природы.

Ежедневно люди обмениваются личными фотографиями друг с другом, размещают фото- и видеоролики в социальных сетях, стремительно растущая популярность технологий «умного дома» позволяет передавать в Сеть огромные потоки информации личного характера. А значит, никто из нас не застрахован от того, что завтра его «цифровая фальшивая копия» будет использована в неблагоприятных целях.

Сегодня дипфейки используются чаще всего для создания неожиданной «фейковой» новостной сенсации, однако все чаще в новостной ленте появляются сообщения об использовании дипфейков как средства совершения преступлений, в частности для шантажа лиц, «изображенных» на фальсифицированных видеоматериалах и изображениях. Неконтролируемое развитие технологии привело к возможности создания синтезированных «цифровых копий» реальных людей, способных поддержать беседу по аудио- и визуальным каналам в режиме реального времени. Так, жителю Китая позвонили по видеосвязи, притворяясь его другом, и попросили деньги на развитие бизнеса. В результате таких мошеннических действий он потерял 4,3 миллиона юаней (49 миллионов рублей)¹. Кроме того, дипфейки могут быть использованы для создания видео, на которых люди, изображения которых используются, якобы

---

¹ Китайского бизнесмена обманули почти на 500 тыс. долларов с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://info24.ru/news/kitajskogo-biznesmena-obmanuli-pochti-na-500-tys-dollarov-s-pomoshyu-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 20.06.2023).

совершают преступления, которых они на самом деле не совершали, что увеличит количество ложных сообщений о преступлениях, либо приведет к затягиванию процесса привлечения к ответственности для производства экспертиз, направленных на определение подлинности видео, представленного в качестве доказательства. Так, например, в Балаковском районном суде Саратовской области рассматривалось дело, в котором обвиняемый настаивал, что видео, представленное в качестве доказательств его виновности сотрудниками ГИБДД, является не чем иным, как дипфейком¹.

Возможность проведения судебных заседаний, а также производства отдельных следственных действий с использованием видео-конференц-связи, по-особенному заостряет необходимость регулирования дипфейк-технологий, благодаря которым в качестве участника процесса или свидетеля по уголовному делу может оказаться «цифровая фальшивка» в режиме реального времени. Таким образом, цифровые фальшивки могут повлечь за собой исчезновение справедливости и правосудия в праве.

Применить к отношениям, возникающим в цифровом пространстве, нормы аналогового правового регулирования, «т. е. наработанные правовой доктриной подходы к регулированию общественных отношений в объективированном мире», невозможно². Рассматривать цифровое пространство с позиции традиционных представлений о юрисдикции невозможно. Скорее всего, речь нужно вести о появлении «новой транснациональной юрисдикции глобального партнерства, основополагающие принципы которой должны учитывать приоритет верховенства прав человека и гарантий цифровой безопасности самой личности»³. Но пока такой юрисдикции не существует, понимая потенциальные

---

¹ Решение Балаковского районного суда Саратовской области от 09 декабря 2021 г. по делу № 12-256/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-balakovskii-raionnyi-sud-saratovskaia-oblast> (дата обращения: 20.06.2023).

² Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022. 376 с.

³ *Фатхи В.И.* Метавселенные: проблемы правового регулирования // *Философия права.* 2022. № 4 (103). С. 16.

угрозы дипфейк-технологий, в зарубежных юрисдикциях предприняты попытки самостоятельного регулирования распространения дипфейков. Так, в штате Вирджиния США с 2019 года предусмотрена уголовная ответственность за распространение дипфейк-контента интимного содержания без согласия лица, изображенного на фальсифицированных видеоматериалах и изображениях¹. В Великобритании подобный закон действует с 2015 год. В штате Техас запрещено создание дипфейков, способных нанести вред политическим целям кандидатов на государственные должности.

На фоне растущих случаев мошенничества с использованием технологий искусственного интеллекта в Китае с 10 января 2023 года «в целях продвижения основных социалистических ценностей, обеспечения национальной безопасности и социальных и общественных интересов, а также защиты законных прав и интересов граждан, юридических лиц и других организаций» вступили в силу новые правила, регулирующие порядок использования информационных систем, позволяющих с помощью технологий «глубокого синтеза»² генерировать какой-либо контент, т.е. дипфейк. Данными правилами установлен запрет на использование технологий дипфейк для создания поддельных синтезированных изображений, которые либо угрожают национальной безопасности государства, наносят ущерб национальному имиджу, ущемляют социальные и публичные интересы, нарушают экономический и социальный порядок, ущемляют законные права и интересы других и т.д.; либо имеют цель распространения ложных новостей и информации. Для предотвращения распространения дипфейков в Китае установлено требование обязательной идентификации пользователей технологии дипфейк (с последующим обязательным хранением информации о

---

¹ Deepfake revenge porn distribution now a crime in Virginia. URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2019/07/deepfake-revenge-porn-distribution-now-a-crime-in-virginia> (дата обращения: 25.04.2023).

² 互联网信息服务深度合成管理规定. Положение об управлении глубокой интеграцией информационных услуг Интернета. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 20.06.2023).

пользователе), и запрет размещения синтезированных изображений, созданных пользователями, не прошедшими обязательную идентификацию. Кроме того, если при создании дипфейков использовались методы «замены лица» или другой биометрической информации, пользователям технологии дипфейк будет предложено проинформировать лицо, чье изображение редактируется, и получить отдельное согласие. Все изображения, созданные как дипфейк, будут подлежать обязательной маркировке. Анализ правил использования контента дипфейк в Китае показал, что данные правила регулируют процесс создания и распространения дипфейка, но не содержат нормы отдельной, в частности уголовной, ответственности лиц, использующих технологию во вред личности, обществу или государству.

Для пресечения возможного использования недостоверной информации, созданной посредством нейросетей, можно использовать возможности NFT (невзаимозаменяемых токенов). NFT представляет собой «конкретный, уникальный цифровой объект, информация о владельце которого, транзакциях и покупателях хранится в цепочке блоков – блокчейне»¹, т.е. позволяет с высокой степенью достоверности установить подлинность объекта. Кроме того, необходимо проводить мероприятия, направленные на развитие критического мышления, повышение цифровой грамотности населения, обучение использованию сервисов и инструментов, позволяющих людям без специального образования проверить происхождение видеоматериалов и изображений.

Было бы необъективно делать акцент только на негативных сторонах использования технологий дипфейк, не уделив внимание тому обстоятельству, что потенциально данные технологии могут рассматриваться как общественно полезные. Например, дипфейки используются в киноиндустрии, с их помощью можно омолодить актера без грима или вернуть на экраны артиста, которого уже нет. В российском кино этот метод использовали в четвертом сезоне сериала

---

¹ *Фатхи В.И.* Невзаимозаменяемые токены как объекты гражданских прав // Юристъ-Правоведь. 2022. № 4 (103). С. 182.

«Диверсант», вернув на экраны персонажа, которого сыграл умерший в 2010 году Владислав Галкин. Дипфейки используются в музейных экспозициях, позволяя воссоздать в реалистичной цифровой форме утраченные в реальности предметы искусства. Весьма интересным представляется использование возможностей технологии дипфейк в сфере образования, в частности, демонстрируя учащимся то, что невозможно воспроизвести традиционным «аналоговым» способом, а также предлагая школьникам узнать уравнения Эйнштейна из уст цифровой копии самого Эйнштейна. Проект «Dimensions of History» Университета Южной Калифорнии привлек большое внимание средств массовой информации, поскольку в нем были представлены интервью и голографические записи 15 выживших во время холокоста¹. Однако изначально разработанный ради сферы развлечений метод «замены лиц» на изображениях сегодня превратился в инструмент для создания весьма реалистичного цифрового контента, который не только может ввести в заблуждение, но и представлять собой реальную и потенциальную угрозу безопасности личности и государства.

Таким образом, сегодня явно назрела необходимость как надлежащего правового регулирования технологии дипфейк, так и признания права человека на его цифровой образ. Нормативно-правовое регулирование в сфере использования цифрового образа человека должно быть одновременно направлено и на защиту прав отдельного человека, обеспечение национальной безопасности, и на развитие, поддержание и укрепление возможностей использования «виртуальных подделок» в тех сферах общественной жизни, где они могут оказать положительное воздействие. Реакцией на новые возможности, которые предоставляет информационное пространство как государству, так и отдельной личности, должно стать усиление государственного контроля, направленное на обеспечение верховенства прав человека и гарантий цифровой безопасности личности.

---

¹ Dimensions in Testimony. URL: <https://sfi.usc.edu/dit> (дата обращения: 16.12.2022).

Следом за правом человека на его цифровой образ стоит отметить право человека на «цифровую смерть», совместно с которым употребляются такие термины как «право на цифровую реинкарнацию», «право на цифровое бессмертие». Право на «цифровую смерть» представляет собой концепцию, касающуюся вопросов управления «цифровым наследием» (аккаунтами в социальных сетях, сообщениями электронной почты, виртуальным имуществом и т.д.) после биологической смерти лица, а также или прекращением цифрового присутствия или же продления существования человека в цифровом формате с помощью преобразования аккаунта в мемориальное пространство. Так, право на «цифровую смерть» включает в себя различные правомочия, позволяющие определить после биологической смерти человека судьбу его «наследия» в цифровом формате, а именно:

– создание «цифрового завещания» (распоряжения относительно судьбы информации, выраженной в цифровой форме), с возможностью назначения «цифровых наследников». Так, у Apple есть проект «Цифровое наследство», позволяющий владельцам устройств Apple назначить людей (до пяти человек), которые получают доступ к данным аккаунта Apple ID после их смерти, предоставив свидетельство о смерти пользователя и ключ доступа. В Евросоюзе была принята Европейская декларация о цифровых правах и принципах, в которой закреплено право определить свое цифровое наследие и решить, что будет с общедоступной информацией, которая касается лица, после его смерти¹. А в соответствии со статьей 63 «Закона о Цифровой республике» Франции, пользователям предоставлено право устанавливать самостоятельно правила по сохранению, удалению и раскрытию своих персональных данных после смерти². Это означает, что права субъекта в определенной мере «продляются» после его

---

¹ European Digital Rights and Principles. URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles> (дата обращения: 01.04.2024).

² Французский Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16380> (дата обращения: 01.04.2024).

смерти посредством Интернета¹. Реализуя право на «цифровую смерть», человек может составить завещание, содержащее запрет на использование своего цифрового образа. Так, актер Робин Уильямс запретил использовать свой образ (имя, подпись, фотографии и другие изображения) в течение 25 лет после его смерти².

– создание «виртуального мемориала» на основе аккаунта в социальной сети. Согласно выводам британских исследователей, число учетных записей, принадлежащих усопшим людям, превысит количество живых пользователей всего через 50 лет³. Кроме того, сейчас набирают популярность уникальные проекты «воскрешения» человека в цифровой реальности, которые позволяют создать иллюзию присутствия умершего, например, Eternime и Hester AI – программы создания эмоционально-интеллектуальной цифровой копии покойного, или различные чат-боты, оснащенные технологиями искусственного интеллекта, имитирующими общение с умершим.

В вопросах обеспечения права на «цифровую смерть» нельзя не затронуть этическую составляющую. Как подчеркивает М.А. Савушкина, «современная философская цифровая танатология, исследуя социокультурные особенности восприятия смерти через оптику цифровизации, постулирует факт обесценивания и десакрализации смерти в цифровой культуре. Общество находится в ситуации цифрового поворота в деморализации и деритуализации в отношении к умиранию и мертвому телу человека»⁴. Отдельным аспектом являются проблемы конфиденциального характера, т.к. получение доступа к цифровым данным в порядке наследования может повлечь за собой нарушение

---

¹ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2(254). С. 8.

² Робин Уильямс запретил использовать свой образ в течение 25 лет. URL: <https://lenta.ru/news/2015/03/31/imagerobin> (дата обращения: 16.03.2024).

³ Ученые выяснили, когда усопших в сети станет больше, чем живых людей. URL: <https://ria.ru/20190429/1553139846.html> (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ Савушкина М.А. Этико-философские аспекты цифровой танатологии // Философия и общество. 2024. № 1. С. 112.

конституционного права на тайну переписки и сообщений, а также законодательства о персональных данных.

Процесс оформления новых прав человека, таких как цифровые права, – это достаточно длительный процесс, требующий объединения усилий международных организаций, национальных правительств, представителей науки, гражданского общества, IT-индустрии и экспертов в области защиты прав человека. Поступательное развитие системы цифровых прав человека в системе прав человека можно разделить на три этапа: «идея», в которой право представлено концептуально; «появление», когда право начинает признаваться правозащитным сообществом; и «полное признание», при котором цифровое право получает формальное закрепление и обеспечивается его защита.

Цифровые права человека обладают собственной правовой природой, несводимой к правам человека предыдущих поколений. Проанализированные нами закономерности существования цифровых прав человека позволили выделить следующие внутренние и устойчивые черты: мультирегуляторность природы; двойственный (амбивалентный) характер; исключительно цифровая форма выражения или реализации; ограниченность перечнем действий, предоставленных лицу посредством программно-технической инфраструктуры; универсальный и глобальный характер. Степень их признания и реализации, а также эффективность механизма защиты цифровых прав человека отражают уровень развития государства и общества в целом, а также, в силу сопутствующих цифровизации кардинальных изменений в экономике, уровень конкурентоспособности экономики. Представленный в параграфе объем правомочий, составляющий содержание цифровых прав личности, имеет в основном теоретическое значение, т.к. реализация каждым человеком этих полномочий в полном объеме или даже в части не может быть обеспечена в настоящее время ни одним государством.

Для цифровых прав человека характерно появление не только новых объектов и правомочий. Особенностью реализации цифровых прав человека является тот факт, что, во-первых, в цифровых правоотношениях возникают

ситуации «гибридной правосубъектности», когда субъектом правоотношения становится некий «актант» (цифровой субъект, цифровая личность, цифровой профиль), который обладает некой автономией от реальной личности, а вот реальный человек становится зависим от доступа к своей «цифровой копии». А во-вторых, для таких правоотношений становится необходимым участие посредника между такими «личностями» – представителя участника технологической сферы (владельца цифрового ресурса, администратора, оператора, провайдера и т.д.). Право вполне эффективно может регулировать и определять пределы внедрений технологических инноваций, устанавливая приоритет сохранения и развития человекообразности в праве.

Таким образом, особая юридическая природа цифровых прав человека, изменения в субъектном составе внутри отношений, появление новых, не имеющих аналогов в бесцифровой среде, объектов прав человека и правомочий позволяет утверждать о формировании цифровых прав человека как самостоятельного поколения прав. Сформировать единый общий перечень цифровых прав человека сегодня не представляется возможным в силу как скорости развития современных информационных технологий, так и необходимости поступательного осознания необходимости их юридического закрепления, обеспечения и защиты. При этом попытка систематизировать цифровые права человека необходима для дальнейшего не только теоретического анализа, но и с позиции перспектив нормативного закрепления. Становление системы цифровых прав человека свидетельствует о парадигмальном сдвиге в системе прав и свобод человека, требующем разработки единой доктрины. основополагающим принципом данной системы должен стать принцип сохранения образа и смысла жизни человеческой личности как носителя свободной воли в условиях технологической зависимости.

§ 1.3. Гарантии и меры обеспечения цифровых прав человека в современном мире

Развитие системы прав человека на сегодня подвержено двум прямо противоположным тенденциям, проявляющим себя в различных сферах. С одной стороны, мы наблюдаем процесс универсализации системы прав человека, которая в современных условиях имеет общепризнанную ценность. В пользу этого довода говорит тот факт, что фундаментальные права человека, закрепленные в международных правовых нормативных актах, находят свое отражение в конституциях государств, и хотя сегодня не существует институционализированного унитарного наднационального правительства, нельзя не обратить внимание на намечающиеся контуры нового глобального управления, концепции космополитической демократии, демонстрирующих неуместность национальных территориальных границ в определении конфигурации нового цифрового порядка. С другой – наблюдаются тенденции защиты государствами своей независимости, укрепления государственного суверенитета. Так, по словам Президента России В.В. Путина, «наш суверенитет носит национально-освободительный характер, потому что государство отстаивает свое историческое право быть сильной, независимой державой, которая имеет свои ценности и культуру»¹. Кроме того, с одной стороны, мы наблюдаем развивающееся экспоненциальными темпами формирование новых цифровых технологий, представляющих собой угрозу существующим правам человека (например, Интернет вещей, появление цифровых двойников в результате использования «умных медицинских изделий», увеличение количества средств удаленной биометрической идентификации и т.д.), с другой – многие интернет-сервисы и приложения в правилах пользования закрепляют гарантии защиты прав и свобод своих пользователей, в частности провозглашая их приоритетом Политики конфиденциальности.

---

¹ Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863> (дата обращения: 11.04.2024).

Права и свободы человека в реальном мире и цифровом пространстве имеют разные способы реализации, но они должны быть гарантированы и защищены в равной мере. Поэтому первый вопрос, на который необходимо ответить, заключается в том, может ли сегодняшнее нормативное регулирование в области прав человека обеспечить охрану и защиту провозглашенных цифровых прав человека в случае возникновения различных угроз, созданных новыми технологиями.

Сегодня мы живем во все более взаимосвязанном и взаимозависимом мире, где цифровые технологии выполняют важнейшую функцию в нашей повседневной жизнедеятельности. Это предопределяет необходимость разработки и принятия кодифицированного нормативного правового акта, направленного на обеспечение кибербезопасности, конфиденциальности информации и персональных данных, при этом обладающего экстерриториальностью действия и механизмом обеспечения исполнения на международном уровне. Неопределенность системы гарантий обеспечения прав человека в цифровой среде обусловлена формированием новых проблем, возникающих в результате (использования) новых информационных и коммуникационных технологий, связанных с отсутствием нормативно-определенных правил поведения индивида в цифровом пространстве, а также предоставленной субъекту четко определенной возможности совершать какие-либо действия и требовать соответствующих действий от других (либо воздержаться от соответствующих действий). Эти проблемы связаны с необходимостью осознания того, какие именно ценности в цифровом мире требуют признания и защиты, в чем состоит независимость и альтернативность лица в выборе правомерного поведения, т.е. оценкой возможности возникновения нового поколения прав, именуемых «цифровыми правами».

Соблюдение цифровых прав личности сегодня обретает принципиальное значение для обеспечения безопасности и жизнедеятельности человека и общества в целом, требует реформирования механизма обеспечительных мер защиты со стороны государства. «Цифровизация политики, экономики,

культуры способствует переосмыслению и пересмотру уже существующих прав человека с точки зрения их актуальности, полноты, соответствия современным реалиям жизни. Это ставит перед государством задачу признания и защиты цифровых прав и свобод человека и гражданина, так как от этого зависят правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности и общества в целом»¹. Следует добавить, что, по мнению профессора В.А. Карташкина, международная защита прав человека выступает наиболее эффективным средством защиты и является универсальным инструментом².

Процесс признания и защиты цифровых прав как нового, самостоятельного поколения прав человека на международном уровне можно разделить на два последовательных этапа: на первом из них происходит анализ воздействия сети Интернет на права человека, в первую очередь в контексте влияния на право на неприкосновенность частной жизни. Второй этап характеризуется постепенным признанием самостоятельного значения вновь возникающих возможностей, предоставляемых цифровой средой, и расширение перечня фундаментальных прав человека. Остановимся подробнее на каждом из них.

Осознание международным сообществом необходимости защищать фундаментальные права человека в цифровом пространстве с помощью некоего универсально приемлемого параметра было предметом многочисленных резолюций, принятых за последние годы органами Организации Объединенных Наций (далее – ООН), имеющих контрольные функции в области прав человека. Как полагает И.А. Трофимец, до принятия Всеобщей декларации прав человека упоминания о правах человека в киберпространстве, в частности об информационном праве (праве на доступ, поиск и передачу информации) можно

---

¹ Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 18–19.

² Карташкин В.А. Процесс универсализации прав человека в глобальном мире // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 21 апреля 2022 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 307–311.

встретить в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1946 г. A/RES/59 «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации», в которой говорилось, что «свобода информации является фундаментальным правом человека и представляет собой стандарт свободы»¹. Однако, предвидя угрозы фундаментальным правам человека еще до появления Интернета, Совет Европы принял в 1981 году Конвенцию о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных².

Прямая отсылка к правам человека в цифровом пространстве появилась в 2012 году, когда Совет ООН по правам человека принял Резолюцию, провозглашающую, что «те же права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайн-среде»³. В дальнейшем данный доминирующий подход к концепту прав человека в цифровой среде исходит из принципа «нормативной эквивалентности»⁴ между «офлайн» и «онлайн» (что не требует кардинальных изменений в праве), т.е. восприятие сети Интернет в качестве средства осуществления прав человека, был поддержан и Генеральной Ассамблеей ООН⁵. Последующие Резолюции ООН в области цифровых прав человека стали более концептуально сконцентрированными на более широком круге по вопросам обеспечения прав человека в цифровом пространстве,

---

¹ Трофимец И.А. Информационные права человека в цифровом пространстве (к 75-летию Всеобщей декларации прав человека) // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 4. С. 98–108.

² Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499 (дата обращения: 20.04.2023).

³ Резолюция Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете (16.06.2012). URL: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

⁴ *Dror-Shpoliansky D., Shany Y.* It's the End of the (Offline) World as We Know it: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology // *European Journal of International Law*. 2021. Vol. 32. Issue 4, P. 1249–1282; *Rona G., Aarons L.* State Responsibility to Respect, Protect and Fulfill Human Rights Obligations in Cyberspace // *Journal of National Security Law and Policy*. 2016. № 8(3). P. 503–530.

⁵ Резолюция A/RES/68/167 Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век. 21.01.2014. URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

переходя от проблем обеспечения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет к проблемам цифрового разрыва и неравенства, призывая государства предоставлять доступ к Интернету все большему количеству человек¹.

Однако дальнейшее развитие цифровых технологий постепенно поставило под сомнение пригодность сформированного ООН подхода о том, что традиционные нормы права достаточны для обеспечения защиты прав человека в онлайн-сфере, переводя внимание мирового сообщества от проблем в цифровом пространстве с акцентом на взаимосвязь между Интернетом и правами человека к более фундаментальным вопросам концепции прав человека в цифровую эпоху.

Знаковой можно назвать Резолюцию 71/199 (2017) Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху», в которой наряду к государствам содержится обращение к коммерческим организациям о необходимости информировать пользователей о сборе, использовании, передаче и хранении персональных данных, в том числе «приветствуя добровольно принимаемые коммерческими организациями меры по информированию своих клиентов о тех правилах, которым они следуют в отношении запросов государственных органов, касающихся предоставления доступа к данным и информации о клиентах»². Тем самым, в своих Резолюциях ООН признает, что защита цифровых прав человека выходит за рамки

---

¹ Резолюции ООН A/HRC/RES/21/16 Право на свободу мирных собраний и право на свободу ассоциации. 11.10.2012; A/HRC/RES/22/6 Защита правозащитников. 12.04.2013; A/RES/68/243. 27.12.2013. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности; A/HRC/RES/23/2 Роль права на свободу мнений и их свободное выражение в содействии расширению прав и возможностей женщин. 24.06.2013; A/RES/68/198 Использование информационно-коммуникационных технологий в целях развития. 20.12.2013; A/RES/68/163 Безопасность журналистов и проблема безнаказанности. 21.02.2014; 2.1.4 A/RES/68/167 Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век. 21.01.2014; A/RES/68/181 Пропаганда Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы: защита женщин-правозащитников и лиц, отстаивающих права человека женщин. 30.01.2014 и др.

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 2018 года [по докладу Третьего комитета (A/73/589/Add.2)] 73/179. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. URL: https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/1037/A_RES_73_179_RU.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

обязанностей государства, перераспределив эту обязанность между государством и рядом заинтересованных лиц, в частности, возложив ее на коммерческие организации. Полагаем, это связано с тем, что по сути цифровое пространство децентрализовано, в нем доминируют не государства, а как раз таки частные субъекты, которые предоставляют пользователям услуги, взаимодействуют с ними и обеспечивают соблюдение условий предоставления услуг. В таких условиях возложение только на государства обязанности по обеспечению гарантий защиты цифровых прав человека может создать большой разрыв между ожиданием действующего механизма надлежащей защиты и реальностью, в которой решения принимают корпорации.

Активная роль в формировании концепта цифровых прав человека принадлежит Решениям Европейского Суда по правам человека.

В декабре 2022 года в Евросоюзе была принята «Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия»¹ (далее – Декларация), предложенная Европейской Комиссией в январе 2022 года. Декларация опирается на смешанный нормативный подход в том смысле, что она сочетает перечень признаваемых цифровых прав человека и набор основополагающих принципов, «закрепляет сближение цифровой повестки Евросоюза с более чем десятилетними инициативами ООН по защите прав человека в Интернете, включая работу ЮНИСЕФ по цифровым правам детей, с пропагандой гражданского общества за введение цифровых прав и различные правительственные инициативы, предпринятые на глобальном уровне»². Декларация 2022 года была разработана в ответ на предыдущие инициативы стран Евросоюза в области обеспечения мер и гарантий защиты прав человека в цифровом пространстве. С 2017 года странами Евросоюза были приняты

---

¹ European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade. URL: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2022/01/European-Declaration-on-Digital-Rights-and-Principles-for-the-Digital-Decade.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

² *Cocito C., de Hert P.* The Transformative Nature of the EU Declaration on Digital Rights and Principles: Replacing the Old Paradigm (Normative Equivalency of Rights) // *Computer Law & Security Review*. September 2023. 50: 105846.

Декларация об электронном правительстве («Таллиннская декларация об электронном правительстве»)¹, «Министерская декларация о цифровом обществе и цифровом управлении, основанном на ценностях»² и «Лиссабонская декларация – цифровая демократия»³, содержащие основы цифровой трансформации системы прав человека.

Особенностью Декларации является достаточно интересная структура, проявляющаяся в сплетении фундаментальных прав и принципов. Декларация провозглашает, что технологии должны служить и приносить пользу всем людям, живущим в Евросоюзе, и давать им возможность реализовывать свои стремления в условиях полной безопасности и уважения их основных прав. Провозглашенные в Декларации принципы можно сгруппировать в пять категорий: в области персональных данных (право на защиту персональных данных и право на доступную, безопасную и надежную цифровую идентификацию); в области доступа к цифровым ресурсам (доступ к сети Интернет, к ключевым государственным услугам, услугам образования, здравоохранения); в области кибербезопасности (право на защищенную, безопасную и надежную цифровую среду); в области формирования свободного цифрового пространства (право на использование систем алгоритмического и искусственного интеллекта, свобода выражения мнений); цифровые права в социально-экономическом измерении (право на справедливые, благоприятные, здоровые и безопасные условия труда и цифровое отключение, корпоративный цифровой контроль). Провозглашенные Декларацией принципы имеют соответствующее цифровое обоснование, таким образом, Евросоюз отошел от первоначально провозглашенного принципа «нормативной эквивалентности».

---

¹ Ministerial Declaration on eGovernment – the Tallinn Declaration. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/ministerial-declaration-egovernment-tallinn-declaration> (дата обращения: 05.05.2024).

² Berlin Declaration on Digital Society and Value-based Digital Government. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Lisbon Declaration – Digital Democracy with a Purpose. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/digital-compass/digital-principles/library-video/lisbon-declaration-digital-democracy-purpose> (дата обращения: 05.05.2024).

Помимо принятия и провозглашения на международном уровне, цифровые права получили свое закрепление и в национальном законодательстве. Такие страны, как Германия и Великобритания, включили комплексные цифровые права в свою правовую базу. Строгие положения Германии о защите данных и конфиденциальности установили высокие стандарты и уже давно находятся в авангарде законов о защите данных и конфиденциальности, устанавливая высокие стандарты для других стран¹. Нидерланды выдвинули Международную киберстратегию 2023–2028², которая направлена на укрепление принципов демократии и прав человека в Интернете.

Принятие нормативных актов в части обеспечения цифровых прав человека встречается и на муниципальном уровне. Так, в октябре 2023 года в Брюсселе на основе Европейской декларации о цифровых правах и принципах принята Хартия по правам человека в цифровой сфере³, провозглашающая необходимость обеспечения доступности населения к цифровым технологиям, свободу выбора, участие в цифровом общественном пространстве, обеспечение надлежащей защиты и безопасности персональных данных, а также устойчивости развития. В вышеуказанной Хартии, помимо провозглашения прав человека в цифровой среде, содержатся дополнительные обязательства, принимаемые на себя властями города, а также перечень конкретных действий, которые должны быть реализованы к 2030 году. Эти действия включают увеличение количества точек Wi-Fi, проведение семинаров по развитию цифровых навыков у населения и обеспечению онлайн-безопасности, внедрение устойчивых практик закупок соответствующего целям Хартии оборудования. Данная Хартия свидетельствует об эффективности взаимодействия

---

¹ Hartmut A. Privacy and Security: German Perspectives, European Trends and Ethical Implications // Ethical Issues in Covert, Security and Surveillance Research Advances in Research Ethics and Integrity. Emerald, 2022. Vol. 8. P. 119–129.

² International Cyber Strategy 2023–2028. URL: <https://www.government.nl/documents/publications/2023/09/12/international-cyber-strategy-netherlands-2023-2028> (дата обращения: 28.04.2024).

³ The City of Brussels launched its Digital rights charter. URL: <https://citiesfordigitalrights.org/city-brussels-launched-its-digital-rights-charter> (дата обращения: 28.04.2024).

муниципальной власти с местным населением в рамках решения вопросов обеспечения цифровых прав человека.

На сегодняшний день в 120 странах мира существует национальное законодательство, регулирующее вопросы защиты неприкосновенности частной жизни в цифровом пространстве¹. Согласно данным опроса, проведенного специальным евробарометром Eurobarometer в 2024 году, 62 % граждан знают, что их права, которые применяются офлайн, должны соблюдаться и в Интернете, что на 5 % больше, чем в прошлом году (57 %). О принадлежащих им цифровых правах знают граждане, проживающие в Нидерландах (85 %), Дании (81 %), Люксембурге (81 %) и Литве (79 %). Напротив, более половины граждан не знают своих цифровых прав в Болгарии (64 %) и почти половина в Италии и Греции (49 %)².

В США на федеральном уровне приняты законы, регулирующие безопасность и конфиденциальность личной медицинской информации³, информации потребителей коммерческих услуг⁴, защиты персональных данных несовершеннолетних⁵. Кроме того, в США каждый отдельный штат должен определять свою собственную политику защиты прав человека в цифровой среде. Так, в США в ноябре 2020 года был принят Калифорнийский закон о правах на неприкосновенность частной жизни (CIPA)⁶, направленный на

---

¹ Data Privacy Laws and Regulations Around the World. URL: <https://securiti.ai/data-privacy-laws> (дата обращения: 28.04.2024).

² Цифровое десятилетие 2024: специальный отчет евробарометра. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-decade-2024-special-eurobarometer-report> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Health Insurance Portability and Accountability Act. Public Law 104-191-AUG. 21, 1996. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).

⁴ The Gramm-Leach-Bliley Act Public Law 106-102-Nov. 12, 1999. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf>; FairCreditReportingAct; (дата обращения: 05.05.2024).

⁵ Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. 6501–6505. URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-/coppa> (дата обращения: 03.03.2024).

⁶ California Consumer Privacy Act – CCPA. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billCompareClient.xhtml?bill_id=201720180AB375 (дата обращения: 05.05.2024)

усиление мер ответственности за нарушение цифровыми платформами правил защиты «цифровой конфиденциальности» граждан, а также обязывающий все веб-сайты предоставить пользователям возможность в контекстном меню выбрать «запретить предоставление и разглашение личной информации», либо «ограничить использование личной информации». CPRA также регламентирует такие цифровые права человека как право на забвение и право на отказ от автоматизированного принятия решений¹. Вторым штатом в США после Калифорнии, принявшим всеобъемлющий закон о конфиденциальности данных, стала Вирджиния, в настоящее время в 12 штатах США приняты законы о конфиденциальности персональных данных в цифровой среде, и еще в 7 штатах рассматривают действующие законопроекты².

В 2014 году Бразилия приняла Закон Marco Civil da Internet (MCI), или Бразильский билль о правах в Интернете³. Бразильский билль внес изменения в Конституцию страны, определив десять принципов соблюдения прав человека в сети Интернет, включая соблюдение сетевого нейтралитета, неприкосновенности частной жизни, свободы слова и выражения мнений, безопасности и доступности.

В Китае наблюдается особый «жесткий» государственный контроль экономики, инновационной и исследовательской областей в условиях цифровизации. 20 августа 2021 года Китай ввел в действие свой основной регламент по защите данных – Закон о защите личной информации (PIPL), вступивший в силу 1 ноября 2021 года. PIPL составляет единую систему правового регулирования вместе с Законом о безопасности данных (Data Security Law), Законом о кибербезопасности (Cybersecurity Law), Гражданским кодексом (Civil Code) и вступившим в силу 1 сентября 2021 г. Регламентом о защите

---

¹This measure shall be known and may be cited as “The California Privacy Rights Act of 2020. URL: <https://thecpra.org> (дата обращения: 05.05.2024).

²U.S. State Data Privacy Laws. URL: <https://www.enzuzo.com/blog/data-privacy-laws#> (дата обращения: 28.04.2024)

³ Presidency of the Republic Civil House Legal Affairs Subsection LAW No.12.965, April 23rd 2014. URL: <https://publicknowledge.org/policy/marco-civil-english-version> (дата обращения: 12.05.2024).

безопасности критической информационной инфраструктуры (Critical Information Infrastructure Security Protection Regulations)¹. При этом в Китае создана крупнейшая в мире база данных ДНК, которая собрана без информированного согласия физических лиц², система видеонаблюдения с распознаванием лиц обеспечена по меньшей мере 626 миллионами камер видеонаблюдения (одна камера на каждые двух человек)³.

В Индии цифровые права человека в настоящее время не выделены в отдельный нормативный правовой акт. Тем не менее Верховный суд Индии признал существование цифрового права «на доступ в Интернет» как соответствующее Конституции Индии⁴. Однако реализация данного права осложняется частыми и длительными отключениями Интернета районными властями / властями штата, которые уполномочены осуществлять запрет на использование сети Интернет рядом нормативных актов, в частности Уголовно-процессуальным кодексом.

В законодательстве Беларуси получило свое закрепление, хоть и без прямого указания на это, право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей⁵, право на защиту персональных данных⁶. В Узбекистане предприняты шаги в направлении

---

¹ Обзор закона КНР о защите персональной информации (Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL)). URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/17/obzor_zakona_knr_o_zaschite_personalnoj_informacii_personal_information_protection_law_of_the_peoples (дата обращения: 15.05.2024).

² Eight Months Pregnant and Arrested After False Facial Recognition Match. URL: <https://merics.org/en/events/chinas-handling-biometric-data-trends-and-implications-europe> (дата обращения: 15.05.2024).

³ Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras. URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities> (дата обращения: 05.05.2024).

⁴ Digital Rights: Understanding its Importance and Challenges in India. URL: <https://testbook.com/articles/digital-rights> (дата обращения: 15.05.2024).

⁵ Закон Республики Беларусь от 10.10.2008 №455-З «Об информации, информатизации и защите информации». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10800455> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶ Закон Республики Беларусь от 21.07.2008 № 418-З «О регистре населения»; Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных»; Закон Республики Беларусь от 10.10.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; Закон Республики Беларусь «О регистре населения». URL: <https://etalonline.by>

цифрового управления и электронных государственных услуг, приняты несколько законов, таких как закон о кибербезопасности, защищающий субъективные права, связанные с владением, использованием и распоряжением национальными информационными ресурсами и оказанием информационных электронных услуг по их использованию, защитой информации и кибербезопасностью¹, а также закон о персональных данных². Кроме вышеперечисленных, как отмечает Н.С. Бондарь, «в Италии с 2015 г. действует Декларация о правах в Интернете; Новая Зеландия приняла Закон о вредных цифровых коммуникациях (Harmful Digital Communications Bill), предполагающий привлечение к ответственности, вплоть до уголовной; во Франции принят Закон о цифровой республике (LOI pour une République numérique)»³.

Право на доступ в Интернет существует в правовом пространстве, хотя и далеко не повсеместно. Так, несколько стран, Эстония⁴, Финляндия⁵, Греция⁶, Италия, Индия⁷, а также Португалия⁸ признали право на доступ в Интернет в качестве права человека. При этом согласно данным статистики в 2022 году

---

¹ Закон Республики Узбекистан «О кибербезопасности». Принят Законодательной палатой 25 февраля 2022 года. Одобрен Сенатом 17 марта 2022 года. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5960609> (дата обращения: 03.05.2024).

² Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 № ЗРУ-547, Закон о персональных данных, принят Законодательной палатой 16 апреля 2019 года, одобрен Сенатом 21 июня 2019 года. URL: <https://lex.uz/docs/4831939> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 31.

⁴ В 2000 году Эстонский парламент (Рийкогу) принял Закон о телекоммуникациях 2000 года ('Telekommunikatsiooniseadus'), который расширяет универсальную услугу, включая доступ в Интернет. С 2000 г. в Конституции Эстонии содержится положение, согласно которому все граждане этой страны имеют право на доступ к Интернет.

⁵ В Финляндии широкополосный интернет предоставили всем гражданам. URL: <https://pravo.ru/interpavo/news/view/33144> (дата обращения: 23.05.2024).

⁶ Статья 5А. Конституция Греции. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008 (дата обращения: 14.05.2024).

⁷ Bordoloi P. Digital India needs internet, not internet shutdowns. URL: <https://analyticsindiamag.com/digital-india-needs-internet-not-internet-shutdowns> (дата обращения: 14.05.2024).

⁸ Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.Р. Алимова, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: ИнфотропикМедиа, 2022. 472 с.

Индия отключала Интернет своим гражданам в 84 раза больше, чем любая другая страна¹.

Ограничительные меры для цифровой трансформации введены и в Таиланде. Правительство Таиланда считает Интернет угрозой национальной безопасности и уже неоднократно подвергало его цензуре.

Жесткие меры, направленные на обеспечение цифровой цензуры, введены в Пакистане. В соответствии с принятыми в 2020 году Правилами удаления и блокирования незаконного онлайн-контента² любой контент, направленный против религиозных основ, целостности, безопасности и обороны Пакистана, общественного порядка и норм морали и нравственности, может быть удален/заблокирован. Жалоба на контент может поступить от любого лица, а обязанность «фильтровать» контент возложена на владельцев социальных сетей. При этом штраф за размещение такого контента установлен в размере до 500 миллионов на операторов цифровых платформ.

Право дистанционных работников «быть не в сети» («Right to disconnect»), нашло свое закрепление в законодательстве Франции, Италии, Испании, Бельгии и Португалии.

Полагаем, что гарантии обеспечения цифровых прав человека должны быть определены как предусмотренные законом средства, непосредственно обеспечивающие правомерность поведения субъектов общественных отношений в цифровой (информационной) среде. К ним, в частности, следует отнести:

1. Нормативное закрепление основ защиты прав человека в условиях цифровизации как на национальном, так и на международном уровне. Следует согласиться с мнением уполномоченного по правам человека Татьяной Москальковой, что новая архитектура защиты цифровых прав человека должна

---

¹ Countries Shutting Down the Internet 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/countries-shutting-down-the-internet> (дата обращения: 15.04.2024).

² Removal and Blocking of Unlawful Online Content (Procedure, Oversight and Safeguards), Rules 2020 URL: <https://www.dataguidance.com/legal-research/removal-and-blocking-unlawful-online-content> (дата обращения: 15.06.2024).

базироваться на таких принципах, как: политическая нейтральность или политическая непредвзятость; безбарьерная правозащитная среда; разнообразие правозащитных механизмов; равноправие и взаимное уважение интересов государств – участников международных правозащитных организаций; максимальное представительство и коллективное решение наиболее значимых вопросов; развитие международной региональной правозащитной системы; расширение практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека¹.

Сущность сети Интернет уже сама по себе свидетельствует о необходимости выработки консолидированной стратегии обеспечения системы цифровых прав человека на международном уровне, однако различные факторы, такие как политические, экономические и юридические рамки, культурные различия, и разносторонние интересы могут препятствовать установлению согласованных принципов. В условиях невероятной скорости внедрения новейших цифровых технологий соблюдение требований к безоговорочному международному сотрудничеству в данной сфере одновременно с необходимостью сохранения суверенитета государства создает достаточно сложную ситуацию.

2. Установление прямого запрета на использование цифровых технологий, нарушающих права человека, в частности используемых для электронной слежки или для формирования системы социального рейтинга. Необходимо обеспечить баланс между интересами безопасности государства, общества и человека и развитием цифровых технологий. В частности, в условиях развития технологий биометрической идентификации личности с помощью систем искусственного интеллекта (например, технологий Умного города), предоставляющей возможность постоянного наблюдения за каждым человеком, право на неприкосновенность частной жизни рискует стать атавизмом

---

¹ Татьяна Москалькова назвала семь принципов новой цифровой архитектуры. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/505fb4f6-d4cd-45c4-a05f-1c28692ee80b> (дата обращения: 09.06.2024).

конституционного права. В сентябре 2023 года власти Китая подтвердили опубликованную Эдвардом Сноуденом информацию о регулярных кибератаках Агентства национальной безопасности (АНБ) США на Huawei и другие китайские компании¹.

Кроме того, необходимо обеспечить каждому пользователю при реализации права на доступ к сети Интернет надлежащую защиту персональных данных от несанкционированного доступа и неправильного использования. Пользователи Сети имеют право знать, как используются их данные, и иметь возможность запретить их использование.

3. Закрепление права на сохранение традиционного «бесцифрового» образа жизни, основанного на принципе свободной личности, предоставляющем человеку право на выбор среды взаимодействия (цифровой или в офлайн-формате) как друг с другом, так и с представителями услуг, в том числе и государственных. Возможность выбора бесцифрового «старорежимного», традиционного образа жизни должна быть представлена в первую очередь экспертизой принимаемых законопроектов и подзаконных нормативных правовых актов на предмет оценки рисков причинения вреда существующим правам человека, обеспечения равного доступа к реализации естественных прав и свобод человека для всех категорий граждан, получения юридических гарантий того, что отказ от цифровой формы не приведет к ухудшению их положения по сравнению с другими потребителями коммерческих и государственных услуг. Сегодня же «ценой отказа от инноваций становятся экономическая отсталость, укрепление авторитарных тенденций в политике и культурная деградация»².

4. Закрепление приоритета сохранения и развития человекообразности в праве в контексте развития технологий искусственного интеллекта. Под

---

¹ Министерство госбезопасности КНР подтвердило слова Сноудена о кибератаках АНБ на Huawei. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18801711> (дата обращения: 15.05.2024).

² *Скоробогачкий В.В.* Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. Т. 23, № 1. С. 96.

влиянием цифровой информационной среды личность человека деформируется и отчуждается от ее собственных специфических особенностей. В цифровых правоотношениях возникают ситуации, когда «действующим лицом» оказывается не субъект и личность, а некий «актант», «делегировавший разработанным технологиям ряд значимых функций, несамодостаточный в их отсутствие». Таким образом, гибридная форма субъектности, характеризующаяся «сращением» человека и технологий, подмена в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью» может позволить сторонникам трансгуманизма, провозглашающим безграничное совершенствование человека на основе технологических достижений, привести общество к печальному итогу: расчеловечиванию человека, превращению его постчеловека, который будет совсем другим существом, человеком нового типа – Homo informaticus или Homo supertechnologicus.

По словам профессора Орхусского университета Вольфганга Кляйнвехтера, в 2024 году основным предметом дискуссий стал Глобальный цифровой договор (GDC) с целью усиления цифрового сотрудничества. «Поскольку в современном мире от цифровых средств как никогда зависят обеспечение связи и социально-экономическое процветание, в числе первоочередных задач должны оставаться формирование общего видения цифрового сотрудничества и цифрового будущего, отражающего весь потенциал полезного использования технологий, и решение вопросов, касающихся доверия и безопасности в цифровой сфере»¹.

Несомненно, сегодня мировое сообщество не может дать с позиции права адекватный ответ цифровым технологиям с учетом скорости их изменения и совершенствования. Изменяется система регулирования общественных отношений с иерархической (вертикальной) структуры в новую сетевую (горизонтальную). Как следствие, государства пытаются усилить контроль за

---

¹ Управление Интернетом в 2024 году: взаимовыгодное сотрудничество или игра с нулевой суммой? URL: <https://d-russia.ru/upravlenie-internetom-v-2024-godu-vzaimovygodnoe-sotrudnichestvo-ili-igra-s-nulevoj-summoj.html> (дата обращения: 12.06.2024).

цифровым пространством, зачастую подводя людей к цифровому «выживанию». В таких условиях механизм защиты прав человека в условиях информационного общества должен включать в себя возможности равного использования цифровых технологий без дискриминации, защиту от использования цифровых технологий манипулирования людьми, а также обеспечения как личной неприкосновенности, так и неприкосновенности собственности¹.

Таким образом, механизм обеспечения цифровых прав человека в современном мире строится по трем основным направлениям:

1. Жесткий государственный контроль за цифровым пространством (Китай, Пакистан, Таиланд).
2. Признание существования самостоятельности концепта цифровых прав человека и попытка его всеобъемлющего регулирования (страны Евросоюза).
3. Характерное для большинства государств постепенное признание и обеспечение цифровых прав человека фрагментарным способом (Бразилия, Эстония, Финляндия, Греция, Италия, Индия, Португалия, Беларусь, Казахстан и т.д.).

Полагаем, что отсутствие универсальных стандартов и порождает эффект «регуляторного разрыва», в рамках которого одни и те же международные цифровые платформы стоят перед выбором или одновременно подчиняться различным, зачастую несовместимым требованиям, или руководствоваться принципами и стратегиями, установленными самостоятельно, без оглядки на национальное законодательство.

Исходя из проведенного исследования состояния гарантированности цифровых прав человека в современном мире можно сделать вывод, что развитие новых информационных и иных технологий приводит к наращиванию темпов законодательной активности по расширению сферы правового регулирования на

---

¹ Yuwei Wang, Huiwen Wang, Zhaobin Pei. Ethical path for human rights protection in the digital society // SHS Web of Conferences 157. February 2023. DOI: 10.1051/shsconf/202315704006. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2023/06/shsconf_essc2023_04006.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

новые или измененные общественные отношения в попытке найти разумный баланс между обеспечением национальной безопасности, цифровой безопасности человека и технологическим прогрессом. Отмечается тенденция к проникновению в правовой оборот цифровых прав как нового поколения прав человека, а также повышению уровня защиты прав в цифровом пространстве.

В то же время следует отметить отсутствие международных инструментов в области защиты прав человека в условиях цифровой среды. В сентябре 2024 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Глобальный цифровой договор¹ (Global Digital Compact, далее – GDC), в котором впервые зафиксировали на общенациональном уровне важность доступности сети Интернет для каждого и совместного регулирования возможностей искусственного интеллекта.

GDC построен на нескольких основополагающих принципах, которые учитывают как возможности реализации прав человека в цифровом пространстве, так и риски, связанные с цифровыми технологиями. В частности:

1. Право на доступ к сети Интернет определяется в качестве фундаментального права человека. GDC подчеркивает, что интернет-связь должна быть доступной и инклюзивной.

2. Признается право каждого на получение цифровых навыков и непрерывного доступа к возможностям цифрового обучения, что позволит обеспечить безопасность человека в цифровом пространстве.

3. Провозглашается обязанность государств защищать основные права человека в цифровом пространстве, включая неприкосновенность частной жизни, свободу слова и безопасность данных. В том числе принятие национального законодательства в сфере цифровых технологий в соответствии с нормами международного права в области прав человека.

4. Для этого необходимо:

– соблюдение международных норм в области прав человека при использовании цифровых технологий;

---

¹ Global Digital Compact. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact> (дата обращения: 15.05.2024).

– применение разработанных ООН «Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека», применяемых к деятельности всех лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью предприятиям независимо от их размеров, сферы деятельности, места нахождения, форм собственности и структуры.

– укрепление правовых и политических механизмов защиты прав ребенка в цифровом пространстве в соответствии с международным правом прав человека, включая Конвенцию о правах ребенка (Всемирная конвенция о правах ребенка);

– поощрение сотрудничества, в том числе между университетами, научно-исследовательскими институтами и частным сектором, в целях ускорения развития цифровых знаний населения;

– поощрение инноваций и предпринимательских инициатив с целью увеличения числа цифровых стартапов, микро-, малых и средних предприятий в развивающихся странах и содействия их доступу на рынки за счет использования цифровых технологий;

– обмен знаниями и передовым опытом в области цифрового предпринимательства для поддержки инновационных программ и местных технологических решений в развивающихся странах.

Глобальный цифровой договор ООН ставит своим приоритетом сокращение цифрового неравенства, а также усиливает влияние негосударственных субъектов, таких как представители частного сектора, технического сообщества и гражданского общества, на процессы управления цифровой средой. Такой многосубъектный подход контрастирует с концепцией «Цифрового суверенитета», где доминирующая роль в управлении взаимоотношениями в цифровом пространстве признается за государством. 26 августа 2025 года Генеральная Ассамблея ООН в продолжение основ Глобального цифрового договора приняла резолюцию (A/RES/79/325), в которой изложены полномочия и порядок создания и функционирования двух новых механизмов управления искусственным интеллектом: Независимой

международной научной группы по ИИ и Глобального диалога по управлению ИИ¹.

Таким образом, исследовать систему цифровых прав человека можно с различных точек зрения, и нет недостатка в количестве дискуссий по поводу понятия и сущности цифровых прав человека, субъектному составу цифровых правоотношений, концептуальных и институциональных аспектов реализации и защиты цифровых прав человека в экстерриториальной, неурегулированной и быстро меняющейся цифровой среде.

Проанализировав существующие теоретико-методологические подходы к понятию цифровых прав человека, можно сделать вывод, что сегодня единая общепринятая концепция цифровых прав отсутствует, а получившие позитивацию цифровые права человека отличаются расплывчатым и изменчивым содержанием. Такое признание цифровых прав как самостоятельного поколения прав человека не самоцельно: оно необходимо для выстраивания адекватной, гарантированной и эффективной системы защиты прав личности в условиях, когда цифровые технологии становятся детерминантой общественных отношений.

Нормативное закрепление цифровых прав человека сегодня вышло за рамки исключительно декларативных положений. Однако в настоящее время основное внимание государств сосредоточено на вопросах соблюдения в цифровом пространстве принятых на международном уровне стандартов в области прав человека, особенно в части обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. В целом, общим для многих государств можно выделить отсутствие специализированных нормативных правовых актов, обеспечивающих действенные гарантии независимости и альтернативности человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве, регламентирующих сущность и содержание цифровых прав человека, а также

---

¹ Resolution A/RES/79/325 – Modalities for the independent international scientific panel on artificial intelligence and the global dialogue on AI governance. URL: <https://docs.un.org/en/A/79/1.118> (дата обращения: 01.09.2025).

закрепляющих надежный механизм их защиты в случае нарушений. В такой ситуации даже формальное закрепление новых цифровых прав человека не означает, что цифровые права реализуются и обеспечиваются. Даже самые прогрессивные законы остаются декларативными при отсутствии институциональной независимости органов контроля и надзора за соблюдением цифровых прав человека, а также сформированной и единообразной судебной практики, подтверждающей действенность закрепленных гарантий. Только при условии признания концепта цифровых прав человека как уникального правового явления и обеспечения их реальной, а не декларативной гарантированности можно говорить о прогрессивной эволюции права в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, система цифровых прав человека в мире сегодня развивается в условиях противоречия между глобализацией цифрового управления и усилением государственного суверенитета, при общем, но в то же время разрозненном признании государствами необходимости уточнения содержания прав человека применительно к цифровой среде. Полагаем, что в перспективе потребуются формирование единой Глобальной архитектуры цифровых прав человека, основанной на принципах верховенства прав человека, технологической нейтральности, ответственности и подотчетности транснациональных корпораций.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

§ 2.1. Механизм обеспечения цифровых прав человека в системе российского законодательства

Конституция РФ 1993 г. закрепила весь спектр прав и свобод человека, а также гарантии их реализации, предусмотрев обязанность государства охранять и защищать достоинство личности как объединяющее начало всех иных прав и свобод человека, как условие их признания и соблюдения. Несомненно, Российское государство не осталось в стороне от происходящих повсеместно процессов цифровизации и своевременно реагирует на возрастающую роль цифровых прав человека и возникающие в данной сфере проблемы. В условиях поступательного становления цифровой экономики вопросы осуществления правозащитной функции отечественной правовой системы, связанные с реализацией прав человека, вызывают к себе повышенный интерес, как со стороны исследователей, так и со стороны государства. В соответствии с данными так называемого глобального рейтинга ООН по развитию электронного правительства (E-Government Development Index – EGDI)¹, Россия в 2024 году заняла 43-е место, с показателем индекса уровня развития электронного правительства 0,8532. Рейтинг EGDI рассчитывается на основе трех показателей: развитие электронных услуг, развитие человеческого капитала и развитие телекоммуникационной инфраструктуры на протяжении двух лет, предшествующих обновлению рейтинга.

В Российской Федерации построение механизма обеспечения цифровых прав человека в первую очередь осуществляется на основе разработанной Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на

---

¹ E-Government Survey 2022 The Future of Digital Government. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

2017–2030 годы¹. Стратегия устанавливает направления развития информационного общества в стране в целях создания условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. Кроме того, приняты: на смену Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»² Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»³, призванный обеспечить цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы; Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁴.

Также принято множество отдельных законов и подзаконных актов⁵, определяющих направления, по которым развивается законодательство в области цифровизации, таких как:

– цифровые технологии в области оказания государственных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»,

---

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 15.05.2025).

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7); Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 13.05.2022) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Правительство РФ. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения 09.09.2025).

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в том числе Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 «О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (вместе с «Положением о государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»);

– цифровые технологии в сфере защиты персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»; Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»; Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»;

– цифровые технологии в сфере предоставления доступа к сети Интернет и распространения информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Федеральные законы от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;

– цифровые технологии в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом в Интернете: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

– цифровые технологии в сфере предпринимательской деятельности: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации»; Федеральный закон от 10.01.2003 № 15-ФЗ «Об электронной подписи»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Усиливающееся с каждым годом влияние цифровых технологий на систему государственного управления, формирование соответствующей правовой системы, появление нового цифрового или информационного пространства делают актуальными научные исследования в сфере проблематики охраны и защиты прав человека и гражданина. В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ одним из приоритетных направлений развития страны названа цифровая трансформация, связанная с достижением «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления. При этом в качестве основополагающего принципа дальнейшего развития правовой составляющей общественно-политического устройства несомненно должен оставаться безусловный приоритет прав и свобод человека.

В гражданском законодательстве РФ есть нормы о цифровых правах как объектах гражданских прав, о порядке заключения договоров в электронной форме. В действующем уголовном законодательстве РФ предусмотрена ответственность за киберпреступления². Цифровые тенденции не обошли стороной и сферу процессуального права. Нормы, предоставляющие возможность удаленного доступа к участию в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, содержатся и в цивилистическом, и административном,

---

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927 (дата обращения: 15.05.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 15.09.2025).

и уголовном судопроизводствах¹. Реальностью становится и электронный документооборот.

Несмотря на большое количество отечественных нормативных правовых актов, обеспечивающих права человека в цифровом пространстве, наблюдается определенная пробельность и даже коллизии норм права. Так, например, основания и порядок оказания медицинской помощи с использованием телекоммуникационных технологий регулируется законодательством в сфере здравоохранения, а само использование телекоммуникационных технологий – информационным правом².

Ярким примером парадоксальности служит законодательство в области персональных данных. Что собой представляют персональные данные в России, раскрывает п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»³. В нем содержится определение, персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Из данного определения следует, что персональные данные не что иное, как информация, которая относится к определенному лицу, т.е. без «привязки» к определенному лицу сведения перестают попадать под действие Закона № 152-ФЗ. Однако, п. 9 ст. 3 Закона № 152-ФЗ содержит понятие «обезличивание персональных данных», под которым понимают действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных, а п. 7. ст. 5 Закона № 152-ФЗ по сути ставит знак равенства между уничтожением персональных данных и их обезличиванием.

---

¹ Статья 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ); ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ); ст. 142 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ); Статья 241.1. Уголовно-процессуального кодекса // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Записная Т.В.* О концепции развития правового регулирования отношений в сфере цифровизации отечественного здравоохранения // Юрист. 2021. № 5. С. 69–74.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 15.09.2025).

Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ также содержит нормы, касающиеся персональных данных, полученных в результате обезличивания¹.

Конституционный Суд РФ рассматривает персональные данные наряду с охраняемыми законом тайнами в качестве важной конфиденциальной информации, запрет на разглашение которой обусловлен интересами ее нераспространения². А ведь персональные данные представляют нас в цифровой среде, как возможно их отделить от субъекта посредством «обезличивания»? Если мы признаем отделение персональных данных от субъекта, то в таком случае это особый объект наших прав (нематериальное благо), который может быть предметом такого преступления как кража, т.е. по сути «кража цифровой личности».

1 марта 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», которым в Закон «О персональных данных» введена ст. 10.1, которая предоставляет пользователю возможность отозвать согласие на распространение и обработку персональных данных, имеющихся у оператора, но «не регламентирует, каким образом должно отпразднаться требование пользователя о прекращении использования и распространения персональных данных, что может сделать реализацию данного положения Закона затруднительной»³.

Статья 6 Закона № 152-ФЗ (п. 1 ч. 1). содержит норму, согласно которой, обработка персональных данных осуществляется с согласия пользователя, но и

---

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127 (дата обращения: 20.08.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О по жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

³ Дмитриева Е.Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23.

содержит перечень условий, при которых обработка персональных данных может осуществляться без согласия субъекта, в частности, если обработка персональных данных необходима для осуществления профессиональной деятельности журналиста и (или) законной деятельности средства массовой информации (п. 8 ч. 1)¹. Таким образом, право на защиту частной жизни, включающее защиту персональных данных, и право на свободу поиска, передачи и распространения информации, включая свободу средств массовой информации, могут являться конкурирующими правами².

Полагаем, что поэтапность формирования устойчивого механизма обеспечения цифровых прав человека во многом связана с тем, что цифровизация различных сфер общественных отношений сама по себе не имеет упорядоченного характера, характеризуясь больше фрагментарностью, чем системностью.

Хотелось бы подробнее остановиться на механизме обеспечения конституционного права человека на неприкосновенность частной жизни в России, как наиболее уязвимо в цифровую эпоху. Ведь сам факт наличия многих информационных технологий, например big data, позволяющей обрабатывать ежесекундно колоссальное количество всевозможных данных, нарушает это право в силу своей природы. Существующий при этом риск утечки личной информации и персональных данных, несовершенство систем информационной безопасности, рост числа правонарушений в цифровом пространстве, а также сбор излишней информации о субъекте права в коммерческих целях позволяют рассуждать о возможности перехода любых сведений, составляющих приватность, в публичное достояние. Так, по словам заместителя руководителя Роскомнадзора Милоша Вагнера, «не утекут только те

---

¹ Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» данная норма была признана соответствующей Конституции РФ.

² Спор о защите персональных данных (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2024. Доступ из информационного банка «Юридическая пресса» справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данные, которые никто не сохранил или не предоставил». И это не просто слова. Роскомнадзор в 2024 году зафиксировал 135 утечек баз данных, всего в сеть «утекло» более 710 млн записей о россиянах¹.

Поэтому неизбежно возникает вполне резонный вопрос насколько распространение и использование цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности человека обеспечивает соблюдение конституционного права каждого на неприкосновенность частной жизни? Ответом на этот вопрос должны стать нормы, направленные на достижение баланса между частными и публичными интересами, создающие механизмы, гарантирующие право на неприкосновенность частной жизни в сочетании с гарантиями сохранения конституционного принципа свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации.

Обеспокоенность по поводу рисков нарушений права на неприкосновенность частной жизни, возникающих в условиях формирования государственной поддержки цифровых технологий, организации тотального контроля за человеком и его действиями как в сети Интернет, так и в реальном мире, можно увидеть и в документах Организации Объединенных Наций².

Однако возможно ли вообще сохранить право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой реальности? Попробуем разобраться. Право на неприкосновенность частной жизни – это одно из основополагающих конституционных прав человека, провозглашенное ст. 23 Конституции РФ. В интерпретации Конституционного Суда РФ «право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера»³.

---

¹ В реальности о каждом россияnine известно практически все. О чем говорят масштабы утечек данных в 2024 году. URL: <https://rg.ru/2025/01/16/masshtaby-utechek-dannyh-staviat-pod-vopros-bezopasnost-rossii.html> (дата обращения: 12.04.2025).

² См., например, <https://www.ohchr.org/EN/Issues/DigitalAge/Pages/DigitalAgePrivacy> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его

Несмотря на основополагающий характер, право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным и вопрос о критериях правомерного вмешательства в условиях формирования концепции цифрового государства сегодня стоит достаточно остро. Недостаточно четко решен и вопрос о порядке и способах определения общедоступности информации о частной жизни гражданина, не указано и каким образом гражданин может выразить свою волю на раскрытие информации¹.

Право на неприкосновенность частной жизни отличает от других личных неимущественных прав возможность определения границ его охраны самостоятельно их носителем. Осуществление самостоятельного контроля за распространением информации о себе и своей частной жизни – неотъемлемый элемент реализации права на неприкосновенность частной жизни, что неоднократно подчеркивал в своих Определениях Конституционный Суд Российской Федерации². Возможно ли осуществление такого контроля в цифровой среде? Думается, что нет. О бессильности индивида в сфере осуществления контроля за обменом компаниями и государством личными данными о физических лицах из различных источников и баз данных, в частности, «кто и какой информацией о них обладает, не говоря уже о том, чтобы контролировать множество ситуаций, в которых такая информация может использоваться», говорил и Верховный комиссар ООН по правам человека³.

В Российской Федерации нет специального нормативного правового акта, который бы регулировал отношения в сфере защиты права на

конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029 (дата обращения: 12.04.2025).

¹ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019. С. 48).

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695450/> (дата обращения 12.08.2024).

³ Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. The right to privacy in the digital age. A/HRC/39/29. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/Report_PrivacyinDigitalAge/A_HRC_39_29_EN.pdf (дата обращения 11.04.2024).

неприкосновенность частной жизни. На законодательном уровне право на неприкосновенность частной жизни защищается на основе Конституции Российской Федерации, отдельных нормах Гражданского кодекса и Уголовного кодекса, а также Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Однако ни один из перечисленных нормативных правовых актов не содержит легальное определение данной правовой категории.

Категория «частная жизнь» в современном российском законодательстве также не имеет четких юридических границ, которые бы в полной мере очерчивали ее содержание, что приводит к спорам относительно того, распространяется ли конституционно-правовая защита права на неприкосновенность частной жизни на те или иные правоотношения. Согласно интерпретации данного термина Конституционным Судом РФ «в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер»¹. По мнению М. В. Баглай, «частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других»². Таким образом, понятие «частной» жизни отличается сложностью, многоаспектностью и многогранностью, охватывает различные сферы индивидуальной жизнедеятельности человека, границы которых каждый человек определяет по-своему, исходя из личных убеждений.

Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде охватывает огромное множество различных аспектов жизни человека,

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона “О персональных данных” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “МедРейтинг”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041/ (дата обращения 12.08.2024).

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 81.

исчерпывающим образом определить которые не получится. Полагаем возможным остановится лишь на некоторых из них, не затрагивая вопросы обеспечения конфиденциальности персональных данных.

Одним из составляющих права на неприкосновенность частной жизни является право «быть в одиночестве» или право на уединение. «Право на уединение» предоставляет физическому лицу возможность совершать или не совершать действия, исходя из уверенности в том, что за ним никто не наблюдает и не подслушивает. В условиях развития технологий биометрической идентификации личности с помощью систем искусственного интеллекта, предоставляющей возможность постоянного наблюдения за каждым человеком; без сформированной на основе широких общественных обсуждений и в отсутствие конкретной нормативной правовой базы данное право рискует «уйти в прошлое».

Следующим компонентом является право на анонимность, под которым подразумевается право индивида «самостоятельно определять порядок раскрытия своей личности при реализации данных свобод»¹. Иначе говоря, это отсутствие идентификации реальной личности при использовании возможностей информационно-телекоммуникационной сети в качестве пользователя. Право на анонимность можно рассматривать в контексте одного из базовых условий свободы выражения мнений. Применительно к совершению действий в сети Интернет данное право может быть конкретизировано, в частности, в праве на анонимный поиск информации в сети, запрет определения геолокации, в том числе посредством сокрытия данных об IP-адресе, в праве на анонимную отправку личных сообщений. Одним из аспектов права на анонимность является право человека осуществлять контроль за использованием своего изображения, в том числе на отказ от его публичного распространения².

---

¹ Кузнецова С.С. Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 5. С. 34.

² Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 «Дело Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04). URL: <https://base.garant.ru/70722898/> (дата обращения 15.08.2025).

В настоящее время в России на законодательном уровне право на анонимность не имеет своего закрепления, более того, на организатора распространения информации в сети Интернет возложена обязанность хранить информацию о пользователях, а в случае если подтвердится несоответствие персональных данных пользователя сведениям, заявленным в абонентских договорах, оператор обязан прекратить обслуживание¹.

Особый интерес в свете развития информационных технологий представляет схожее с правом на анонимность право на конфиденциальность, представляющее собой право субъекта предъявлять требования сохранения тайны личности к лицам, которым данные сведения стали известны, а также требование воздержаться от сбора такой информации. Цифровые следы («интернет-следы», «интернет-отпечатки», «digital footprint»), которые мы ежедневно оставляем в информационном пространстве, после анализа и обобщения, проведенного с помощью возможностей искусственного интеллекта, могут сформировать наш цифровой портрет, содержащий более точные сведения как о поведении человека, его социальном статусе, взаимоотношениях с окружающими, вкусах и привычках, чем те, которые можно было бы узнать из личного общения или психологических тестов. «Вся информация о человеке становится доступной отдельным организациям и лицам, т. е. фактически речь идет о нарастающей угрозе утраты индивидуальной свободы и автономии личности»². В соответствии с нормами российского законодательства так называемые cookie-файлы теперь рассматриваются как автономно, так и в комбинации с другими сведениями в качестве персональных данных. Это привело к тому, что многие сайты теперь предусмотрительно предупреждают или заранее уведомляют пользователя о том, что сайт использует соответствующие технологии. При этом, если информация, размещенная на сайте, представляет особый интерес для пользователя, то для ее просмотра ему

---

¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224 (дата обращения 15.09.2025).

² Северухин В.А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 86.

придется согласиться с этим уведомлением, иначе просмотр страницы будет невозможен. Таким образом, такое обязательное присоединение к правилам, именуемым «политикой конфиденциальности», установленным на сайте, следует рассматривать и в контексте возможного нарушения прав на доступ к информации и прав на доступ в сеть Интернет. В качестве примера возможностей вторжения технологий больших данных в личную сферу можно назвать случай, когда американская сеть супермаркетов Target путем автоматизированного статистического анализа покупок узнала о беременности покупательницы и направила ей персонализированную рекламную листовку, содержащую купоны на подгузники и детское питание, раньше, чем члены ее семьи.

Однако в этой сфере не уделяется достаточное внимание обеспечению конфиденциальности «метаданных», т.е. данных о данных, относящихся к дополнительной информации о содержимом или объекте. Так, загружая фотографию для социальных сетей, мы передаем значительный объем информации, относящейся к изображению. В частности, дату создания изображения, сведения об устройстве, с помощью которого сделано изображение (модель и серийный номер камеры, параметры фокусного расстояния и режима вспышки), в том числе и географические координаты места, в котором сделана фотография¹. По сути, «метаданные» могут содержать больше информации, которую можно отнести к личной, чем само изображение.

Также сегодня недостаточную правовую регламентацию получило право на конфиденциальность пользователей Интернета вещей. Интернет вещей позволяет осуществлять поиск людей, их идентификацию, контролировать действия и передвижения объектов контроля, давать их точную психологическую характеристику и многое другое. Стремительно растущая популярность технологий «умного дома» позволяет передавать в Сеть огромные

---

¹ Блог Касперского. Что интересного можно узнать из метаданных фотографий в Интернете. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/exif-privacy/13506> (дата обращения: 03.10.2023).

потоки информации личного характера. Одним из направлений цифровой трансформации системы здравоохранения является использование технологий искусственного интеллекта для оказания медицинских услуг, что влечет за собой возникновение новых рисков обеспечения информационной безопасности в этой сфере. Использование «умных устройств» медицинского сегмента, которые предназначены для мониторинга, контроля и поддержания состояния здоровья (аппараты искусственного дыхания, кардиографы, кардиостимуляторы и т.д.), а также фитнес-браслетов ставит под угрозу возможность сохранения врачебной тайны как одного из элементов частной жизни. Ожидается, что медицинские устройства и приложения будут иметь дело с жизненно важной частной информацией, такой как персональные медицинские данные, включая генетическую информацию¹.

Указанные выше составляющие права на неприкосновенность личности в цифровой среде, включая право на безопасность в сети Интернет, должны обеспечиваться правом каждого на защиту от тотального наблюдения со стороны как государства, так и негосударственных организаций. Важным направлением защиты права на неприкосновенность частной жизни является противодействие распространению заведомо ложной и порочащей информации. Кроме того, физическому лицу должно быть предоставлено право на удаление информации о себе. Среди цифровых прав человека особое место занимает признаваемое многими правовыми порядками личное неимущественное право граждан – «право на забвение», «право быть забытым» (в переводе с английского «right to be forgotten») или «право на удаление информации». Наделение гражданина «правом на забвение» по сути можно рассматривать в дуалистическом аспекте: и как неимущественное право, производное от конституционных прав, и как один из способов защиты персональных данных в цифровом пространстве (несмотря на отсутствие такого указания в законе) в качестве составляющей парадигмы «безопасности от цифры». Представляется, что практическая

---

¹ Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Применение технологий Интернета вещей в здравоохранении // Здоровье мегаполиса. 2021. № 4. С. 101–113.

реализация удаления информации о себе с технической точки зрения является едва ли осуществимой, что связано с возможностями ежесекундного копирования и распространения информации из одного источника во N-е множество источников, а также спецификой хранения данных в дата-центрах и на серверных системах.

Полагаем, что в новой цифровой среде люди должны иметь право и возможность осуществлять действенный и эффективный контроль за доступом и распространением личной информации, должны быть разработаны и приняты правовые акты, цель которых заключается в предоставлении физическим лицам эффективных и оперативных средств информирования их о том, что происходит с их персональными данными. Однако на сегодняшний день все чаще складывается ситуация, в которой законодатель ставит возможность осуществления такого контроля под сомнение, добавляя новые основания обработки персональных данных в отсутствие согласия субъекта. В частности, в июле 2021 г. такие основания были дополнены ссылкой на Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее – ФЗ-258). Положения данного нормативного правового акта подвергались критике в научной литературе, вплоть до указания, что положения данного закона фактически отменяют право на неприкосновенность частной жизни под видом развития инноваций¹. По мнению А.И. Савельева, нормы ФЗ-258 допускают достаточно большую степень усмотрения в формулировании изъятий из общего режима обработки персональных данных, делегированную на подзаконный уровень. Такого рода подход со временем способен уничтожить определенное единство регулирования вопросов обработки персональных данных, обеспечиваемое

---

¹ *Ефимцева Т.В.* К вопросу о неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации общества // Нематериальные блага и их защита в условиях цифровизации: отечественный и зарубежный опыт: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 6 ноября 2020 года. Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. С. 40–46.

Законом о персональных данных, создавая лоскутное одеяло из льготных правовых режимов, применимых к крупным операторам – участникам экспериментальных правовых режимов. Как следствие, соблюдение общих требований Закона о персональных данных может стать уделом малого и среднего бизнеса, а также тех немногих крупных компаний, которые не участвуют в тех или иных экспериментальных правовых режимах¹.

Так, можно ли говорить о частной жизни в условиях, когда правовое регулирование возникающих новых «цифровых» отношений отстает от достижений научного технического прогресса, а каждое наше действие в сети Интернет оставляет «цифровой след», а сфера big data фиксирует и «запоминает» каждое наше цифровое действие? Полагаем, при таких условиях право на неприкосновенность частной жизни имеет все шансы стать декларативным, превратиться в атавизм конституционного права и полностью раствориться в цифровой среде.

Развитие системы электронного контроля, разрабатываемого с помощью цифровых технологий и big data, в ближайшее время в корне изменит представление о государстве и праве². И нельзя не согласиться с мнением А.И. Овчинникова, что «сегодня перед правоведами стоит задача защитить человечество от поглощения технократической парадигмой цифровой цивилизации»³. Использование возможностей искусственного интеллекта, создание банков кредитных историй, сбор информации о каждом гражданине, вплоть до таких банков данных как национальные базы данных ДНК, системы видеоконтроля с идентификацией – все это дает возможность обеспечения государством безопасности личности от различных угроз, в том числе и террористических, однако может и привести к «созданию тотального

---

¹ Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 468 с.

² Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 104.

³ Овчинников А.И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 93.

электронно-банковского концлагеря»¹ и исчезновению самого явления неприкосновенности частной жизни. Можно уже говорить об иллюзии неприкосновенности частной жизни в цифровой среде. Сегодня наиболее важной задачей в цифровой сфере представляется поиск баланса между интересами безопасности государства, общества и человека, и неприкосновенностью частной жизни индивида. Реакцией на новые возможности, которые предоставляет информационная пространство как государству, так и отдельной личности, должно стать усиление государственного контроля, направленное на обеспечение верховенства прав человека и гарантий цифровой безопасности личности. Необходимо четко законодательно закрепить критерии правомерного вмешательства в сферу частной жизни человека. Полагаем, что принцип неприкосновенности частной жизни в условиях цифрового общества и государства должен стать основополагающим с точки зрения воспрепятствования цифровым формам тоталитаризма.

Отдельное внимание в рассматриваемом вопросе о неприкосновенности частной жизни стоит уделить влиянию на этот правовой институт технологии дипфейк. Проблемами возможного нарушения прав человека технологиями дипфейк в декабре 2019 года впервые заинтересовалась Всемирная организация интеллектуальной собственности («ВОИС») в «Проекте концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта». Согласно материалам, содержащимся в вышеуказанном документе, необходимо урегулировать вопросы, связанные с возможным нарушением авторских прав на оригинальное изображение и возникновением прав на синтезированный контент, а также справедливым вознаграждением для лиц, внешность и голос которых используются при создании дипфейков². Однако, помимо проблем в сфере права

---

¹ Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 180.

² Draft Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053 (дата обращения: 15.05.2023).

интеллектуальной собственности, дипфейки представляют собой угрозу личным правам и свободам человека. Возможность использования биометрических персональных данных для создания дипфейков означает возможность создавать неограниченное количество цифровых подделок изображения человека без его непосредственного участия, что, вне всяких сомнений, нарушает право на охрану изображения, предусмотренное ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ. Согласно норме, закрепленной в ст. 152.1 ГК РФ, обнародование и дальнейшее использование изображения человека допускается только с его согласия (за исключением трех указанных в норме изъятий).

В России на сегодняшний день отсутствует как нормативное закрепление самого термина «дипфейк», так и четко определенные меры ответственности за его создание или распространение. Терминологический вакуум ведет к отсутствию возможности разграничения дипфейков от видеороликов с допустимыми формами иллюзорного обмана посредством применения специальных эффектов к видеосюжетам или фотоизображениям без цели причинения вреда личности или дезинформации общества. Единственное непосредственное упоминание дипфейка содержится в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 09.12.2022 № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре», определяющем его в качестве «предмета, устройства и другого средства, использованного при совершении преступлений». В июне 2023 года в Правительстве РФ не поддержали законопроект о введении отдельной уголовной ответственности за распространение дипфейков. «Как указано в проекте отзыва, в документе не учтено, что создание с помощью искусственного интеллекта материалов, содержащих сведения о частной жизни лица, без цели их последующего распространения, не обладает достаточной степенью общественной опасности, свойственной преступлению»¹. В июне 2025 года в

---

¹ В Правительстве не поддержали законопроект об уголовной ответственности за дипфейки. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17922853> (дата обращения: 04.10.2023).

новостной ленте появилось сообщение, что Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России все-таки признает необходимость обязательной маркировки контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, а также введение уголовной ответственности за распространение дипфейков, созданных без согласия человека¹.

Несмотря на отсутствие закрепления термина «дипфейк» в российском законодательстве, существует достаточно обширная разрозненная законодательная база возможных мер ответственности за совершение правонарушений с использованием данной технологии. Нельзя не согласиться с мнением, что «с точки зрения классического права, создание или распространение значительной части дипфейков может классифицироваться как диффамация, мошенничество или незаконное присвоение образа (личности) человека, что предполагает административную, гражданско-правовую или даже уголовную ответственность»². Кроме того, синтезированный контент может нарушать авторские права на оригинальное изображение, а за распространение заведомо недостоверной информации, которую может содержать дипфейк, предусмотрена административная (ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 207.1 и ст. 207.2. УК РФ).

В случае неправомерного использования в дипфейке информации, относящейся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), можно говорить о нарушении режима использования персональных данных. Незаконное распространение персональных данных человека, в том числе с применением возможностей искусственного интеллекта, подпадает под статью 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

---

¹ Заклеймить для надзора: в России могут ввести маркировку ИИ-контента. URL: <https://iz.ru/1915604/sergei-guranov/zakleimit-dla-nadzora-v-rossii-mogut-vvesti-markirovku-ii-kontenta> (дата обращения: 15.07.2025).

² Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/?sphrase_id=99412178 (дата обращения: 15.05.2024).

Полагаем, что в случае распространения дипфейка гражданин, даже с учетом предусмотренных ст. 152.1 ГК РФ изъятий, вправе потребовать опровержения фальсифицированных видеоматериалов и изображений, опубликования своего ответа, возмещения убытков и компенсации за причинение морального вреда (п. 5, п. 9–10 ст. 152, ст. 151 ГК РФ), а также требовать удаления сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, ставших доступными в сети Интернет, реализовать цифровое право «на забвение» (п. 1 статьи 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Представляется, что практическая реализация нормы об удалении дипфейка с технической точки зрения является едва ли осуществимой, что связано с возможностями ежесекундного копирования и распространения информации из одного источника в N-е множество источников, а также спецификой хранения данных в дата-центрах и на серверных системах. Кроме того, использование изображения гражданина для создания и распространения дипфейков интимного содержания может быть квалифицировано по ст. 242 Уголовного кодекса РФ (незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов). М.Б. Добробаба предлагает «квалифицировать подобные деяния по ч. 2 ст. 128.1 “Клевета” УК РФ, предусматривающей ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, совершенное в Интернете» и ставит вопрос о защите прав умерших (например, киноактеров) в отношении использования их голоса и образа¹.

Несомненно, противодействие распространению дипфейк-контента, являющегося потенциально опасным для человека, общества или государства, должно сочетать методы как юридического, так и технологического воздействия. В частности, допустимо использование фактчекинга, т.е. возможностей искусственного интеллекта, позволяющего с высокой степенью достоверности

---

¹ Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11 (192). С. 115.

выявлять следы цифровой подделки (fact checking – проверка сообщений и выявления фейков). Этот подход использует алгоритмы, аналогичные тем, которые изначально синтезировали сами дипфейки. Как указывает С.В. Лемайкина, в конце 2021 г. в России создание программного обеспечения для выявления поддельных изображений на фото- и видео включили в дорожную карту «Новые коммуникационные интернет-технологии». По оценке экспертов, к 2024 г. объем мирового рынка технологий распознавания дипфейков должен увеличиться с 8,7 млн долларов до 90 млн долларов, а российского – с 10,9 млн руб. до 119 млн рублей¹.

Возможное использование дипфейков должно базироваться на нормативно закреплённом принципе «прозрачности», т.е. обязательной маркировки контента, распространяемого в сети Интернет, с указанием, человеком или искусственным интеллектом он создан, а также содержать дату, время и данные о редактировании, если оно проводилось. Данная маркировка позволит продолжить развитие общественно полезных возможностей использования технологии дипфейк, одновременно смягчая потенциально разрушительное воздействие на систему прав личности и общество в целом. Кроме того, необходимо конкретизировать нормы, содержащие меры ответственности как создателей дипфейков, нарушающих права человека, так и владельцев нейросетей, участвующих в создании дипфейкового контента.

Создание дипфейков с использованием биометрических идентификаторов личности в силу их особенной значимости для субъекта все-таки должно подчиняться специальным правилам, а сама обработка таких персональных данных требует обеспечения повышенных стандартов правовой защиты. Так, оператор Единой биометрической системы (ЕБС) «Центр биометрических технологий» (ЦБТ) начнет внедрять технологию защиты от дипфейков, подчеркнув, что в настоящее время одну из наибольших угроз для биометрических сервисов представляют спуфинг-атаки с виртуальной подменой

---

¹ Лемайкина С.В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 175–178.

видео, когда мошенник выдает себя за какой-либо надежный источник¹. В связи с этим перед законодателем стоит задача «разработать и внедрить комплекс мер, применение которых позволит минимизировать возможность нарушения прав граждан дипфейк-технологиями»².

Механизм защиты прав человека на доступ к сети Интернет должен включать в себя возможности равного использования цифровых технологий без дискриминации, защиту от использования цифровых технологий манипулирования людьми, а также обеспечения как личной неприкосновенности, так и неприкосновенности собственности. К элементам такого механизма, на наш взгляд, можно отнести следующие:

1. Принятие нормативных правовых актов, закрепляющих право на доступ к сети Интернет в качестве фундаментальных прав человека. Как подчеркивает А.И. Хуснутдинов, «закрепление права на доступ в Интернет существует, хотя и далеко не повсеместно; его можно обнаружить как на государственном, так и на международном уровнях. Нередко это право формулируется в судебных актах»³.

2. Обеспечение при реализации права на доступ к сети Интернет надлежащей защиты персональных данных от несанкционированного доступа и неправильного использования. Пользователи Сети имеют право знать, как используются их данные, и иметь возможность запретить их использование.

3. Гарантированность сетевого нейтралитета (*net neutrality*), что, в свою очередь, позволяет пользователям получать доступ к любому контенту по своему выбору. При этом закрепление на государственном уровне гарантий сетевого нейтралитета требует получения ответа на вопрос о допустимости использования концепции ограничения права на доступ к Интернету

---

¹ Биометрические проверки начнут защищать от дипфейков URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/01/978035-biometricheskie-proverki-nachnut-zaschischat-ot-dipfeikov?from=newsline> (дата обращения: 30.10.2024).

² *Добробаба М.Б.* Дипфейки как угроза правам человека // *Lex Russica*. 2022. № 11 (192). С. 117.

³ *Хуснутдинов А.И.* Право на доступ в Интернет – новое право человека? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 4 (119). С. 113.

несовершеннолетних ради их защиты, и возможности удостоверения возраста пользователя Сети, если он все же имеет значение.

Таким образом, для сегодняшней российской правовой действительности характерно законодательство, представленное разработкой и принятием достаточно большого количества правовых актов, подзаконных актов, документов стратегического планирования и иных документов в рамках цифровой трансформации, которые все равно отличаются пробельностью и коллизийностью. Увеличение числа нормативных актов обусловлено усложнением общественных отношений в условиях цифровизации, что «стимулирует разработку государством правил поведения в новых социальных и технико-экономических сферах для обеспечения общественного порядка»¹. В законодательстве Российской Федерации даже нет какого-либо общего определения цифровых технологий. Проанализировав существующее правовое регулирование, затрагивающее так или иначе отношения в цифровой среде, мы пришли к выводу, что принятие новых нормативных правовых актов одновременно и формирует новое регулирование отношений в цифровой среде и тормозит их развитие.

Полагаем, что назрела необходимость их систематизации посредством кодификации и принятия Цифрового кодекса РФ, в основу которого должен быть поставлен риск-ориентированный подход, ведь «технологическая отсталость России может привести к тому, что оцифрованная система государственного управления станет прозрачной для внешнего взгляда»². Так, стоит приостановить использование в государственном секторе технологий искусственного интеллекта пока не будут созданы надлежащие средства защиты. Попытки радикального и спешного внедрения цифровых технологий вне надлежащего правового регулирования не приведут к совершенствованию механизма защиты

---

¹ Шатковская Т.В., Мосиенко Т.А. Систематизация законодательства как способ обеспечения устойчивого развития государства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 13.

² Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257.

прав человека. Только подход однодоменного сочетания гибких и строго определенных условий¹ правового регулирования общественных отношений в цифровой среде будет эффективным регулятором общественных отношений.

Нормы Цифрового кодекса РФ не должны отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, закрепленные действующим законодательством Российской Федерации, и обязательно учитывать появление новых цифровых прав человека. Главная цель принятия кодекса – создание единой системы, призванной сбалансировать права и обязанности всех участников цифрового пространства, от обычных пользователей до крупных технологических компаний.

Полагаем, что содержание Цифрового кодекса РФ должно включать в себя:

- основные принципы разработки и внедрения систем искусственного интеллекта и роботизированных систем;
- положения о цифровых правах граждан (включая право на забвение; на свободу выражения и изложения мнений в цифровом пространстве, на равный доступ к телекоммуникационной инфраструктуре и услугам; основы сетевого нейтралитета; право на достоверную информацию; право на цифровое образование; право на отключение от сети и т.д.);
- гарантии защиты неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности персональных данных (включая ограничения в сфере использовании систем биометрической идентификации и аутентификации, обязательный порядок уведомления субъекта об утечках данных, оборот big data);
- правила защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде;
- правила осуществления электронной коммерции, включая онлайн-платежи, цифровые валюты, смарт-контракты и защиту прав потребителей в области цифровых услуг и продуктов;

---

¹ Фальшина Н.А. Тенденции развития права в условиях цифровых технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 107.

– стандарты и протоколы, способствующие обеспечению безопасности человека в цифровой среде (нормы, требующие прозрачности в использовании алгоритмов и искусственного интеллекта, их аудит и ответственность за принимаемые на их основе решения; регулирование деятельности цифровых платформ, включая модерацию контента и ответственность за распространение недопустимой информации).

Обобщая вышесказанное, очевидным видится отметить, что у юридической науки и правоприменителя не остается иного выбора, чем поэтапно менять правовую парадигму, сдвигая ее в сторону признания факта внедрения новых цифровых технологий в правовое поле. При этом основополагающим принципом новой цифровой парадигмы должно стать обеспечение права человека на бесцифровую среду, которому будет уделено особое внимание в следующем параграфе. Идеология содержания новой цифровой парадигмы должна основываться на системе традиционных для России духовно-нравственных ориентиров и моральных ценностей.

Действительно, сегодня перед юриспруденцией стоит важная задача сохранения базовых правовых ценностей, которые выработаны исследователями в рамках философии права. Для русской философской школы проблема личности занимает едва ли не главенствующее место в учениях ее видных представителей. Теоретическое осмысление проблематики человека и его личностных качеств русскими философами началось в XIX веке, и решалось как с позиций философского материализма (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и др.), так и философского идеализма (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др.)¹. И как подчеркивает Д.Д. Романов, «для русской философии вопрос о личности подразумевает больше, чем рассуждения об эмпирически данном или о социальном элементе, больше, чем антропологический поиск сущности человека, и даже больше, чем философско-религиозные искания. Иными словами, сама онтология в русской мысли уже

---

¹ Ёрмирзоева Ф.А. Философские проблемы личности в информационном обществе: на примере Таджикистана: дис. ... канд. философ. наук: 5.7.7. Пермь, 2022. С. 45.

имеет персоналистический “привкус”, и начала любого знания базируются на личностном основании»¹. «Права человека, каким бы законодательным актом они ни были закреплены, являются декларацией, рассчитанной на человечность»². Следует помнить, что «буква закона имеет душу. Этой душой является его социальность, гуманистическая направленность, справедливость, свобода, естественные права человека. Важно наполнить право христианскими ценностями, философией гуманизма, ненасилия, антропокосмизма, учением о ноосфере»³. Это и следует взять за отправную точку поиска концепции цифровых прав личности, смыслообразующим фактором которой должно стать сохранение императива человеческой личности.

§ 2.2. Право человека на бесцифровую среду и право на забвение в системе цифровых прав человека: концептуальные основания и механизм защиты

Стремительный рост и прогрессивное развитие цифровых технологий, повсеместная цифровая трансформация привычных «аналоговых» сфер общественных отношений с каждым днем все больше стирает разницу между реальным и виртуальным, правдой и вымыслом, истинным и ложным, привычные нам атомы как единицы реального мира заменяются битами, возникновение виртуального цифрового имущества подрывает концепцию *res corporales* (телесные вещи) и *res incorporales* (бестелесные вещи) римского частного права, публичная и частная сферы переопределяются. Меняется парадигма государственно-правового развития, наблюдаются тенденции преобразования правового ландшафта.

Возможность сохранения традиционного «бесцифрового», или «аналогового», образа жизни не означает отказа человека от современных

---

¹ Романов Д.Д. Социальные концепции личности в философии русского символизма: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. М., 2020. С. 140–141.

² Антонченко В.В. Универсальность прав человека как агрегация закона и морали // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21, № 1. С. 9.

³ Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. 211 с.

цифровых технологий и механизмов, оно предоставляет человеку право выбора использовать или отказаться от их использования. Скорее следует отметить недопустимость применения мер принуждения к использованию гражданами информационно-коммуникационных технологий, не оставляя им права выбора. В частности речь идет о недопустимости государственного принуждения к цифровизации. С.С. Алексеев характеризовал государственное принуждение как выраженное в праве внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства, на наличии у него вещественных орудий власти, направленных на внешнее безусловное (непреложное) утверждение государственной воли¹. Государство должно гарантировать предоставление обладателям субъективных прав возможности осуществления правомочий в цифровой среде, гарантировать их реализацию, но ни в коем случае не принуждать к использованию цифровых технологий, превращая их в обязательное условие для участия в общественной жизни.

Примером практически принудительного использования цифровых достижений является банковская сфера. Согласно данным статистики, приведенной Ассоциацией ФинТех, 95 % российских финансовых компаний уже внедрили технологии искусственного интеллекта в основные процессы². Искусственный интеллект используется для оценки кредитоспособности заемщиков. Так, по словам топ-менеджера Кирилла Царева, 99 % всех решений по кредитам в Сбербанке по умолчанию принимает именно искусственный интеллект без запроса дополнительных данных³. Полагаем, что принятие системами искусственного интеллекта решений, от которых будет зависеть возникновение прав и обязанностей граждан, либо иным образом

---

¹ Алексеев С.С. Социальная ценность права в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1971. С. 106.

² Исследование Ассоциации ФинТех. «Применение технологий искусственного интеллекта на финансовом рынке» URL: <https://www.fintechru.org/analytics/issledovanie-aft-primenienie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-finansovom-rynke-rasshirennaya-> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Кирилл Царев: «99 % решений по кредитам в Сбере принимает искусственный интеллект. URL: <https://plus.rbc.ru/news/638ceb2a7a8aa97b488a6194> (дата обращения: 18.10.2023).

затрагивающих права и интересы граждан, должно осуществляться только в случае получения информированного письменного согласия лица и предоставления ему возможности возразить против обработки его заявления автоматизированными системами. Без такого согласия получается, что клиент пусть и в «добровольно-принудительном» порядке, но все-таки понуждается к исполнению обязанностей по представлению банку документов для обработки автоматизированной системой.

Еще одним примером принудительного использования цифровых достижений в банковской сфере будет применение виртуальных ассистентов (чат-ботов), которых иногда сложно отличить от реального человека. При этом право выбора клиенту общаться или нет с виртуальным помощником зачастую не предоставлено, или же предоставлено только после неоднократно высказанного требования соединить с оператором. Необходимо отметить позитивные изменения в этом направлении. Так, с 1 февраля 2024 года в Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» внесена норма, обязывающая кредитора или представителя кредитора при осуществлении взаимодействия с должником с использованием искусственного интеллекта (автоматизированного интеллектуального агента) сообщать об этом и обеспечить возможность продолжить такое взаимодействие с физическим лицом¹. Однако, по умолчанию, право выбора способа непосредственного взаимодействия с должником (личные встречи, телефонные переговоры, автоматизированный интеллектуальный агент) определяет кредитор.

---

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497 (дата обращения: 18.05.2024).

В настоящее время одной из форм реализации права на бесцифровую среду является закрепленное в законодательстве Франции, Италии, Испании, Бельгии и Португалии право дистанционных работников «быть не в сети» («Right to disconnect»), позволяющее сотрудникам организаций отключаться от работы в обычное нерабочее время, чтобы им не приходилось отвечать на электронные письма, телефонные звонки или другие сообщения, связанные с работой. Однако, по нашему мнению, право человека на бесцифровую среду по содержанию намного шире, чем новый гибридный элемент права работника на отдых – право «быть не в сети».

С одной стороны, право на бесцифровую среду можно рассматривать через призму возможного средства защиты права на неприкосновенность частной жизни посредством осуществления самостоятельного контроля за сбором и распространением информации о себе и своей частной жизни и возможностью запрета осуществления таких действий. С другой стороны, это право можно рассматривать как средство сохранения императива человекообразности, защиту от необходимости осуществления гибридной формы существования, характеризующейся «сращением» человека и технологий, подменой в субъектном составе правоотношений реального человека «цифровой личностью», позволяя людям проживать свою жизнь без необходимости быть подключенными к цифровой среде, без ухудшения его положения по сравнению с другими потребителями коммерческих и государственных услуг. Как подчеркивает А.И. Овчинников, «“электронный двойник” физического лица не должен стать отправной точкой в построении цифровой системы государственного управления»¹.

Полагаем, что право на бесцифровую среду представляет собой сложный по составу и объемный по содержанию правовой инструмент, состоящий из ряда субъективных правомочий, каждое из которых требует обеспечения надлежащей правовой охраны и установления гарантированных законом способов защиты.

---

¹ Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 19.

Еще раз обратим внимание, что право на сохранение традиционного образа жизни обусловлено необходимостью установления запрета на принуждение к цифровизации на государственном уровне.

Так, одним из составляющих права на бесцифровую среду является возможность сохранения традиционной формы взаимодействия человека и государства, предоставление лицу выбора, права отказаться от включения в процесс «оцифровывания» традиционных функций государства, государственных услуг и т.д. В частности посредством закрепления за гражданином права на получение результатов государственных и муниципальных услуг в бумажной, а не электронной форме. Так, пункт 2 ст. 7.4. Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» прямо закрепляет, что «результат предоставления государственной или муниципальной услуги не оформляется в форме документа на бумажном носителе, если иное не установлено нормативными правовыми актами, регулирующими порядок предоставления такой услуги»¹, тем самым предусматривается только электронный вариант получения результата. При этом, согласно данным статистики, приведенной ВЦИОМ, в 2023 году только 88 % россиян в результате опроса продемонстрировали свою информированность о переводе социально значимых госуслуг в электронную форму². По мере прогрессирования тенденции к становлению системы дистанционного электронного голосования в отсутствие законодательно закрепленного права на бесцифровой образ жизни рискуют привести к тому, что традиционные формы участия граждан в управлении государством (выборы и референдум) будут носить имитационный характер (в связи с возможностью манипулирования результатами выборов,

---

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (дата обращения: 14.08.2025).

² Национальные проекты – 2022: цифровая экономика. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika> (дата обращения: 05.11.2023).

неравным доступом к цифровым технологиям определенных групп населения, проблемами обеспечения надлежащей идентификации избирателей и т.д.).

Элементы принуждения к цифровизации наблюдаются и в сфере образования. Так, согласно Приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации “Цифровая трансформация”» (с изменениями и дополнениями), доля учащихся, по которым осуществляется ведение цифрового профиля, к 2030 году должна достичь 100 %-ного показателя. Кроме того, Закон об образовании в ч. 2 ст. 17 предусматривает три формы обучения, а обучение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей называется образовательной технологией, следовательно, нет законодательного запрета на повсеместный переход образовательных организаций на дистанционный вариант обучения. Равно как и нет закрепленной на уровне закона нормы, гарантирующей гражданам Российской Федерации сохранение возможности получения образования в традиционной форме.

Кроме вышеназванного, полагаем, что одним из составляющих права на бесцифровую среду является право «быть в одиночестве», или «право на уединение», которое предоставляет физическому лицу приватное пространство, возможность выбора совершать или не совершать действия, исходя из уверенности в том, что за ним никто не наблюдает и не подслушивает. Как подчеркивает Л.В. Чеснокова, «приватное пространство и уединение нужно человеку не для того, чтобы скрывать что-то постыдное, а чтобы иметь возможность думать, чувствовать и вести себя свободно, не подстраиваясь под ожидания окружающих»¹. В условиях развития технологий биометрической идентификации личности с помощью систем искусственного интеллекта, предоставляющей возможность постоянного наблюдения за каждым человеком, существует очевидная угроза самой концепции конфиденциальности. При этом

---

¹ Чеснокова Л.В. Право на уединение как условие оформления опыта приватности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2-2. С. 451.

сбор сведений о человеке может осуществляться и пассивно, т.е. без его разрешения. Примеров пассивного сбора данных предостаточно. В настоящее время люди, имеющие мобильные телефоны, постоянно предоставляют данные о геолокации с включенными настройками GPS или без них, при загрузке фото- и видеоизображений в социальные сети, сами того не желая, мы передаем огромный массив метаданных (данных о данных) и т.д. Кроме того, «в половине случаев системы распознавания лиц используются для обеспечения безопасности на улицах (при этом систему интегрируют в городскую систему видеонаблюдения), также системы используются в школах и вузах, в том числе для контроля входа в учебные заведения»¹. Как подчеркивает Арон Брантли, за 20 лет то, что когда-то было правом человека, «превратилось в привилегию, потому что для обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни необходимо исключить себя из современной социальной и экономической инфраструктуры»².

В основе права человека на бесцифровую среду лежит принцип свободной личности, предоставляющий человеку право на выбор среды взаимодействия (цифровой или в офлайн-формате) как друг с другом, так и с представителями услуг, в том числе и государственных. Человек, лишенный такого права выбора, рискует утратить себя как личность, превратиться в «существо, лишенное свободы избрания, свободы отпадения»³. В современном правовом и социально-философском контексте право на доступ к сети Интернет утрачивает исключительно инструментальный характер: подключение к цифровой среде становится актом, преобразующим саму структуру человеческого бытия, превращая ее в гибридную. С этого момента существование индивида в аналоговой реальности неразрывно взаимосвязано с его присутствием в цифровом пространстве, образуя единую онтологическую плоскость.

---

¹ Там же.

² Brantly A. Utopia Lost – Human Rights in a Digital World // Applied Cybersecurity & Internet Governance. 2022. Vol. 1, No. 1. URL: <https://www.acigjournal.com/pdf-184290-105048?filename=105048.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 37.

Цифровая организация деятельности систем государственного управления, основанная на расширенном и интегрированном внедрении информационных технологий при выполнении функций и предоставлении услуг, с одной стороны, упрощает доступ пользователя, а с другой, влечет за собой и усугубляет уже существующее цифровое неравенство, увеличивает цифровой разрыв. Среди причин, способствующих увеличению цифрового разрыва в России, можно выделить: причины технического и финансового характера, выражающиеся в обеспеченности граждан информационно-коммуникационными технологиями; причины социального характера, выражающиеся в невозможности/затруднениях в использовании информационно-коммуникационных технологий гражданами, связанных с недостаточной цифровой грамотностью населения, незнанием пользователями информационно-коммуникационных технологий языка, на котором предоставляется информация; причины личного характера, являющиеся наиболее сложно преодолимыми. Молодые, образованные люди, как правило, обладают большим количеством цифровых навыков, чем пожилые, менее «цифрообразованные».

Сегодня технологии настолько вплетаются в основное право, «что становятся одним из его составных элементов»¹. Однако следует помнить, что это всего лишь технологии, а следовательно, мы имеем возможность осуществлять контроль над ее распространением и интеграцией, упреждать негативное влияние на систему прав человека, что позволит сохранить все позитивные аспекты использования информационно-коммуникационных технологий. И нельзя не согласиться с мнением А.И. Овчинникова, что «сегодня перед правоведами стоит задача защитить человечество от поглощения

---

¹ Талалина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. С. 56.

технократической парадигмой цифровой цивилизации»¹. Обеспечение и гарантированность на государственном уровне права человека на бесцифровую среду как базового права человека позволит достичь гармонии и обеспечить баланс между сохранением публичного порядка и личной свободой.

Следует помнить, что именно уровень защищенности прав человека позволяет нам говорить об уровне демократического развития государства. Именно права человека служат «средством контроля над властными структурами, ограничителем всевластия государства, вседозволенности и произвола»².

Возможность выбора бесцифрового «старорежимного», традиционного образа жизни должна быть представлена в первую очередь экспертизой принимаемых законопроектов и подзаконных нормативных правовых актов на предмет оценки рисков причинения вреда существующим правам человека, обеспечения равного доступа к реализации естественных прав и свобод человека для всех категорий граждан, получения юридических гарантий того, что отказ от цифровой формы не приведет к ухудшению их положения по сравнению с другими потребителями коммерческих и государственных услуг.

Таким образом, анализ того, как обеспечить право человека на бесцифровую среду в условиях совершенствования информационных технологий, является важнейшим первым шагом к защите цифровых прав человека. Как справедливо отмечается, сегодня «государство получает вызов – готово ли оно предоставлять гражданину не только услуги, но и новые права. И это, пожалуй, одно из важнейших изменений в концепции государственности в цифровую эпоху – грядущий пересмотр концепции прав человека»³.

---

¹ Овчинников А. И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 4. – С.94.

² Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М.: Норма, 2018. С. 28.

³ Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.

Одним из способов защиты прав на бесцифровую среду в условиях формирования информационного общества (несмотря на отсутствие такого указания в законе) является право на забвение («right to be forgotten»), т.е. право требовать удаления информации о себе с онлайн-платформ и из поисковых систем, что позволяет человеку быть субъектом контроля над собственной личной информацией в цифровом пространстве.

Однако на сегодняшний день в правоприменительной практике Российской Федерации не сформирован единообразный подход к пониманию сущности права на забвение, что свидетельствует об объективной необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования в данной сфере¹. Также следует отметить предоставленную лицам возможность отказаться от обработки биометрических персональных данных посредством направления оператору единой биометрической системы требования о блокировании, об удалении, уничтожении биометрических персональных данных и (или) векторов единой биометрической системы².

Если отказаться от признания права человека на бесцифровую среду, можно в дальнейшем прийти к необходимости закрепления права человека на общение с человеком, а не с ботом, бездушной и безликой системой.

---

¹ Волкова Г.Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 165–171.

² Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 N 861 (ред. от 01.07.2025) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе "Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)", "Правилами ведения федеральной государственной информационной системы "Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)", "Положением о федеральной государственной информационной системе "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)", "Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)", "Положением о федеральной государственной информационной системе "Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120963/ (дата обращения 01.09.2025)

Среди цифровых прав человека особое место занимает признаваемое многими правопорядками личное неимущественное право граждан – «право на забвение», «право быть забытым» (в переводе с английского «right to be forgotten») или «право на удаление информации». Наделение гражданина «правом на забвение» по сути можно рассматривать в дуалистическом аспекте: и как неимущественное право, производное от конституционных прав, и как один из способов защиты персональных данных в цифровом пространстве (несмотря на отсутствие такого указания в законе) в качестве составляющей парадигмы «безопасности от цифры»¹.

До недавнего времени вопрос о возможности заявления гражданином требования об удалении информации, размещенной в сети Интернет, российским законодательством не был урегулирован. Одним из первых нормативных правовых актов, закрепивших возможность такого удаления, можно назвать Гражданский кодекс РФ. С 2013 года ст. 152 ГК РФ закрепила право гражданина требовать удаления сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, ставших доступными в сети Интернет. Представляется, что практическая реализация данной нормы с технической точки зрения является едва ли осуществимой, что связано с возможностями ежесекундного копирования и распространения информации из одного источника в N-е множество источников, а также спецификой хранения данных в дата-центрах и на серверных системах.

Технически и юридически более верным является определение «права на забвение», содержащееся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², по сути являющееся

---

¹ Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 51.

² В Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» были внесены изменения Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 15.08.2025).

рецепцией соответствующего правового опыта в рамках международного права. Как подчеркивает Н.В. Мамитова, «данное право представляет собой право на уважение персональных данных в цифровом пространстве, что означает не только их нераспространение без согласия на то субъекта данных, а при наличии такого разрешения их обнародование должно быть исключительно корректным»¹.

Пункт 1 статьи 10.3 Закона об информации содержит относительно недавно появившуюся норму, которая приобрела наименование «права на забвение», через корреспондирующую этому праву обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Вместе с тем, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации², данная норма содержит оговорку, согласно которой, в частности, такое требование заявителя не может быть удовлетворено в случае, если спорная информация касается совершения гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Таким образом, «праву на забвение» в Российской Федерации придается не абсолютный, а относительный характер. Данный правовой механизм ориентирует суды находить баланс между такими конституционно защищаемыми ценностями, как доступ граждан к информации, и защитой прав граждан при распространении информации о них³.

---

¹ Мамитова Н.В. Цифровая экспертиза в системе оптимизации правового регулирования в Российской Федерации // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 27.

² Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и защите информации”». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102021-n-2129-o/> (дата обращения 12.08.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона “Об информации, информационных

Конструкция данной нормы в связи с фрагментарными разъяснениями порядка ее применения Конституционным и Верховным Судами Российской Федерации, вызывает многочисленные дискуссии в научной среде, влечет вопросы от множества правозащитных организаций. Правоприменительная практика по реализации «права на забвение» уже имеет достаточно четкие цифры, что позволяет сформулировать характерные признаки и условия реализации гражданами «права на забвение».

Согласно данным статистики, опубликованной компанией «Яндекс», только с июля по декабрь 2024 года было получено 5241 заявление о прекращении выдачи неактуальной информации, 2211 заявлений о прекращении выдачи недостоверных сведений, 2945 заявлений о прекращении выдачи информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации¹. Средний показатель отказов в прекращении выдачи вышеуказанной информации по заявлениям пользователей составил всего 21 %, при этом ранее этот показатель доходил до 70 %².

По смыслу формулировки нормы Закона об информации «право на забвение», полагаем, может применяться для защиты неимущественных прав, таких как честь, достоинство и деловая репутация, доброе имя и т.д. На основании изучения материалов судебной практики попробуем выделить ряд ключевых проблемных аспектов, с которыми сталкиваются заявители при реализации «права на забвение».

Во-первых, законодатель закрепил для данной категории дел обязательный досудебный порядок. Заявитель вправе обратиться в суд только в связи с определенным событием, а именно в случае «получения отказа оператора

технологиях и о защите информации»». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3087-o/> (дата обращения 12.08.2024).

¹ Отчет о прозрачности. Компания Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencereport> (дата обращения: 15.05.2025).

² Конфиденциальность ваших данных. Компания Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencereport> (дата обращения: 30.10.2023).

поисковой системы в удовлетворении требований заявителя»¹. При несоблюдении данного порядка суд оставляет заявление без рассмотрения.

Во-вторых, в соответствии с пунктами 5 и 6 ст. 10.3 Закона об информации оператор имеет право отказать в прекращении выдачи сведений, предоставив заявителю мотивированный отказ, а заявитель после получения отказа вправе обратиться в суд с исковым заявлением. Таким образом, законодатель наделил оператора поисковой системы «правом дискреционного усмотрения» или «правом на цензуру». Именно оператор поисковой системы вправе самостоятельно дать субъективную оценку тому, является ли информация неточной, ошибочной или устаревшей, утратила ли она значение для заявителя или же распространяется с нарушением законодательства, что приводит к тому, что оператор имеет право отказать в прекращении выдачи ссылок на информацию практически по любому основанию. Этим и может объясняться большой процент отказов, который отражен в ранее указанной статистике.

Например, заявитель утверждает, что размещенная в сети ссылка на отзывы, содержащие негативную информацию о реализуемых им продуктах, является недостоверной. Скорее всего, в удовлетворении заявления будет отказано, ведь как может оператор проверить, соответствует ли эта информация действительности? Операторы поисковой системы объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещенной на различных интернет-ресурсах.

Представленное законодателем право оператору поисковой системы таким образом поддерживать актуальность и достоверность информации, предлагаемой пользователю по итогам поискового запроса, на первый взгляд кажется весьма эффективным инструментом реализации «права на забвение». Но на практике приводит к тому, что по сути оператор не заинтересован в удовлетворении требований заявителей в добровольном порядке, т.к.

---

¹ Определение Хамовнического районного суда города Москвы об оставлении искового заявления без рассмотрения от 10.08.2021 по делу №2-2661. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

необоснованность отказа оператора поисковой системы в удовлетворении требования заявителя не влечет для него никаких негативных последствий.

Кроме того, полагаем, что отказывая в прекращении выдачи информации, операторы поисковой системы «освобождают» себя от необходимости давать правовую оценку «законности» или «незаконности» распространяемой информации. Полномочий самостоятельно определять относимость информации к числу распространенной с нарушением законодательства операторы поисковой системы по сути не имеют. Установление юридически значимых фактов отнесено к исключительной компетенции судов¹. Кроме того, право истца на прекращение выдачи ссылок на информацию может быть реализовано им лишь после вступления в законную силу решения суда о признании информации недостоверной и обращении в адрес поисковых операторов в порядке, предусмотренном положениями Закона № 149-ФЗ с предоставлением судебного акта².

Таким образом, возникает вполне резонный вопрос: «если заявителю все равно идти в суд, то зачем усложнять ему реализацию и защиту “права на забвение” досудебной необходимостью обращаться к оператору поисковой системы?». Кроме того, неясно, как в суде заявителю доказать то, что конкретная информация является неактуальной и утратившей свое значение? При этом бремя доказывания факта неактуальности, недостоверности и относимости к заявителю информации, указанной на сайте, лежит на заявителе³. Одного лишь указания заявителя на недостоверность или неактуальность информации будет недостаточно для подтверждения факта недостоверности информации⁴.

---

¹ Решение Кировского районного суда г.Пермь от 17.10.2018 по делу № 2-2406/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.05.2023).

² Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 13.01.2021 по делу № 2-654/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/cheryomushkinskij/services/cases> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2016 по делу № 33-31796/2016. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2020 по делу № 33-13926/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

В-третьих, в предмет доказывания по данной категории дел не входит необходимость доказывания наличия какого-либо ущерба, причиненного гражданину. Так, в соответствии с решением Кировского районного суда г. Пермь, для возникновения «права на забвение» не требуется, чтобы включение рассматриваемой информации в список результатов поиска наносило ущерб субъекту данных и/или данная информация не соответствовала действительности – достаточно того, чтобы соответствующая информация была более неактуальной¹. Согласно определению Краснодарского краевого суда, «право на забвение означает право гражданина, позволяющее ему потребовать при определенных условиях удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, то есть ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред»². Таким образом, можно сделать вывод, что «право на забвение» находится среди превентивных способов защиты прав граждан.

В-четвертых, при обращении в суд гражданину не требуется доказывать, что данная информация о нем является недостоверной и (или) размещена в нарушение действующего законодательства (например, о персональных данных), поскольку эти обстоятельства образуют самостоятельные основания для применения данного законоположения³.

В-пятых, проблема возможного расширительного толкования «неактуальности» информации, которая по требованию заявителя может быть удалена из поисковых запросов, не противоречит принципу правовой определенности и не влечет неадекватное понимание, толкование и применение

---

¹ Решение Кировского районного суда г. Пермь от 17.10.2018 по делу № 2-2406/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.05.2023).

² Апелляционное определение Краснодарского краевого суда по делу № 33-13217/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и защите информации”». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102021-n-2129-o/> (дата обращения 12.08.2024).

закона, а преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций¹.

В-шестых, суды, принимая решения при рассмотрении споров подобного рода, в каждом конкретном случае взвешивают необходимость приоритета публичных интересов, в том числе прав третьих лиц, на получение и распространение информации над правом конкретного лица человека на сохранение в тайне деталей его частной жизни². И действительно, удаление любой «неактуальной» или «недостоверной», по мнению заявителя, информации может привести к злоупотреблению им «правом на забвение» и, соответственно, к нарушению прав третьих лиц на свободный поиск и получение информации. Но в то же время необходимо предоставить человеку «право сохранить традиционный бесцифровой образ жизни»³. Полагаем, что «право на забвение» является иллюстрацией возможного конфликта между публичными и частными интересами.

В-седьмых, проанализированный нами объем материалов судебной практики свидетельствует о том, что основная масса обращений в суд связана с требованием удаления из поисковых запросов информации о совершении лицом преступного деяния. Однако погашение или снятие судимости не влечет в безусловном порядке вывод о недостоверности или утраты актуальности сведений об осуждении лица за совершение преступления и может являться общественно значимой, представлять публичный интерес, в связи с чем распространение такой информации не нарушает охраняемые законом права истца, что следует из положений ст.152.2 ГК РФ⁴.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ № 849-О/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-849-o/> (дата обращения 10.08.2025).

² Решение Анапского районного суда от 18.10.2018 по делу № 2-1954/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. С. 52.

⁴ Решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 03.04.2019 по делу № 2-188/19. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

Особый интерес в свете признания информации общественно значимой представляют нормы актов ряда европейских государств, которые указывают на неприменимость «права на забвение» в отношении действий политических фигур, которые были произведены ими публично¹.

В-восьмых, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» отсутствует перечень действий/бездействий, которые оператор поисковых систем может квалифицировать как распространение информации с нарушением законодательства, что приводит к возложению бремени доказывания данного обстоятельства на заявителя. При подаче заявления истец должен самостоятельно указать, какая именно информация о нем на представленной странице является распространяемой с нарушением законодательства².

Стоит обратить внимание, что при исполнении судебного решения по удовлетворению требований истца к оператору поисковой системы об удалении ссылок на информацию, сама информация из интернет-ресурсов не удаляется, прекращается лишь ее выдача оператором по поисковому запросу.

Кроме вышеизложенного, вызывает вопрос возможность исполнимости решения суда о прекращении выдачи сведений в отношении оператора поисковой системы, расположенной за границей Российской Федерации. Также полагаем, что отсутствие законодательно закрепленной возможности оспаривания вынесенного решения оператора поисковой системы на исключение по заявлению гражданина сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации, может нарушать право на защиту интересов владельцев информационных ресурсов, которые, несомненно, затрагиваются в данной ситуации. Неразрешенным законодателем

---

¹ «Право на забвение». Как это происходит в Европе. Удаление нежелательной информации из поисковых систем. URL: <https://sudexpa.ru/articles/pravo-na-zabvenie-kak-eto-proishodit-v-evrope-udalenie-nezhelatelnoi-informacii-iz-poiskovykh-sistem> (дата обращения: 15.03.2023).

² Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2017 по делу № 33-5031/17 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

остается вопрос о возможности применения норм статьи 10.3. Закона об информации в отношении удаления ссылок на интернет-ресурсы, содержащие изображения гражданина, которые также могут быть уже «неактуальными», «недостоверными» или утратившими значение.

На основе вышеизложенного полагаем, что сегодня в рамках института защиты прав человека существует достаточно большой правовой пробел, представленный в законодательстве, регулирующем применение «права на забвение», поэтому судам еще предстоит сформировать единообразный подход к данной категории споров. Полагаем необходимым в целях устранения пробелов в праве и формирования единой правоприменительной практики внести изменения в ст. 10.3 Федерального Закона об информации, в частности:

1. Законодательно закрепить понятие «неактуальная информация», «информация, распространенная с нарушением закона», которое на сегодняшний день является чрезмерно широким понятием для возможной оценки того, должна ли информация оставаться в общем доступе. Четко выработанные законодателем критерии отнесения той или иной информации к недостоверной также позволят снизить количество судебных споров по оспариванию отказов поисковых систем в реализации гражданами «права на забвение».

2. В целях обеспечения баланса между конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и правом свободно искать и получать информацию, четко сформулировать исключения для личной информации, имеющей общественную значимость, в частности, представляющей историческую ценность, для устранения возможности злоупотребления правом со стороны заявителей, на удаление не устраивающей гражданина информации о нем.

3. Установить государственные гарантии защиты заявителей от злоупотреблений со стороны операторов поисковых систем, закрепив, в частности, систему издержек, как репутационных, так и имущественных, за установленную в судебном порядке необоснованность отказа в удовлетворении

требования заявителя. Данная норма также позволит снизить количество судебных споров по данной категории дел.

4. По аналогии с исками о защите чести и достоинства закрепить право заинтересованных лиц, например наследников, на обращение к оператору поисковой системы с требованием о прекращении выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет по основаниям, закрепленным в ст. 10.3 Закона об информации.

5. Закрепить право владельцев информационных ресурсов, к которым ведут ссылки, выдаваемые оператором поисковой системы, в результате поискового запроса, на досудебную защиту своих прав посредством оспаривания решения оператора поисковой системы. Данная норма также будет влиять на последующую возможность привлечения оператора к участию в судебном процессе в качестве третьего лица.

Таким образом, право на забвение может быть применено и для защиты неимущественных прав, и закреплено как новое «цифровое право», занимающее особенное место в системе прав и свобод человека и гражданина, обусловленное развитием информационно-коммуникационных технологий и, в силу этого, имеющее специфическую сферу реализации, нуждающееся в доктринальном исследовании и четкой правовой регламентации с целью устранения пробельности правового регулирования в данной сфере. Ключевыми аспектами реализации и защиты права на забвение в современной России являются: превентивный способ защиты прав граждан; обязательный досудебный порядок; наделение оператора поисковой системы «правом дискреционного усмотрения» или «правом на цензуру»; расширительное толкование «неактуальности» информации; олицетворяет пример возможного конфликта между публичными и частными интересами; возложение бремени доказывания распространения информации с нарушением законодательства на заявителя; сложности исполнимости решения суда о прекращении выдачи сведений в отношении оператора поисковой системы, расположенной за границей Российской Федерации.

Полагаем, что одним из основополагающих принципов новой цифровой парадигмы права должен стать принцип обеспечения права человека на бесцифровую среду, что напрямую затрагивает сущностные гарантии свободы выбора. Право на бесцифровую среду является естественным правом человека, вытекающим из его природы; выражает его притязание на свободу; существует независимо от того, получило ли оно свое закрепление в нормах позитивного права. Механизм защиты права на бесцифровую среду требует сочетания нормативных, институциональных и процедурных мер. На государственном уровне необходимы законодательные гарантии запрета принуждения к использованию цифровых технологий и закрепления принципа альтернативности обслуживания при получении государственных и муниципальных услуг. В частноправовой сфере применение цифровых технологий, в частности при обработке биометрических персональных данных, использования систем искусственного интеллекта при принятии юридически значимых решений должно стать допустимым только при получении информированного согласия человека, которое он вправе отозвать. Только комплексный, проактивный и ориентированный на сохранение сущности человека как носителя свободной воли в условиях становления цифрового общества правовой ответ сможет не допустить превращения цифровых технологий в механизм исключения и контроля, сохранив при этом преимущества технологического прогресса.

§ 2.3. Социально-экономические права человека в условиях цифровизации

Огромное влияние цифровые технологии оказывают на социально-экономические права человека. Социально-экономические права традиционно включают конституционные гарантии права на труд, социальное обеспечение, образование и медицинскую помощь. В цифровой среде эти права получают новое измерение: дистанционная занятость, электронное образование и социальная защита через информационные системы требуют наличия у человека доступа к Интернету и цифровым сервисам. Становится все более популярным

выражение, что в цифровом обществе информация – это новая нефть. Подобное преломление сферы реализации социально-экономических прав, согласно ЮНЕСКО, несет как новые возможности (гибкое обучение, расширенный доступ к труду), так и серьезные риски: «увеличенный цифровой разрыв» за счет неравного распределения технологий и доступа к ним¹.

Такие изменения, к тому же происходящие достаточно быстро, имели ряд последствий, к сожалению, не всегда положительных. Негативным результатом такого растущего экспоненциальными темпами развития цифровых технологий является тот факт, что благосостояние и человеческое развитие стали в значительной степени зависеть от доступа к услугам, предоставляемым в цифровой среде, компетенций и навыков в области цифровых технологий. Как подчеркивает профессор Г.Г. Небрatenко, «цифровизация в современном мире стала орудием, которое в национальном измерении может и должно стать трофейным, но в условиях рыночной потребительской экономики угрожает России, население которой тает от безденежья и болезней»². Неравенство в доступе к высокоскоростному интернету чревато тем, что жители населенных пунктов, не подключенных к сети Интернет, лишаются цифровых инструментов для обучения, удаленной работы и получения госуслуг, усиливая социальное неравенство (молодежную миграцию, снижение качества жизни).

Как справедливо отмечается в научной литературе, «индустрия 4.0 меняет экономическую реальность, в частности, она устраняет посредников в транзакциях и через цифровые платформы напрямую связывает людей, вовлеченных в различные экономические отношения. Формируется так называемая коллаборативная экономика, бизнес-модели которой создают открытый рынок для временного использования товаров или услуг, в том числе

---

¹ Bridging the digital divide and ensuring online protection. URL: <https://www.unesco.org/en/right-education/digitalization> (дата обращения: 12.12.2024).

² *Небрatenко Г.Г.* Трансформация правовой системы в условиях цифровизации экономики, государства и права // *Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства*, Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 года. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. С. 78.

предоставляемых частными лицами»¹. При этом экономические отношения, складывающиеся в цифровом пространстве, оказывают значительное влияние на существующие правоотношения, что требует соответствующего изменения законодательства. Цифровые технологии не могли не оказать влияние на традиционные социально-экономические права, такие как право на образование, здравоохранение и социальное обеспечение, право на жилище, на труд и отдых и т.д.

Статья 7 Конституции Российской Федерации закрепила, что наше государство – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Статья 39 Конституции Российской Федерации устанавливает основы социальной защиты населения. Таким образом, государство конституционно обязуется гарантировать права на труд, здоровье, социальную защиту и т.д. независимо от среды реализации (офлайн или онлайн).

В апреле 2024 года принято Распоряжение Правительства РФ от 05.04.2024 № 842-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» (вместе со «Стратегическим направлением в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2030 года»).

Влияние цифровых технологий в социально-экономической сфере характеризуется несколькими тенденциями. И первой из них является появление проблемы цифрового неравенства. В XXI веке, как ни парадоксально, главной проблемой на пути повышения качества жизни становятся бедность, экономическое неравенство, характеризующееся чудовищным разрывом между

---

¹ Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 383.

богатыми и бедными и усугубленное цифровым неравенством¹. По словам О.В. Шиняевой, в условиях развития информационных технологий возникает «опасность формирования новой “информационной элиты”, а также увеличения определенной страты людей, оказавшихся в маргинальном положении по отношению к информационно-компьютерным технологиям»².

Цифровое неравенство (digital divide) – это устоявшийся термин, который представляет собой одну из разновидностей социального неравенства. Проблематика цифрового неравенства не нова и является предметом многочисленных исследований, посвященных рискам цифровизации общественных отношений³. Однако в России дискуссия о рисках стремительного роста неравенства на фоне технологических изменений пока еще находится в зачаточном состоянии⁴. Как подчеркивает А.Ю. Иванов, цифровое неравенство, исторически означавшее неравенство в доступе к цифровым технологиям как таковым (услугам связи, Интернету и пр.), теперь включает в себя и множество других факторов, определяющих реальное положение дел в экономике в цифровой век. «В большом количестве документов, как ООН, так и других международных организаций, эта категория всегда понимается гораздо шире и подразумевает неравенство в доступе к знаниям, информации, а также к технологиям работы в цифровой среде»⁵.

С термином «цифровое неравенство» тесно связан появившийся в США в 1995 году термин «цифровой разрыв», который описывает разрыв между людьми, имеющими доступ к недорогому и надежному интернет-сервису (а

---

¹ *Hanco M.B.* Вызовы и угрозы цифровой реальности: к вопросу о реализации принципов равенства и справедливости // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09SCSK221.pdf>

² *Шиняева О.В., Слепова О.М.* Информационно-цифровое неравенство населения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, Вып. 1. С. 53–61.

³ Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. 184 с.

⁴ *Иванов А.Ю., Войничанис Е.А.* Право четвертой промышленной революции в России: поиск точки опоры // Закон. 2018. № 5. С. 42–53.

⁵ *Иванов А.Ю.* Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106–119.

также навыки и гаджеты, необходимые для использования этого доступа), и теми, у кого его нет. Сегодня цифровой разрыв – это проблема как мирового, так и внутригосударственного масштаба. Цифровой разрыв может иметь различные формы, в зависимости от сути причин, его порождающих. Например, цифровой разрыв доступа, разрыв использования, разрыв по качеству использования технологий и т.д.¹.

Существует ли в России цифровое неравенство? Думается, что да. В рейтинге готовности стран к сетевому обществу (Networked Readiness Index – NRI), который ежегодно рассчитывается международной организацией «Всемирный экономический форум» совместно с Международной школой бизнеса «INSEAD», по итогам 2024 г. Российская Федерация заняла 47-е место из 133 возможных². Согласно данным отчета «Digital 2025 Russian Federation» (цифровые тенденции в России в 2022 году), уровень обеспеченности доступа населения к возможностям сети Интернет в России на начало 2025 года составлял 92,2 процента от общей численности населения³. Проблемы неравенства, в том числе и цифрового, обострила пандемия COVID-19. Так, по словам Президента РФ В.В. Путина, «пандемия ... сильно обострила проблемы социального неравенства»⁴.

Среди причин, способствующих увеличению цифрового неравенства в России, можно выделить:

1. Причины технического и финансового характера, выражающиеся в обеспеченности граждан информационно-коммуникационными технологиями.

---

¹ Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 41–45.

² Network Readiness Index 2024 Editors: Soumitra Dutta and Bruno Lanvin Building a Digital Tomorrow: Public-Private Partnerships for Digital Readiness). 2024. S. 40–42. URL: <https://download.networkreadinessindex.org/reports/data/2024/nri-2024.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

³ См. подробнее: URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation-eration> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 15.03.2023).

Эти причины лежат в основе «цифрового разрыва в доступе», который является наиболее заметным. Речь идет о неравенстве в доступе к технологиям или Интернету, в силу как технических возможностей подключения, установления надежного и стабильного качества подключения к сети Интернет посредством надлежащей технической инфраструктуры, так и финансовых возможностей приобрести себе устройства, необходимые для выхода в Интернет, либо получить информацию с сайтов, доступ к которым предоставляется только после оплаты.

2. Причины социального характера, выражающиеся в невозможности/затруднениях в использовании информационно-коммуникационных технологий гражданами, связанных с недостаточной цифровой грамотностью населения, незнанием пользователями информационно-коммуникационных технологий языка, на котором предоставляется информация. Для преодоления этих причин реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой трансформации» национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

3. Причины личного характера, являющиеся наиболее сложно преодолимыми. Эти причины ведут к «разрыву навыков», «разрыву качества». Речь идет об индивидуальных или персональных особенностях человека. Существует разрыв в поколениях и в качестве образования, которым обладает пользователь сети. Молодые, образованные люди, как правило, обладают большим количеством навыков, чем пожилые, менее образованные.

Преодоление цифрового неравенства возможно только посредством принятия органами публичной власти программ, направленных на решение всех трех групп проблем в совокупности.

В России в настоящее время проблемы преодоления цифрового неравенства упоминаются в ряде документов, стимулирующих развитие национальной цифровой экономики. В качестве примера можно привести федеральный проект «Устранение цифрового неравенства», а также цифровое

развитие транспортной отрасли¹, библиотечной отрасли² и т.д. Полагаем, что в целях недопущения увеличения цифрового разрыва необходимо признание необходимости замедления темпов цифровизации и повсеместного внедрения информационных технологий.

Как и само равенство, цифровое равенство – это идеал, который никогда не будет достигнут. Но каждый должен быть заинтересован в политике и программах, направленных на уменьшение возможного неравенства населения. На наш взгляд, наиболее актуальная проблема, стоящая сегодня перед государством в процессе достижения цифрового равенства – это поиск баланса между развитием потенциала использования технологий искусственного интеллекта, «предоставляющим многочисленные возможности того, что государственные услуги могут стать максимально незаметными, не обременяющими ни граждан, ни бизнес»³, и одновременным риском увеличения цифрового разрыва, цифрового неравенства в силу расслоения общества из-за отсутствия цифрового доступа к современным технологиям. Развитие информационных технологий влечет за собой два взаимосвязанных процесса: одним из них является увеличение цифрового разрыва, а другим – постоянная борьба с цифровым неравенством в целях его преодоления. Важно контролировать риски цифрового неравенства и не допустить «цифровой дискриминации, то есть возникновения ситуаций, когда граждане и бизнес потеряют доступ к финансовым услугам по причине отсутствия возможности их получения через традиционные каналы обслуживания (в том числе в условиях

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3744-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461391/ (дата обращения: 29.05.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 № 608-р «Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380498/ (дата обращения: 29.05.2025).

³ Правительство России. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 29.05.2025).

их постепенного сокращения) и отсутствия дистанционного доступа к услугам в силу различных факторов»¹.

Второй тенденцией является ускорение и упрощение социального взаимодействия и, как следствие, экономических отношений, в том числе посредством применения технологий искусственного интеллекта. Появился электронный документооборот, «позволивший ускорить товарно-денежные экономические отношения и упростить сделки купли-продажи»², в целях достижения безопасности и доступности товарно-денежных отношений в оборот введен цифровой рубль, развиваются цифровые платформы государственных услуг, личного кабинета налогоплательщика и т.д.

Третьей тенденцией является «снижение стоимости деятельности и формирование системы “мультивзаимодействия” экономических субъектов и экономических процессов»³. Цифровые технологии позволяют автоматизировать рутинные задачи, сокращая потребность в человеческом ресурсе и, соответственно, затраты на оплату труда. Цифровые каналы коммуникации, различные цифровые инновационные приложения позволяют отслеживать товарные потоки в реальном времени, прогнозировать спрос, оптимизировать логистические маршруты, снижая издержки на хранение и транспортировку. Цифровизация способствует формированию сложных экосистем, объединяющих различные бизнес-субъекты, позволяя им взаимодействовать и обмениваться данными для совместного создания новых продуктов и сервисов. Использование электронных платежных систем упрощает трансграничные платежи, снижая издержки для бизнеса и потребителей.

---

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (подготовлено Банком России). URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 30.10.2022).

² *Зинковский М.А.* Экономика и гражданский оборот: некоторые аспекты взаимосвязи // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 29–34.

³ *Булетова Н.Е., Губин А.М., Романенко Н.Ю.* Применение риск-ориентированного подхода к управлению экономической интеграцией субъектов Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 10.

Четвертой тенденцией является появление сферы новых услуг: «информационные услуги по обработке больших данных (big data), услуги беспроводной связи и навигации, услуги цифрового телевидения, услуги по поиску информации в сети Интернет, услуги хостинга, диспетчерские услуги бизнес-агрегатов, услуги распределенного реестра, управление жизненным циклом изделий, платежные электронные услуги, услуги онлайн-образования и др.»¹

Распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р (ред. от 30 марта 2018 г.) утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. С 1 февраля 2022 г. в России осуществляется эксперимент – запуск цифровой платформы малого и среднего предпринимательства (МСП) в соответствии с постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 2371 «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»², которым утверждено Положение с аналогичным названием.

Трудовые отношения как часть общественных отношений не могли остаться в стороне от цифровой трансформации. Под цифровой трансформацией, часто используемой синонимично с такими терминами, как цифровизация или Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0), понимается процесс интеграции цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Речь идет о повсеместном внедрении информационных технологий в промышленность, развитии систем искусственного интеллекта, автоматизации

---

¹ Правовое регулирование отношений по оказанию услуг в условиях цифровой экономики: доктринальные, нормотворческие и правоприменительные аспекты: монография / М.А. Бажина, Н.В. Городнова, О.В. Жевняк [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 19.

² Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371 (ред. от 04.02.2025) «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405167 (дата обращения: 10.02.2025).

бизнес-процессов, анализа больших данных (big data) и «умных» вещей. В сфере трудовых отношений цифровизация оказывает значительное влияние на организацию рабочих процессов, влечет за собой изменения в структуре занятости, требованиях к квалификации работников и их компетенциям, порождает новые формы занятости и трудоустройства населения. К отдельным категориям работодателей начинают применяться такие стратегические термины как необходимость достижения «цифровой зрелости» посредством активной реализации мероприятий по поддержке в повышении производительности труда за счет использования российских цифровых решений¹. 5 февраля 2024 года вступила в силу новая редакция Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в которой отмечается, что дальнейшее совершенствование данной технологии может вызвать резкое повышение производительности труда, что приведет к увеличению мирового валового внутреннего продукта на 1–2 процента ежегодно².

Закрепленные в ст. 37 Конституции Российской Федерации полномочия граждан в сфере труда в различной вариации составляют содержание конституционного права на труд. Достижение идеала свободной человеческой личности невозможно без обеспечения человеку гарантированных Конституцией РФ полномочий на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд, свободу выбора рода деятельности и профессии, на защиту от безработицы и т.д. Анализ влияния процессов цифровизации на составляющие конституционного права на труд позволяет выявить как позитивные, так и негативные аспекты использования информационно-коммуникационных технологий в данной сфере.

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 07.11.2023 № 3113-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-07112023-n-3113-r-ob-utverzhdanii> (дата обращения: 10.02.2025).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700; 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.

Позитивные аспекты обусловлены возможностью предоставления работникам работы в условиях гибкого рабочего времени, дистанционного выполнения трудовой функции, а также появлением новых технологий, способствующих повышению производительности труда за счет автоматизации и внедрения роботизированных систем.

Однако негативных аспектов цифровизации трудовых отношений значительно больше. В первую очередь они связаны с увеличением уже существующего социального неравенства, добавив к нему цифровое неравенство в сфере труда. Дело в том, что цифровизация труда создала высокий спрос на конкретные навыки работника: владение информационно-коммуникационными технологиями, знание основ кибербезопасности, достижение определенного уровня цифровой грамотности и т.д. Данные требования приводят к увеличению разрыва в доступе к рабочим местам, к формированию и усугублению так называемого «цифрового разрыва». Данные статистики выявляют барьеры, проявляющиеся в лишении значительной части общества возможности получить доступ к выполнению трудовой функции в дистанционных условиях¹. Молодые, образованные люди, как правило, обладают большим количеством цифровых навыков, чем пожилые, менее «цифрообразованные». Выявленная нами взаимосвязь уровня профессиональной грамотности и использования цифровых технологий демонстрирует важность наличия у работника для свободного доступа к реализации конституционного права на труд, помимо традиционных знаний в профессиональной сфере, еще и «новых» компетенций в области использования цифровых технологий и работы с информацией.

Полагаем, что стабилизация процессов цифрового неравенства в сфере доступа граждан к трудоустройству возможна при стимулировании и поддержке на государственном уровне традиционных форм занятости, с одновременным содействием повышению квалификации или переквалификации работников. Следует помнить, что одним из важнейших прав человека, закрепленном в ст. 43

---

¹ См. подробнее: URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 15.05.2024).

Конституции Российской Федерации, является его право на получение образования. В этой связи нами поддерживается позиция, высказанная А.Б. Берберовым, согласно которой «каждый технологически вытесненный работник должен иметь право на переобучение за счет государственных средств на протяжении всей его жизни. Другими словами, следует трансформировать советское право человека на труд до права человека на технологическое переобучение с закреплением такого подхода в Конституции России»¹.

Таким образом, проблема цифрового неравенства напрямую затрагивает уже имеющиеся проявления расслоения общества в различных сферах, усиливает риск злоупотребления тем или иным правом, появление которого или трансформация уже существующего непосредственно связаны с цифровизацией. Нельзя отрицать тот факт, что те, кто более полно использует возможности, предоставленные цифровыми технологиями, имеют преимущества по сравнению с теми, кто находится в более неблагоприятном цифровом положении, например при трудоустройстве.

Вторым негативным аспектом является увеличение числа безработных лиц, ускорение темпов формирования технологической безработицы. Так, по оценкам британской консалтинговой компании Forrester, только в США к 2030 году искусственный интеллект уничтожит 2,4 млн рабочих мест. На глобальном уровне, согласно опубликованному в апреле 2023 года отчету одного из крупнейших инвестиционных банков мира Goldman Sachs, в ближайшие десять лет есть риск потери 300 млн рабочих мест². В контексте права человека на труд это влечет за собой мысли о необходимости реформирования законодательства с точки зрения обеспечения гарантии государственной защиты от последствий цифровизации рабочих процессов. В условиях становления рыночной экономики, развития цифровых технологий, прогрессирующей технологической безработицы государство не в состоянии реально обеспечить каждому занятость,

---

¹ Берберов А.Б. Технологическая безработица в условиях становления цифровой экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. М., 2021. С. 148.

² Подробнее см.: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/64c01fe29a794765f9a12d8f> (дата обращения: 03.05.2024).

ставится под угрозу право на защиту от безработицы. Однако некоторые исследователи считают, что причинами существующей безработицы и низкой заработной платы являются не существующие процессы «технологических изменений сферы труда», а скорее сочетание «последствий истощенных экономик, пытающихся оживить себя путем сокращения социальных расходов. Эта тенденция усугубляется новой глобальной рецессией, вызванной воздействием COVID-19, и осознанием того, что мы живем на планете с ограниченным количеством ресурсов, которая не справится с увеличением производства, а нуждается в обратном»¹.

Третья проблема, связанная с цифровой трансформацией – это вопрос кибербезопасности и защиты данных работников. Цифровая трансформация включает в себя массовое использование электронных систем и обмен информацией через Интернет. Это создает угрозу взлома данных и кражи личной информации работников.

Четвертым негативным аспектом цифровизации трудовых отношений является потеря границ и баланса между личным и рабочим временем, что характерно для трудовой деятельности в режиме гибкого рабочего времени и дистанционной работы. В настоящее время в законодательстве Франции, Италии и Испании получило свое закрепление право дистанционных работников «быть не в сети» («Right to disconnect»), позволяющее сотрудникам организаций отключаться от работы в обычное нерабочее время, чтобы им не приходилось отвечать на электронные письма, телефонные звонки или другие сообщения, связанные с работой.

В существующих условиях полагаем необходимым усилить и укрепить социальное партнерство в сфере труда, необходимо заключение соглашений на всех уровнях социального партнерства в целях разработки комплексных стратегий и соответствующей политики для перехода к цифровым технологиям

---

¹ How Digitalisation Is Transforming the World of Work. URL: <https://transform-network.net/blog/analysis/how-digitalisation-is-transforming-the-world-of-work> (дата обращения: 15.04.2024).

с учетом мнений и интересов представителей как работников, так и работодателей. Первичные профсоюзные организации, представляя интересы работников, должны участвовать в управлении существующими изменениями в сфере труда. Следует согласиться с мнением профессора В.С. Осипова, что в условиях цифровизации как никогда «необходимы разработка и реализация механизмов учета и взаимоувязки интересов разнообразных экономических интересов государства, бизнеса и общества. По результатам реализации таких механизмов и рождается социальное партнерство как объединенное действие всех общественных сил для обеспечения процветания страны»¹.

Цифровизация труда неизбежна, и ее темпы не показывают признаков замедления. Однако следует помнить, что это всего лишь технология, а следовательно, мы имеем возможность осуществлять контроль над ее распространением и интеграцией, упреждать негативное влияние на реализацию конституционного права на труд, что позволит сохранить все позитивные аспекты использования информационно-коммуникационных технологий и «не приводить к критике проекта цифровизации»².

Цифровые технологии оказывают влияние и на право работодателя на осуществление контроля за поведением работника, предоставляя первому практически безграничный потенциал. Установка камер видеонаблюдения в офисах, возможности прослушивания телефонных звонков, трекеры активности работников, мониторинг использования сети Интернет, просмотр электронной переписки и так далее – все это требует законодательного закрепления пределов вмешательства работодателя в частную жизнь работника при помощи цифровых технологий.

В 2017 году было принято знаковое для решения этого вопроса Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.09.2017 Дело

---

¹ *Осипов В.С.* Согласование интересов работников и работодателей в воспроизводственном процессе: эволюция в силу цифровизации и роботизации // ЦИТИСЭ. 2018. № 4 (17). С. 16. URL: <https://ma123.ru/wp-content/uploads/2018/12/Осипов-В.pdf>

² *Овчинников А.И.* Прогнозирование действия права: эпистемологический аспект // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 129.

«Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии» (Жалоба № 61496/08) (Третья секция), которое отменило Постановление от 12.01.2016 по этому же делу. Предметом спора стали нарушения в увольнении работника за использование на рабочем месте мессенджера Yahoo, допустимого для общения с клиентами компании, для личной переписки. Изначально ЕСПЧ вынес решение в пользу правомерности действий работодателя, установив, что в компании существовали внутренние правила, которыми категорически запрещалось использовать компьютеры и другую технику в личных целях. Однако в рамках пересмотра дела в Большой Палате Суда ЕСПЧ пришел к выводу, что у работодателя имеется правомерный интерес в обеспечении работы компании и что этого можно достичь, создав механизмы для проверки выполнения работниками своих профессиональных обязанностей. Но работник должен быть уведомлен о степени и характере наблюдения, а также требует установления юридического факт – мог ли работодатель использовать меры, связанные с меньшей степенью вмешательства в личную жизнь и корреспонденцию?¹

Законодательство Российской Федерации не содержит запрета на контроль и фиксацию трудового процесса на рабочем месте. Таким образом, есть тонкая грань между правом работодателя на контроль за деятельностью работника и гарантированным Конституцией Российской Федерации правом работника на неприкосновенность частной жизни. Неоднозначность понимания данной грани демонстрирует и сложившаяся судебная практика, которая свидетельствует, что суды чрезвычайно широко толкуют право работодателя контролировать труд работников. Так, в одних случаях суды приходят к выводу, что «поскольку способы контроля трудовым законодательством не урегулированы, работодатель вправе применить такую форму контроля, как видеонаблюдение»² и

---

¹ 246. Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.09.2017 Дело «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии» (Жалоба № 61496/08) (Третья секция). URL: <https://base.garant.ru/71826442/> (дата обращения 15.08.2025).

² Решение Ленинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 01.08.2016 по делу № 2-2357/2016. URL: https://leninskytag-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=427388

«видеонаблюдение производилось на рабочем месте, вследствие чего, сотрудники компании и истец не были ущемлены в частной жизни»¹. А в других признает видеонаблюдение и прослушивание телефонных разговоров неправомерными. Так, в 2021 году Верховный Суд Республики Татарстан оставил в силе приговор Советского районного суда, предусматривающий наказание в виде восьми месяцев колонии-поселения за наблюдение руководителем за рабочим процессом работников, а именно осуществление «прослушивания, записи и хранения телефонных переговоров сотрудников компании, содержащих их личные тайны, а также размещение их в интернет-приложении Telegram»².

Полагаем, что для обеспечения баланса между правом работодателя на контроль за работником и правом работника на неприкосновенность частной жизни установить в Трудовом кодексе следующие принципы: законность цели осуществления контроля (например, защита интересов работодателя, при этом необходимо, чтоб эта защита не могла быть реализована иначе, чем посредством контроля за деятельностью работника); принцип адекватности (контроль должен оказывать минимальное вмешательство в частную жизнь работника); принцип прозрачности (работодатель должен заранее проинформировать работников о существовании и функционировании системы контроля и о ее целях, при этом с обязательным учетом мнения первичной профсоюзной организации).

Цифровые технологии не обошли стороной и сферу здравоохранения, вплоть до появления нового психического заболевания – «цифрового

735&case_uid=ec067d76-7bbb-4476-ac22-c6cb674ea20a&delo_id=1540005&new=0 (дата обращения: 15.04.2024).

¹ Решение Волжского районного суда г. Саратова от 20.07.2012 по делу № 2-3212/12. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volzhskaa-raionnyi-sud-g-saratova-saratovskaia-oblast/?page=17> (дата обращения: 17.03.2024).

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан, 22 марта 2022 г., дело № 22-1293/2022. URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3255941&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 15.04.2024).

одинокости»¹. Цифровизация здравоохранения определена как «переход на электронное взаимодействие медицинских организаций между собой и с пациентом, внедрение вертикально-интегрированных медицинских информационных систем по профилям заболеваний для оптимальной маршрутизации пациентов, создание единой базы медицинских документов, изображений и результатов инструментальных исследований для реализации систем поддержки принятия врачебных решений, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта»². Т.В. Записная выделяет следующие направления цифровизации здравоохранения: развитие электронного обмена информацией в сфере здравоохранения³; использование информационно-коммуникационных технологий для удаленного взаимодействия между медицинскими работниками и пациентами⁴.

Наиболее сложным вопросом цифровизации здравоохранения является внедрение искусственного интеллекта. «Цифровое здравоохранение» включает в себя различные технологии, направленные на улучшение результатов лечения, улучшение самочувствия пациентов и оптимизацию рабочих процессов медицинских работников, в том числе с использованием технологий «мобильного здравоохранения (mHealth)» – «использование мобильных и беспроводных технологий для поддержки достижения целей здравоохранения», (мобильные телефоны, носимые и имплантируемые устройства, планшетные

---

¹ *Surjit Singha, Ranjit Singha* Digital Loneliness: A Hidden Epidemic in the Digital Health Landscape // *Inclusivity and Accessibility in Digital Health*. 2024. P. 42–61. DOI: 10.4018/979-8-3693-1463-0.ch004

² Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения 12.07.2025).

³ Статья 78 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) закрепляет право медицинских организаций формировать листки нетрудоспособности в форме электронного документа и лишь в отдельных случаях выдавать их на бумажном носителе.

⁴ *Записная Т.В.* О концепции развития правового регулирования отношений в сфере цифровизации отечественного здравоохранения // *Юрист*. 2021. № 5. С. 69–74.

компьютеры и персональные цифровые помощники)¹. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года повышение качества услуг в сфере отечественного здравоохранения должно произойти за счет «профилактических обследований, диагностики, основанной на анализе изображений, прогнозирования возникновения и развития заболеваний, подбора оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращения угроз пандемий, автоматизации и точности хирургических вмешательств»².

Среди проблем, вызванных цифровизацией системы здравоохранения, особенно остро стоит проблема обеспечения соблюдения врачебной тайны. Как подчеркивает Н.Е. Федотов, «законодательство Российской Федерации на данный момент не предусматривает ни то, каким образом должна соблюдаться врачебная тайна при передаче персональной информации пациентов врачу в случае использования телемедицинских технологий, ни то, каким образом врачебная тайна должна сохраняться в случае, когда пациент желает анонимно получить платные медицинские услуги, используя при этом телемедицинские технологии»³.

Цифровизации подверглась и система образования. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» внедрение принципов цифровизации в деятельность системы образования, предполагающее работу по переводу услуг в электронный вид и выводу их на Единый портал государственных услуг, развитие различных

---

¹ *Poulsen A., Song Y.J.C., Fosch-Villaronga E., LaMonica H.M., Iannelli O., Alam M., Hickie I.B.* Digital Rights and Mobile Health in Low- and Middle-Income Countries: Protocol for a Scoping Review // *JMIR Res Protoc.* 2023. 12: e49150. doi: 10.2196/49150. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10582819/#ref23> (дата обращения: 15.05.2024).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700; 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.

³ *Федотов Н.Е.* Отдельные аспекты защиты врачебной тайны при использовании телемедицинских технологий в здравоохранении // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 1. С. 40–59.

цифровых инструментов и сервисов и создание условий для их использования в образовательных организациях, повышение квалификации педагогических работников в области цифровых технологий, искусственного интеллекта. Элементы безопасной цифровой образовательной среды с верифицированным контентом дополняют традиционную систему образования, обеспечат равные условия для получения качественного образования на всей территории Российской Федерации¹.

Наметившиеся тенденции к становлению системы дистанционного электронного голосования в отсутствие закрепленного на конституционном уровне запрета на принуждение к цифровизации по мере прогрессирования могут привести к тому, что традиционные формы участия граждан в управлении государством (выборы и референдум) могут все чаще носить имитационный характер. Неоправданно оптимистично звучало бы утверждение о безусловно положительном эффекте внедрения цифровых технологий в избирательный процесс. В данном контексте стоит обратить внимание на опыт таких государств, как Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Франция, Германия².

Несмотря на воздействие цифровых технологий на систему социально-экономических отношений, фундаментальные механизмы защиты социально-экономических прав человека сохраняют преемственность с традиционными правовыми институтами. Конституция Российской Федерации закрепляет право на труд, социальное обеспечение, охрану здоровья, образование и иные социальные права. В то же время их реализация в цифровой среде приобретает новые особенности, требующие правового осмысления и совершенствования. Как уже отмечалось выше, в Российской Федерации принимаются нормативные правовые акты, конкретизирующие, в частности, реализацию права на труд³.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». URL: <https://base.garant.ru/71848426> (дата обращения: 18.08.2025).

² Хабриева Т.Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 9.

³ В частности, глава 49.1 Особенности регулирования труда дистанционных работников Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

Уже формируется и судебная практика по защите прав дистанционных работников, в частности, в части соблюдения работодателем гарантий рабочего времени и компенсационных выплат¹. Однако защита прав работников цифровых платформ-посредников (такими в России являются «Яндекс.Такси», profi.ru, YouDo и т.д.) остается проблемной: на практике такие категории нередко выпадают из сферы действия трудового законодательства, что ставит под угрозу реализацию конституционных прав человека. Примером может служить ситуация с водителями сервисов такси и курьерами служб доставки, которых можно отнести к «неформальным работникам». И вот почему. Такие работники зарегистрированы на большинстве платформ-посредников как индивидуальные предприниматели или самозанятые, но фактически находятся в экономической зависимости от цифровой платформы, которая определяет условия доступа к заказам, тарифы и систему рейтингов. Деятельность платформ-посредников в России сегодня не урегулирована. В результате возникает правовой дисбаланс: при отсутствии трудового договора работники лишены социальных гарантий, а правовые механизмы защиты оказываются недостаточно эффективными. Таким образом, важную роль в обеспечении механизма защиты цифровых прав человека играют и сами цифровые платформы-посредники. В их распоряжении находятся значительные массивы персональных данных, а алгоритмические системы принимают решения, влияющие на социально-экономические права пользователей. Здесь требуется внедрение этических стандартов, прозрачности алгоритмов и создание механизмов независимого надзора. Нормативное регулирование деятельности цифровых платформ должно быть направлено на установление обязательств по обеспечению прозрачности алгоритмов,

---

¹ См, например, Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2024 г. по делу № 8Г-21860/2024; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу № 88-21123/2024; Апелляционное определение СК по гражданским делам Тюменского областного суда от 23 октября 2023 г. по делу № 33-5625/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

справедливости рейтинговых систем и недопущению дискриминации при принятии социально значимых решений.

Очевидно, что эти проблемы, включая не затронутые в настоящем диссертационном исследовании вопросы цифровизации системы правосудия, трансформации представлений об объектах гражданских прав и возможного злоупотребления субъектами цифровой экономики договорным правом, цифровизации системы государственного управления, изменения традиционной системы источников права, формирования и особенностей функционирования новых институтов электронной демократии, формирования системы цифрового контроля посредством введения системы социального рейтинга и т.п., – заслуживают самостоятельных исследований.

Таким образом, содержание цифровых прав человека в социально-экономическом контексте включает в себя широкий спектр требований, направленных на обеспечение справедливого информационного общества. Именно в социально-экономической сфере наиболее явно прослеживаются риски и угрозы цифровых технологий для системы прав человека, обостряя уже существующие проявления расслоения общества в различных сферах. Неопределенность содержания цифровых прав человека в социально-экономическом контексте обусловлена несколькими факторами, среди которых можно выделить динамичность и эволюцию условий их осуществления (цифровые технологии, глобализационные процессы, экономические кризисы); зависимость от доступа конкретного лица к услугам, предоставляемым в цифровой среде, а также наличия у него компетенций и навыков в области цифровых технологий. Процессы цифровизации общественных отношений открывают новые возможности для реализации прав человека, но одновременно порождают риски их ограничения. Ответом на эти вызовы должно стать формирование гибкой, но эффективной системы правовой защиты, сочетающей традиционные механизмы с новыми цифровыми инструментами.

Онтологическая специфика цифровых прав человека, ранее неизвестные угрозы и риски цифровизации общественных отношений, фрагментарность

правового поля регулирования свидетельствуют в пользу того, что традиционные правовые инструменты, ориентированные на материальные объекты и национальные юрисдикции, недостаточны для обеспечения эффективной защиты цифровых прав человека. Проведенный в исследовании сравнительный анализ моделей регулирования цифровых прав человека на международном, национальном и корпоративном уровнях позволяет прийти к выводу о недостаточности изолированного применения каких-либо из трех ключевых элементов механизма защиты: нормативного, институционального и технологического. Вне адекватных институциональных механизмов и технологических инструментов исполнения, формальное закрепление цифровых прав человека в нормативных документах как международного, так и национального уровня порождает режим «правового идеализма», при котором провозглашенные права остаются формальными, не обеспеченными действенными средствами их имплементации и защиты. Органы, осуществляющие обеспечение и защиту прав человека и гражданина, вне специальных технологических средств и актуальной нормативной базы неспособны эффективно противодействовать системным, масштабным и технологически сложным нарушениям прав человека в цифровой среде. Технологические решения (обеспечение протоколов отслеживания нарушений, алгоритмическая прозрачность, протоколы идентификации/аутентификации личности, различные криптографические механизмы и т.д.) вне упорядочения, формализации, стандартизации и легализации остаются инструментом добровольного применения, не создающим никаких гарантий защиты прав человека. Таким образом, только синтез трех уровней – нормативного, институционального и технологического – формирует не просто совокупность мер, а качественно новую и действенную систему защиты цифровых прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденции цифровых преобразований ставят перед юридической наукой и правоприменительной практикой три группы проблем, связанных не только с осмыслением возможности правового регулирования отношений в цифровом пространстве, но и поиском надлежащих способов реализации и защиты прав человека в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий. К первой группе можно отнести вопросы, связанные с нарушением или угрозой нарушения прав человека в процессе или результате использования новых технологий. Ко второй группе можно отнести вопросы, связанные с проблемами поиска баланса между интересами безопасности государства, общества и человека и развитием цифровых технологий. И, наконец, к третьей группе вопросов относится появление новых проблем, возникающих в результате использования новых информационных и коммуникационных технологий, связанных с отсутствием нормативно-определенных правил поведения индивида в цифровом пространстве, предоставленной субъекту четко определенной возможности совершать какие-либо действия и требовать соответствующих действий от других (либо воздержаться/отказаться от соответствующих действий).

Поиск ответов на вышеуказанные вопросы невозможно осуществить без активной роли юридической науки. Методологические разночтения в подходах к пониманию концепта цифровых прав человека, множественность и несогласованность терминологии свидетельствуют о несформированности даже основных понятий цифровой парадигмы права. Необходимо систематизировать основные теоретико-правовые подходы к пониманию концепта цифровых прав человека, а также выявить актуальные проблемы реализации обеспечения прав человека в условиях новой цифровой реальности. Теоретический анализ влияния цифровых инноваций как на всю систему прав человека, так и на право в целом позволит сформулировать ориентиры, в соответствии с которыми проводится правовая политика и разрабатывается государственно-правовая доктрина.

Технологические изменения на протяжении истории развития человечества влекли за собой не только изменения в привычном для нас укладе жизни, но и в значительной мере меняли право. Право по своей сути представляет консервативный социальный регулятор, который получил свое признание именно благодаря тому, что он крайне осторожно, без спешки развивался и реагировал на новые вызовы, но в современных условиях право не справляется, не «успевает» за цифровыми технологиями, работающими по своим собственным правилам.

Цифровые технологии являются объективным фактором прогресса человеческой цивилизации, и наравне с процессами глобализации, социальной трансформации общества являются предпосылками для новых теоретических подходов к правам человека, расширению перечня всеобщих прав и свобод. Бурное развитие цифровых технологий не только позволяет совершенствовать уже существующие модели взаимодействия субъектов, изменить специфику и условия реализации прав человека, а также влияет на их содержание, трансформирует формы и приемы правового регулирования общественных отношений. В этом смысле парадигмальный сдвиг в праве неизбежен. Сегодня мы столкнулись с необходимостью осознания того, какие именно ценности в цифровом мире требуют поощрения и защиты, в чем состоит свобода лица в выборе правомерного поведения в цифровой пространстве.

Права человека представляют собой уникальную ценность, фундаментальную основу достойной и справедливой жизни каждого. Их уважение, защита являются обязанностью каждого государства. Стоит задача конструирования принципиально новых концептуальных подходов к пониманию системы прав человека, разработки ключевых правовых институтов. Повсеместное внедрение цифровых технологий, принятия законодательных мер, способствующих развитию цифровых технологий, появлению новой для правовой реальности терминологии: цифровая экосистема государства, цифровая экосистема органов прокуратуры, цифровая среда, электронные реестры и т.д. – не может не видоизменять систему прав человека.

Актуализируют проблему и вопросы формирования и развития новой модели взаимоотношений государства и личности в условиях становления и развития информационного общества. Речь идет о процессе «оцифровывания» традиционных функций государства, системы оказания государственных услуг, формирования концепции «электронной демократии» и «цифрового государства». Процессы цифровой трансформации общественных отношений влияют на систему и содержание прав человека, кроя ее совершенно по «иным лекалам», следствием является возникновение новых прав, с присущими именно им специфическими детерминантами, придающими им характер *sui generis* (единственных в своем роде).

Эффективные программы развития системы прав человека в условиях информационного общества возможны только в случае двойственного подхода к концепту прав человека в условиях цифровой реальности, который будет учитывать как особенности реализации прав человека в цифровой среде, основанных на фундаментальном принципе «нормативной эквивалентности», так и появление новых субъективных прав, отличающихся особой юридической природой, специфическим содержанием, требующих особых принципов осуществления и своеобразных гарантий защиты в процессе использования цифровых технологий. Тем самым данная концепция предполагает поступательное развитие юридико-догматической конкретизации системы прав человека применительно к цифровому пространству. Первым этапом является адаптация традиционных прав человека к цифровым условиям их реализации, а вторым этапом – непосредственно позитивация новых «цифровых прав» человека.

Цифровые права человека – это совокупность субъективных прав и свобод личности, возникающих и реализуемых в условиях цифровой трансформации общества, основанных на принципах человеческого достоинства и автономии воли, признаваемых и гарантируемых международным сообществом и государством в целях защиты человека от новых вызовов и угроз. В Российской Федерации закреплена так называемая цивилистическая монополия в понимании

цифровых прав как объекта гражданских прав. А именно как субъективных имущественных прав, которые закрепляют за субъектом право требования получения какого-либо блага, в первую очередь обязательственных прав или обязанностей (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Цифровые права человека представляют собой правомочия человека в сфере свободного, безопасного и добровольного использования/отказа от использования цифровой среды и информационно-коммуникационных технологий. То есть речь идет не о принадлежности и обороте цифровых активов, а о правах как о высшей ценности и смысле существования государства. Если «цифровые права» в частноправовом смысле выражают возможности распоряжения имущественными благами, существующими в цифровой форме, то «цифровые права человека» закрепляют пределы и гарантии свободы личности в условиях повсеместной цифровизации общественных отношений, гарантируют ее автономию и безопасность. Методологические разночтения требуют определенного разделения цифровых прав в частной и публичной сферах, без которого сложно представить реализацию принципа единства юридической терминологии.

Цифровые права человека в своей основе обусловлены притязаниями самовосприятия человека как субъекта права, как обладателя свободной воли в условиях повсеместной цифровизации общественных отношений. Данное притязание отличает их юридическую природу от прав первого, второго, и третьего поколений. В цифровой среде человек становится не просто пользователем цифровых технологий, он постепенно интегрируется в них.

Для цифровых прав человека характерны: мультирегуляторность природы (сочетание элементов публично-правового и частноправового регулирования); двойственный (амбивалентный) характер (они не могут быть сведены только к праву на доступ к цифровым технологиям или к праву на бесцифровую среду); исключительно цифровая форма выражения или реализации; ограниченный перечень правомочий, предоставленных лицу посредством программно-технической инфраструктуры; универсальный и глобальный характер.

Среди закономерностей становления концепта цифровых прав человека можно выделить: закономерности генезиса (возникновения), эволюции (развития), взаимосвязи и технологической обусловленности (технологический детерминизм), ограниченности, требований техноэтических установок. Объем цифровых прав человека упирается в технологические ограничения, предопределяется заранее предусмотренным пользовательским соглашением, выбором действий. Данное обстоятельство обусловлено технологическими возможностями цифровой среды, в ряде случаев имеющими весьма усеченный характер по сравнению с возможностями в реальном мире.

Цифровое право, как субъективное право личности, одновременно включает в себя: правомочие субъекта на совершение собственных активных действий в цифровой среде или право на отказ от совершения этих действий без каких-либо преград, возводимых на основе новых технологий; правомочие требовать от других субъектов совершения определенных действий или воздержания от них, включая право лица требовать обеспечения кибербезопасности, запрещать использование цифровых технологий, влекущих нарушения прав человека; правомочие на защиту своего нарушенного права, реализуемого в цифровой среде, в том числе и право на самозащиту. Реализация таких правомочий требует выхода за рамки традиционных правовых процедур. Она все больше опирается на «law as code» (право как код), т.е. правила поведения не просто оцифруются, а выражаются непосредственно в виде программного кода, способного автоматически исполняться в цифровой среде. Таким образом, создаются алгоритмы, которые вместо (или совместно) с источниками права определяют, дозволяют или запрещают субъектам совершение определенных действий. Это влечет за собой формирование новой технологической парадигмы права, стирающей грань между правовым регулированием и технологической инфраструктурой. Без встроенных в «law as code» юридических и технологических гарантий независимости и альтернативности человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве он рискует превратиться в жесткий и бесконтрольный механизм,

способный разрушать систему прав человека. Решение данной проблемы видится в закреплённой законом возможности пересмотра человеком любых принимаемых алгоритмами решений, затрагивающих права человека.

Несомненно, сегодня мировое сообщество не может дать с позиции права адекватный ответ цифровым технологиям с учетом скорости изменения и совершенствования последних. Особенно явными становятся риски и вызовы цифровизации традиционным глубинным смыслам и идеям государственной власти. Меняется сама система регулирования общественных отношений с иерархической (вертикальной) структуры в новую сетевую (горизонтальную), государство теряет статус монополиста в привычных сферах правотворчества, управления, постепенно перестает восприниматься в качестве гаранта прав и свобод человека и гражданина, утрачивает свои полномочия по обеспечению безопасности человека. Такое правовое регулирование, где право становится технократичным, привело к тому, что цифровые платформы выступают в роли архитекторов нового цифрового мира, по сути, не имея никаких ограничений в реализации своей власти, ни территориальных, ни этнических или национальных. В таких условиях права человека лишаются своего основного назначения, позволяющего ограничить вмешательство в свободу самоопределения личности, становятся не способными ограничить правотворческую монополию суверена. В перспективе это приведет к формированию большого числа институциональных вызовов существующей системе фундаментальных прав человека. Поэтому представляется особенно важным не только выявление и доктринальное осмысление возникающих угроз, но и активное формирование адекватного правового ответа. Таким ответом призвана стать концепция цифровых прав человека, разработка которой является императивом для обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях развития и становления технократического общества.

Цифровизация увеличивает риски технократического отношения к человеку, изменяет ценностную социальную матрицу логики правового регулирования. Особенностью реализации цифровых прав человека является тот

факт, что, во-первых, в цифровых правоотношениях возникают ситуации «гибридной правосубъектности», когда субъектом правоотношения становится некий «актант», который обладает некой автономией от реальной личности, а вот реальный человек становится зависим от доступа к своей «цифровой копии». При этом наблюдаются тенденции в отделении персональных данных, которые представляют нас как личность в цифровой среде, от субъекта посредством «обезличивания». Системы удаленной идентификации позволяют использовать одним лицом данные другого и совершать действия от его имени в цифровом пространстве. Можно говорить о возникновении такого тревожного явления как отчуждение личности от самой себя (самоотчуждение). А во-вторых, для таких правоотношений становится необходимым участие посредника между такими «личностями» – представителя участника технологической сферы (владельца цифрового ресурса, администратора, оператора, провайдера и т.д.).

Под воздействием цифровых технологий претерпевает изменения и институт «воли» в правоотношениях. Для возникновения последствий, имеющих правовой характер, в цифровой среде становятся важными только фактические действия «цифровой личности», а то, что эти действия носят сознательно-волевой характер, только лишь предполагается, что превращает их в автоматизированные и обезличенные.

Содержание цифровых прав человека в социально-экономическом контексте включает в себя широкий спектр требований, направленных на обеспечение справедливого информационного общества. Именно в социально-экономической сфере наиболее явно прослеживаются риски и угрозы цифровых технологий системе прав человека, обостряя уже существующие проявления расслоения общества в различных сферах. Неопределенность содержания цифровых прав человека в социально-экономическом контексте обусловлена несколькими факторами, среди которых можно выделить динамичность и эволюцию условий их осуществления (цифровые технологии, глобализационные процессы, экономические кризисы); зависимость от доступа конкретного лица к услугам, предоставляемым в цифровой среде, а также наличия у него

компетенций и навыков в области цифровых технологий. Процессы цифровизации общественных отношений открывают новые возможности для реализации прав человека, но одновременно порождают риски их ограничения. Ответом на эти вызовы должно стать формирование гибкой, но эффективной системы правовой защиты, сочетающей традиционные механизмы с новыми цифровыми инструментами.

Влияние цифровых технологий на права человека признано на глобальном уровне в рамках деятельности ООН. В целом, сегодня все государства осознают необходимость регулирования процессов становления и развития цифровых технологий, необходимость обеспечения и защиты прав человека в цифровом пространстве, что подтверждается принятием как законодательных актов национального уровня, так и принимаемых на международном уровне руководящих принципов, деклараций и т.д. В то же время проанализированный нами в рамках настоящего исследования объем нормативно-правовых актов свидетельствует о весьма незначительной скорости и единичных случаях внесения изменений в Основные законы государства в части как закрепления в них новых прав человека, так и корректировки перечня традиционных прав и свобод с учетом цифровой трансформации общественных отношений. При этом механизм обеспечения цифровых прав человека в современном мире строится по трем основным направлениям: жесткий государственный контроль за цифровым пространством и ограничение распространения цифровых технологий; опережающее признание цифровых прав и перераспределение обязанности по защите прав человека между государством и рядом заинтересованных лиц; характерное для большинства государств постепенное настороженное и аккуратное признание и обеспечение цифровых прав человека.

В целом, общим для многих государств можно выделить отсутствие специализированных нормативных правовых актов, обеспечивающих действенные гарантии независимости и альтернативности человека в выборе правомерного поведения в цифровом пространстве, регламентирующих сущность и содержание цифровых прав человека, а также закрепляющих

надежный механизм их защиты в случае нарушений. В такой ситуации даже формальное закрепление новых цифровых прав человека не означает, что цифровые права реализуются и обеспечиваются.

Для сегодняшней российской правовой действительности характерно законодательство, представленное разработкой и принятием достаточно большого количества правовых актов, подзаконных актов, документов стратегического планирования и иных документов в рамках цифровой трансформации, которые все равно отличаются пробельностью и коллизийностью. Назрела необходимость их систематизации посредством кодификации и принятия Цифрового кодекса РФ, при этом опасаться чрезмерной упорядоченности или торможения цифрового развития не стоит, о чем свидетельствует весьма успешный в этой сфере законотворческий опыт других стран, закрепивших новые цифровые права человека.

Основополагающими принципами внедрения новых цифровых технологий в правовое поле должны стать обеспечение права человека на бесцифровую среду и приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это и следует взять за отправную точку поиска концепции цифровых прав человека, как ответа на новые, ранее неизвестные угрозы человеческой идентичности. Диссертационное исследование содержит конкретные предложения по совершенствованию законодательства в целях устранения пробелов в праве и формирования единой правоприменительной практики в условиях развития цифровых технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 06.10.2022, ст. 0001202210060013.

2. Всеобщая декларация прав человека [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. 1995. № 67. 05 апреля.

3. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499 (дата обращения: 20.04.2023).

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 10.08.2025).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон: [от 21.10.1994 № 190-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (дата обращения: 10.08.2025).

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 30.12.2001 № 197-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3. 9.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 18.12.2001 №174-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). – Ст. 4921.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 13.06.1996 №63-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954

11. Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444711 (дата обращения: 18.05.2024).

12. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 15.09.2025).

13. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482468/ (дата обращения 20.08.2025).

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 15.08.2025).

15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 15.09.2025).

16. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (дата обращения: 14.08.2025).

17. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497 (дата обращения: 18.05.2024).

18. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 18.05.2024)

19. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения 18.08.2025).

20. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 06.08.2020. № 173.

21. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700; 19.02.2024. № 8. Ст. 1102.

22. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 15.05.2025).

23. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (дата обращения: 15.05.2025).

24. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927 (дата обращения: 15.05.2025).

25. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». URL: <https://base.garant.ru/71848426> (дата обращения: 18.08.2025).

26. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения 12.07.2025).

27. Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371 (ред. от 04.02.2025) «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405167 (дата обращения: 10.02.2025).

28. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 N 861 (ред. от 01.07.2025) «О федеральных государственных информационных системах,

обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе "Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)", "Правилами ведения федеральной государственной информационной системы "Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)", "Положением о федеральной государственной информационной системе "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)", "Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)", "Положением о федеральной государственной информационной системе "Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120963 (дата обращения 01.09.2025).

29. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 01.08.2024) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

30. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2025 г. № 1154 «Об утверждении требований к обезличиванию персональных данных, методов обезличивания персональных данных и Правил обезличивания персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511607 (дата обращения 10.08.2025).

31. Распоряжение Правительства РФ от 07.11.2023 № 3113-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности». URL:

<https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-07112023-n-3113-r-ob-utverzhdanii> (дата обращения: 10.02.2025).

32. Распоряжение Правительства РФ от 13.03.2021 № 608-р «Об утверждении Стратегии развития библиотечного дела на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380498/ (дата обращения: 29.05.2025).

33. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3744-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461391/ (дата обращения: 29.05.2025).

34. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

35. Конституция Греции. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008 (дата обращения: 14.05.2024).

36. Закон Республики Беларусь от 10.10.2008 № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10800455> (дата обращения: 14.05.2024).

37. Закон Республики Беларусь от 21.07.2008 № 418-3 «О регистре населения». URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 04.03.2024).

38. Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-3 «О защите персональных данных». URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 04.03.2024).

39. Закон Республики Беларусь от 10.10.2008 № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации». URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 04.03.2024).

40. Закон Республики Беларусь «О регистре населения». URL: <https://etalonline.by> (дата обращения: 04.03.2024).

41. Закон Республики Узбекистан «О кибербезопасности». Принят Законодательной палатой 25.02.2022. Одобрен Сенатом 17.03.2022. URL: <https://lex.uz/uz/docs/5960609> (дата обращения: 01.04.2024).

42. Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 № ЗРУ-547 Закон о персональных данных, принят Законодательной палатой 16.04.2019, одобрен Сенатом 21.06.2019. URL: <https://lex.uz/docs/4831939> (дата обращения: 01.04.2024).

43. Berlin Declaration on Digital Society and Value-based Digital Government. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (дата обращения: 05.05.2024).

44. California Consumer Privacy Act – CCPA. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billCompareClient.xhtml?bill_id=201720180A_B375 (дата обращения: 05.05.2024). Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. 6501–6505.

45. Health Insurance Portability and Accountability Act. Public Law 104-191-Aug. 21, 1996. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).

46. European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade. URL: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2022/01/European-Declaration-on-Digital-Rights-and-Principles-for-the-Digital-Decade.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

47. Lisbon Declaration – Digital Democracy with a Purpose. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/digital-compass/digital-principles/library-video/lisbon-declaration-digital-democracy-purpose> (дата обращения: 05.05.2024).

48. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16380> (дата обращения: 01.04.2024).

49. Ministerial Declaration on eGovernment – the Tallinn Declaration. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/ministerial-declaration-egovernment-tallinn-declaration> (дата обращения: 05.05.2024).

50. U.S. State Data Privacy Laws. URL: <https://www.enzuzo.com/blog/data-privacy-laws#> (дата обращения: 01.02.2024).

51. Резолюция ООН A/HRC/RES/21/16 Право на свободу мирных собраний и право на свободу ассоциации. 11.10 2012; URL:https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

52. Резолюция A/RES/68/167 Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век 21.01.2014. URL:https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

53. Резолюция Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете (16.06.2012). URL: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

54. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 17.12.2018 [по докладу Третьего комитета (A/73/589/Add.2)] 73/179. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. URL:https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/1037/A_RES_73_179_RU.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

55. Resolution A/RES/79/325 – Modalities for the independent international scientific panel on artificial intelligence and the global dialogue on AI governance. URL: <https://docs.un.org/en/A/79/1.118> (дата обращения: 01.09.2025).

56. 互联网信息服务深度合成管理规定. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 14.04.2024).

Акты Конституционного Суда Российской Федерации

57. Определение Конституционного Суда РФ № 849-О/2019 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан “Информационно-аналитический центр “Сова” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”, пунктом 2 статьи 1 Федерального закона “О внесении

изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-849-o/> (дата обращения 10.08.2025).

58. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом “б” части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения 10.08.2025).

59. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695450/> (дата обращения 12.08.2024).

60. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и защите информации”». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102021-n-2129-o/> (дата обращения 12.08.2024).

61. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3087-o/> (дата обращения 12.08.2024).

62. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062012-n-1253-o-ob> (дата обращения 12.08.2024).

63. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О по жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона “О персональных данных” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “МедРейтинг”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041/ (дата обращения 12.08.2024).

Монографии, учебники, пособия

65. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: в 2 т. М.: Норма, 2005. Т. 1.

66. Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. 211 с.

67. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с. ISBN 5-7784-0046-2

68. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1971.

69. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма : Инфра-М, 2018. 767 с.

70. *Байтин М.И.* Сущность государства // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1: Государство.*
71. *Бердяев Н.А.* *Философия свободы.* М.: Издательство Юрайт, 2023.
72. *Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М.: РАН. ИНИОН, 2020.*
73. *Матузов Н.И.* *Правовая система и личность.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 293 с.
74. *Матузов Н.И., Малько А.В.* *Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с. ISBN 978-5-85006-370-2.*
75. *Международное право: словарь-справочник / [Додонов В.Н. и др.]. М.: ИНФРА-М, 1997. 362 с. ISBN 5-86225-312-2.*
76. *Савельев А.И.* *Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 468 с.*
77. *Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 560 с. ISBN 978-5-8339-0232-5. EDN RGWTJE.*
78. *Овчинников А.И.* *Правовое мышление в герменевтической парадигме / под науч. ред. П.П. Баранова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2002. 288 с. ISBN 978-5-9275-0089-7. EDN WASTIR.*
79. *Ожегов С.И.* *Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008.*
80. *Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019 С. 48.*

81. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / под общ. ред. А.И. Кривенького. Кн. I. М.: МГПУ, 2016. 212 с.

82. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. – член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 573 с.

83. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с. ISBN 978-5-392-36023-9.

84. Правовая политика Российского государства в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. 184 с. ISBN 978-5-392-34146-7. EDNWXAYGV. С. 180

85. Правовое регулирование отношений по оказанию услуг в условиях цифровой экономики: доктринальные, нормотворческие и правоприменительные аспекты: монография / М.А. Бажина, Н.В. Городнова, О.В. Жевняк [и др.]; под общ. ред. д.ю.н., проф. Е.Г. Шабловой; М-во науки и высш. образования РФ.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 264 с. ISBN 978-5-7996-3725-5.

86. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.Р. Алимова, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

87. Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристь, 2001.

88. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В. Целишева, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 500 с.

89. *Рудинский Ф.М.* Наука прав человека и проблемы конституционного права: тр. разных лет. М.: [б. и.], 2006. ISBN 5-91158-007-1. EDN QWYYNP.

90. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности: монография; Академия наук [АН] СССР. Институт государства и права. М.: Наука, 1966. 252 с.

91. *Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н.* Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2023. 144 с. ISBN 978-5-392-37958-3. EDN GFDYTY.

92. Трансформация прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М.: Норма, 2018.

93. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

94. *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 279 с.

95. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022. 376 с.

96. *Червонюк В.И.* Идея права и право в идеях: монография в 2 т. Т. II. Книга 1: Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ. М.: Юстицинформ, 2022. 588 с.

97. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

Статьи, доклады, выступления

98. *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права человека // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 70–78.

99. *Абламейко М.С., Шакель Н.В.* Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 19–26. EDN FQQMMB.

100. *Абрамов М.Г.* Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.

101. *Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю.* Применение технологий Интернета вещей в здравоохранении // Здоровье мегаполиса. 2021. № 4. С. 101–113.

102. *Антонченко В.В.* Универсальность прав человека как агрегация закона и морали // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21, № 1. С. 5–14. DOI 10.24147/1990-5173.2024.21(1).5-14. EDNPSCKDJO.

103. *Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И.* Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 41–45.

104. *Баранов П.П.* Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63–69.

105. *Бондарь Н.С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

106. *Булетова Н.Е., Губин А.М., Романенко Н.Ю.* Применение риск-ориентированного подхода к управлению экономической интеграцией субъектов Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 5–13.

107. *Бурьянов М.С.* Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2. С. 63–66.

108. *Варламова Н.В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 141–167.

109. *Гаврилов Е.О.* Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 2(14). С. 146–152. DOI 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152. EDN WCSQFR.

110. *Глушкова С.И., Летунов Е.Д.* Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 16–28.

111. *Глушкова С.И., Летунов Е.Д.* Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. С. 11–27. DOI 10.34670/AR.2021.23.96.002.

112. *Греггерсен Н.* Imago imagines: человеческая личность с богословской точки зрения // Богословие личности / под ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2013.

113. *Грибакин А.В.* Права личности в моральном измерении // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. С. 61–74. – DOI 10.34823/SGZ.2021.2.51551. EDN TKTZQZ.

114. *Данилова Л.А., Ледовская Т.В., Сольнин Н.Э., Ходырев А.М.* Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 2. С. 5–12. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-2-5-12.

115. *Дмитриева Е.Г.* Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23.

116. *Добробаба М.Б.* Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11 (192). С. 112–119.

117. *Ефимцева Т.В.* К вопросу о неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации общества // Нематериальные блага и их защита в условиях цифровизации: отечественный и зарубежный опыт: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Санкт-

Санкт-Петербург, 06.11.2020. Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. С. 40–46. EDN FMPPWB.

118. *Жигарева Ю.С., Смирнова Л.А.* Конституционные права человека в цифровом измерении // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 63–67. EDN UPLMYD.

119. *Замуруев Д.В.* Концепция трансгуманизма в контексте цифровой трансформации общества // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: материалы Всероссийской конференции, Ставрополь, 26 апреля 2021 года / отв. ред.: С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский. Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского социального института, 2021. С. 101–105.

120. *Записная Т.В.* О концепции развития правового регулирования отношений в сфере цифровизации отечественного здравоохранения // Юрист. 2021. № 5. С. 69–74.

121. *Зинковский М.А.* Экономика и гражданский оборот: некоторые аспекты взаимосвязи // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 29–34.

122. *Зиновьева Е.А.* К вопросу о реализации прав и свобод личности в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 4. С. 94–99.

123. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyue-pravagrazhdan.html> (дата обращения: 12.08.2022).

124. *Иванов А.Ю.* Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106–119.

125. *Иванов А.Ю., Войниканис Е.А.* Право четвертой промышленной революции в России: поиск точки опоры // Закон. 2018. № 5. С. 42–53.

126. *Казачанская Е.А.* Аксиологические особенности консервативного правового мышления в эпоху цифровой трансформации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 34–40. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-34-40>.

127. *Калинин С.А.* Идея прав человека в православном понимании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 92–107.

128. Капитонова Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // Закон и право. 2019. № 9. С. 50–53. DOI 10.24411/2073-3313-2019-10395. EDN UUMOVL.

129. Карташкин В.А. Международно-правовое измерение цифровых прав человека // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 20 апреля 2023 года. Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 323–327. EDN BSGHNV.

130. *Карташкин В.А.* Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 949–962. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962. EDN UKXTQM.

131. *Карташкин В.А.* Процесс универсализации прав человека в глобальном мире // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 21 апреля 2022 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 307–311. EDN VBUXJC.

132. *Карцхия А.А.* Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 33–38. EDN ZAKLFR.

133. *Кистяковский Б.А.* В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 111-125.

134. *Ковлер А.И.* Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 12. С. 5–29. DOI 10.12737/jrl.2022.125. EDN DRKLN.

135. *Коданева С.И.* Право на образование в системе прав и свобод человека (Обзор) // Права человека: законодательство и судебная практика: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Конюхова. М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2009. С. 133–143.

136. *Контарев А.А.* Нормативный и философский подходы к проблеме сущности права // Философия права. 2016. № 4 (77). С. 107–114.

137. *Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С.* Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 3 (44). С. 149–151.

138. *Кузнецова С.С.* Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 5. С. 33–41. DOI 10.34076/2410-2709-2020-5-33-41.

139. *Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А.* Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к решению проблемы «черного ящика» // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 139–148. DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.139-148.

140. *Ладенков Н.Е.* Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1(96). С. 164–168. EDN ATDDVO.

141. *Лемайкина С.В.* Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юрист-Правоведь. 2022. № 3(102). С. 175–178. EDN AXNBJR.

142. *Леонова И.Н.* Цифровизация материального и процессуального права // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 1-2-1. С. 28–34.

143. *Лешкевич Т.Г.* «Постчеловеческие» эффекты техногенного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2013. № 3. С. 106–113.

144. *Малько А.В., Терехин В.А.* Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 7–18.

145. *Мамитова Н.В.* Цифровая экспертиза в системе оптимизации правового регулирования в Российской Федерации // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 26–29. EDN AZVCGE.

146. *Матвеева А.И.* Отношение к духовной «свободе» и правам личности в трудах русских философов // Наука и современность. 2011. № 12-3. С. 92–97. EDN RTXJF.

147. *Минаева А.И.* Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 69–77.

148. *Михлина И.И.* Упорядочение терминологии - приоритетное направление научных исследований // Библиотека. 1997. № 9. С. 60–62.

149. *Мушаков В.Е.* Право на защиту от нежелательной информации в Российской Федерации // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 270–273. DOI 10.47645/9785604572849_270. EDN VZZOYB.

150. *Нансо М.Б.* Вызовы и угрозы цифровой реальности: к вопросу о реализации принципов равенства и справедливости // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 2. EDN JUGOOV.

151. *Небрятенко Г.Г.* Трансформация правовой системы в условиях цифровизации экономики, государства и права // Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства, Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 года. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. С. 76–78.

152. *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

153. *Овчинников А.И.* Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21. DOI 10.12737/jrl.2020.064. EDN YPYWMT.

154. *Овчинников А.И.* Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 93–98. DOI 10.18522/2313-6138-2021-8-4-15. EDN LBUEZN.

155. *Овчинников А.И.* Прогнозирование действия права: эпистемологический аспект // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 127–131. EDN ITXWKD.

156. *Овчинников А.И.* Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.

157. *Овчинников А.И.* «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 227–230. EDN UTEY TZ.

158. *Овчинников А.И., Фатхи В.И.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 104–112.

159. *Овчинников А.И., Кроткова Н.В., Фатхи В.И.* Человеческая идентичность и права человека в условиях сингулярности: философско-правовое измерение // Государство и право. 2025. № 3. С. 39–48.

160. *Осипов В.С.* Согласование интересов работников и работодателей в воспроизводственном процессе: эволюция в силу цифровизации и роботизации // ЦИТИСЭ. 2018. № 4 (17). С. 16. EDN YSRDWH.

161. *Пазюк А.В.* Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права. URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu> (дата обращения: 28.03.2022).

162. *Роблес-Каррильо М.* Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. С. 673–690.

163. *Рожкова М.А.* Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2020. № 10 (525). С. 3–12.

164. *Рожкова М.А.* Цифровые права в контексте международного права // *Закон.ру*. 2021. 11 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/11/cifrovye_prava_v_kontekste_mezhdunarodnogo_pra va (дата обращения: 28.03.2023).

165. *Савушкина М.А.* Этико-философские аспекты цифровой танатологии // *Философия и общество*. 2024. № 1. С. 104–113. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.07.

166. Саидов А.Х. Цифровые права как неотъемлемые права человека // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2023. Т. 44, № 1. С. 32–39. DOI 10.17323/tis.2023.16878. EDN MMWWCI.

167. *Самушкин Н.Д.* Теория прав человека: новые вызовы в условиях технологической революции // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 3. С. 147–150.

168. *Северухин В.А.* Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. 2020. № 2(38). С. 85–98. DOI 10.25688/2076-9113.2020.38.2.09. EDN DJKOEV.

169. *Скоробогачкий В.В.* Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // *Антиномии*. 2023. Т. 23, № 1. С. 90–106.

170. Спор о защите персональных данных (на основании судебной практики Московского городского суда) // *Помощник адвоката: электрон. журн.* 2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

171. *Стремоухов А.В.* Основания классификации прав и свобод человека // *Ленинградский юридический журнал*. 2012. № 1. С. 7–17.

172. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права*. 2018. № 2 (254). С. 5–17. DOI 10.12737/art_2018_2_1. EDN YNJEIF.

173. *Талапина Э.В.* Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. Т. 15. № 5. С. 24–43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43.

174. *Талапина Э.В.* Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2016. № 6. С. 70–83.

175. *Талапина Э.В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // *Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS.* 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina С.

176. *Трофимец И.А.* Информационные права человека в цифровом пространстве (к 75-летию Всеобщей декларации прав человека) // *Lex russica.* 2024. Т. 77. № 4. С. 98–108. DOI 10.17803/1729- 5920.2024.209.4.098-108.

177. *Фальшина Н.А.* Понятие цифровых прав в современной правовой науке // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии.* 2023. № 4. С. 66–74. EDN RMSPCR.

178. *Фальшина Н.А.* Тенденции развития права в условиях цифровых технологий // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета.* 2022. Т. 9, № 2. С. 101–108. DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-2-12. EDN IGHFEN.

179. *Фатхи В.И.* Мета вселенные: проблемы правового регулирования // *Философия права.* 2022. № 4(103). С. 13–18.

180. *Фатхи В.И.* Невзаимозаменяемые токены как объекты гражданских прав // *Юрист-Правоведь.* 2022. № 4(103). С. 182–186.

181. *Федотов Н.Е.* Отдельные аспекты защиты врачебной тайны при использовании телемедицинских технологий в здравоохранении // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2024. № 1. С. 40–59.

182. *Фоминская М.Д.* Достоинство личности и права человека в истории православно-христианской правовой мысли // *Вестник юридического*

факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 3. С. 27–32. DOI 10.18522/2313-6138-2021-8-3-4. EDN WDKWMU.

183. *Хабриева Т.Я.* Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–12.

184. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.

185. *Хуснутдинов А.И.* Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 109–123.

186. *Чеснокова Л.В.* Право на уединение как условие оформления опыта приватности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2-2. С. 434–451. DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451. EDN VACCWS.

187. *Шатковская Т.В.* Правовые пределы цифровой трансформации: поиск новых решений // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3(195). С. 170–173. DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_170. EDN HXLMMM.

188. *Шатковская Т.В., Мосиенко Т.А.* Систематизация законодательства как способ обеспечения устойчивого развития государства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 9–16. DOI 10.22394/2074-7306-2023-1-4-9-16. EDN YQOJMB.

189. *Шатковская Т.В.* Дихотомия «человекоцентричности» и «цифровизации» в современном праве // Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 года). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 139–147.

190. *Шахновская И.В.* Эволюция конституционного права в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 томах, Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И.Р. Бегишева [и др.]. Том 1. Казань: Познание, 2022. – С. 531–537.

191. *Шиняева О.В., Слепова О.М.* Информационно-цифровое неравенство населения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, Вып. 1. С. 53–61.

Диссертации и авторефераты диссертаций

192. *Берберов А.Б.* Технологическая безработица в условиях становления цифровой экономики: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: специальность 08.00.01 / Берберов Азамат Бурханович; [ФГБОУ ВО Фин. ун-т при Правит. РФ]. М., 2021. 206 с.

193. *Варламова Н.В.* Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 5.1.1 / Варламова Наталия Владимировна; [Место защиты: ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук]. М., 2024. 817 с.

194. *Виноградова Н.В.* Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 / Виноградова Наталья Владимировна; [Саратов. гос. акад. права]. Саратов, 2011. 25 с.

195. *Гришанин И.К.* Социально-философская концепция права и принуждения: дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11 / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. Нижний Новгород, 2006. 170 с.

196. *Ёрмирзоева Ф.А.* Философские проблемы личности в информационном обществе: на примере Таджикистана: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 5.7.7 / Ёрмирзоева Фируза Абдурахимовна; [Место защиты: ГНУ Институт философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана]. Пермь, 2022. 186 с.

197. *Погорелова М.А.* Конституционно-правовое регулирование права на информацию в Российской Федерации: автореферат дис. на соискание ученой

степени кандидата юридических наук: 12.00.02 / Погорелова Марина Александровна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2010. 30 с.

198. *Попов А.А.* Институциональные параметры информационного общества: технологический, научный, социальный, антропологический: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11 / Попов Александр Алексеевич; [Место защиты: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова]. Чебоксары, 2007. 26 с.

199. Романов Д.Д. Социальные концепции личности в философии русского символизма: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11 / Романов Дмитрий Дмитриевич; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. М., 2020. 247 с.

200. Хохлова А.П. Феномен отчуждения в цифровом информационном пространстве общества потребления: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук: 5.7.7 / Хохлова Александра Петровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»]. Саранск, 2023. 26 с.

Иностранные источники

201. *Bordoloi P.* Digital India needs internet, not internet shutdowns. *Analytics India Magazine*. 2022. [2023-09-14]. URL: <https://analyticsindiamag.com/digital-india-needs-internet-not-internet-shutdowns>. [Reflist] (дата обращения: 14.05.2024).

202. *Brantly A.* Utopia Lost – Human Rights in a Digital World // *Applied Cybersecurity & Internet Governance*. 2022. Vol. 1, No. 1. URL: <https://www.acigjournal.com/pdf-184290-105048?filename=105048.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

203. *Celeste E., De Gregorio G.* Towards a Right to Digital Education? Constitutional Challenges of Edtech // *JIPITEC – Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 2023 Vol. 14 (2). URL: <https://www.jipitec.eu/issues/jipitec-14-2-2023/5735> (дата обращения: 21.02.2024).

204. *Cocito C., de Hert P.* The Transformative Nature of the EU Declaration on Digital Rights and Principles: Replacing the Old Paradigm (Normative Equivalency of Rights) // *Computer Law & Security Review*. September 2023. 50: 105846.

205. Countries Shutting Down the Internet 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/countries-shutting-down-the-internet> (дата обращения: 15.04.2024).

206. *Custers B.* New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // *Comput. Law Secur. Rev.* 2022. No. 44. P. 1–13. doi: 10.1016/j.clsr.2021.105636.

207. *Dror-Shpoliansky D., Shany Y.* 'It's the End of the (Offline) World as We Know it: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology' // *European Journal of International Law*. 2021. Vol. 32. Issue 4, P. 1249–1282, <https://doi.org/10.1093/ejil/chab087>

208. Data Privacy Laws and Regulations Around the World. URL: <https://securiti.ai/data-privacy-laws/> (дата обращения 28.04.2024).

209. Decrypt Central Dogma Focus on New Biological Discoveries. URL: <https://www.icarbonx.com/en> (дата обращения: 20.04.2024).

210. Deepfake revenge porn distribution now a crime in Virginia. URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2019/07/deepfake-revenge-porn-distribution-now-a-crime-in-virginia> (дата обращения: 25.04.2023).

211. *Surjit Singha, Ranjit Singha.* Digital Loneliness: A Hidden Epidemic in the Digital Health Landscape // *Inclusivity and Accessibility in Digital Health*. 2024. P. 42–61. DOI: 10.4018/979-8-3693-1463-0.ch004

212. Digital Rights: Understanding its Importance and Challenges in India. URL: <https://testbook.com/articles/digital-rights> (дата обращения: 15.05.2024).

213. Dimensions in Testimony. URL: <https://sfi.usc.edu/dit> (дата обращения: 16.12.2022).

214. *Donnelly J.* Chapter 1: The Concept of Human Rights, Universal Human Rights in Theory and Practice. Cornell University Press 2013. P. 7. URL: <https://archive.org/details/universallhumanri0000donn> (дата обращения: 12.02.2024).

215. Draft Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053 (дата обращения: 15.05.2023).

216. E-Government Survey 2022 The Future of Digital Government. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

217. Eight Months Pregnant and Arrested After False Facial Recognition Match. URL: <https://merics.org/en/events/chinas-handling-biometric-data-trends-and-implications-europe> (дата обращения 15.05.2024).

218. European Digital Rights and Principles. URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles> (дата обращения: 01.04.2024).

219. *Hartmut A. Privacy and Security: German Perspectives, European Trends and Ethical Implications // Ethical Issues in Covert, Security and Surveillance Research Advances in Research Ethics and Integrity. Emerald, 2022. Vol. 8. P. 119–129.*

220. How Digitalisation Is Transforming the World of Work. URL: <https://transform-network.net/blog/analysis/how-digitalisation-is-transforming-the-world-of-work/> (дата обращения 15.04.2024).

221. How to tell reality from a deepfake? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/04/are-we-at-a-tipping-point-on-the-use-of-deepfakes>. (дата обращения 20.04.2023)

222. *Howell C., West D.M. (2016). The Internet as a human right. URL: https://www.brookings.edu/blog/techtank/2016/11/07/the-internet-as-a-human-right* (дата обращения: 18.10.2022).

223. 'I love her and see her as a real woman.' URL: <https://www.cbc.ca/documentaries/the-nature-of-things/i-love-her-and-see-her-as-a-real-woman-meet-a-man-who-married-an-artificial-intelligence-hologram-1.6253767> (дата обращения 20.11.2023).

224. Our Common Agenda – Report of the Secretary-General. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

225. Politics of Digital (Human) rights". URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-694> (дата обращения: 12.03.2024).

226. Poulsen A., Song Y.J.C., Fosch-Villaronga E., LaMonica H.M., Iannelli O., Alam M., Hickie I.B. Digital Rights and Mobile Health in Low- and Middle-Income Countries: Protocol for a Scoping Review // JMIR Res Protoc. 2023. 12: e49150. doi: 10.2196/49150. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10582819/#ref23> (дата обращения: 15.05.2024).

227. Presidency of the Republic Civil House Legal Affairs Subsection LAW No. 12.965, April 23rd 2014. URL: <https://publicknowledge.org/policy/marco-civil-english-version> (дата обращения: 12.05.2024).

228. Removal and Blocking of Unlawful Online Content (Procedure, Oversight and Safeguards), Rules 2020 URL: <https://www.dataguidance.com/legal-research/removal-and-blocking-unlawful-online-content> (дата обращения: 15.06.2024).

229. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. The right to privacy in the digital age. A/HRC/39/29. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/A_HRC_39_29_EN.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

230. Rona G., Aarons L. ‘State Responsibility to Respect, Protect and Fulfill Human Rights Obligations in Cyberspace // Journal of National Security Law and Policy. 2016. № 8(3). P. 503–530.

231. Rouland N. Les Droits de l’homme sont-ils mortels? // Droit et Cultures. 2017. Vol. 74. No. 2. P. 199–218.

232. *Sullivan C.* Digital Citizenship and the Right to Digital Identity in International Law // Computer Law and Security. 1 June 2016. P. 474–481.

233. *Sullivan C.* Digital identity – The legal person? // Computer law & security review. 2009. Vol. 25. P. 227–236.

234. Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras. URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities> (дата обращения 05.05.2024).

235. The Gramm-Leach-Bliley Act Public Law 106-102-Nov. 12, 1999. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/pdf/PLAW-106publ102.pdf>; FairCreditReportingAct; (дата обращения: 05.05.2024).

236. This measure shall be known and may be cited as “The California Privacy Rights Act of 2020. URL: <https://thecpra.org> (дата обращения: 05.05.2024).

237. *Yuwei Wang, Huiwen Wang, Zhaobin Pei.* Ethical path for human rights protection in the digital society // SHS Web of Conferences 157. February 2023. DOI: 10.1051/shsconf/202315704006. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2023/06/shsconf_essc2023_04006.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

Материалы судебной практики

238. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 22.03.2022 дело № 22-1293/2022. URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3255941&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 15.04.2024).

239. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда по делу № 33-13217/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.05.2023).

240. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2017 по делу № 33-5031/17 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

241. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2016 по делу № 33-31796/2016. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

242. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2020 по делу № 33-13926/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

243. Определение Хамовнического районного суда города Москвы об оставлении искового заявления без рассмотрения от 10.08.2021 по делу № 2-2661. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

244. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу № 88-21123/2024. URL: <https://www.klerk.ru/doc/629619/> (дата обращения: 15.05.2025).

245. Апелляционное определение СК по гражданским делам Тюменского областного суда от 23 октября 2023 г. по делу № 33-5625/2023. URL: [https://www.garant.ru/files/6/1/1795216/apellyacionnoe_opredelenie_sk_po_grajdanskim_delam_tyumenskogo_oblastnogo_suda_ot__\(1\)](https://www.garant.ru/files/6/1/1795216/apellyacionnoe_opredelenie_sk_po_grajdanskim_delam_tyumenskogo_oblastnogo_suda_ot__(1)) (дата обращения: 15.05.2025).

246. Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.09.2017 Дело «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии» (Жалоба № 61496/08) (Третья секция). URL: <https://base.garant.ru/71826442/> (дата обращения 15.08.2025).

247. Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 «Дело Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04). URL: <https://base.garant.ru/70722898/> (дата обращения 15.08.2025).

248. Решение Волжского районного суда г. Саратова от 20.07.2012 по делу № 2-3212/12. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volzhskii-raionnyi-sud-g-saratova-saratovskaia-oblast/?page=17> (дата обращения: 17.03.2024).

249. Решение Анапского районного суда от 18.10.2018 по делу № 2-1954/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

250. Решение Балаковского районного суда Саратовской области от 09.12.2021 по делу № 12-256/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-balakovskii-raionnyi-sud-saratovskaia-oblast> (дата обращения: 20.06.2023).

251. Решение Дорогомиловского районного суда города Москвы от 03.04.2019 по делу № 2-188/19. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

252. Решение Кировского районного суда г. Пермь от 17.10.2018 по делу № 2-2406/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.05.2023).

253. Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 13.01.2021 по делу № 2-654/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/cheryomushkinskij/services/cases> (дата обращения: 15.05.2023).

Интернет-источники

254. Биометрические проверки начнут защищать от дипфейков. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/01/978035-biometricheskie-proverki-nachnut-zaschischat-ot-dipfeikov?from=newsline> (дата обращения: 30.10.2023).

255. Блог Касперского. Что интересного можно узнать из метаданных фотографий в Интернете. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/exif-privacy/13506> (дата обращения: 03.10.2023).

256. Более 60 % россиян не смогли отличить дипфейки от реальных фото. Один из дипфейков сразу 81 % участников опроса посчитали настоящим снимком. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/683eca379a794727b5fc3d05> (дата обращения: 03.05.2025).

257. В Правительстве не поддержали законопроект об уголовной ответственности за дипфейки. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17922853> (дата обращения: 04.10.2023).

258. В реальности о каждом россиянце известно практически все. О чем говорят масштабы утечек данных в 2024 году. URL: <https://rg.ru/2025/01/16/masshtaby-utechek-dannyh-staviat-pod-vopros-bezopasnost-rossiian.html> (дата обращения: 12.04.2025).

259. В Финляндии широкополосный интернет предоставили всем гражданам. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/33144> (дата обращения: 23.05.2024).

260. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на X Всемирном Русском Народном Соборе «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1700658&lang=ru> (дата обращения: 30.01.2024).

261. Глобальный цифровой обзор. URL: <https://datareportal.com/global-digital-overview> (дата обращения: 18.11.2023).

262. Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/?sphrase_id=99412178 (дата обращения: 15.05.2024).

263. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. 16.05.2011 A/HRC/17/27. 27 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 30.04.2021).

264. Исследование Ассоциации ФинТех. «Применение технологий искусственного интеллекта на финансовом рынке». URL: <https://www.fintechru.org/analytics/issledovanie-aft-primenenie-tekhnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-finansovom-rynke-rasshirennaya-> (дата обращения: 30.10.2023).

265. Кирилл Царев. «99 % решений по кредитам в Сбере принимает искусственный интеллект. URL: <https://plus.rbc.ru/news/638ceb2a7a8aa97b488a6194> (дата обращения: 18.10.2023).

266. Китайского бизнесмена обманули почти на 500 тыс. долларов с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://info24.ru/news/kitajskogo-biznesmena-obmanuli-pochti-na-500-tys-dollarov-s-pomoshyu-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 20.06.2023).

267. Конфиденциальность ваших данных. Компания Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencysreport> (дата обращения: 30.10.2023).

268. Министерство госбезопасности КНР подтвердило слова Сноудена о кибератаках АНБ на Huawei. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18801711> (дата обращения: 15.05.2024).

269. На ТВ показали «обращение Путина» о военном положении в ряде областей России. Это был взлом, а ролик оказался дипфейком. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/05/deepfake> (дата обращения: 21.06.2023).

270. Национальные проекты – 2022: цифровая экономика. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika> (дата обращения: 05.11.2023).

271. Обзор закона КНР о защите персональной информации (Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL)). URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/17/obzor_zakona_knr_o_zaschite_personalnoj_informacii_personal_information_protection_law_of_the_peoples (дата обращения: 15.05.2024).

272. Обзор статьи “Digital identity – From emergent legal concept to new reality”. Автор: Sullivan C. URL: <https://pravo.hse.ru/digitalperson/digitalidentity> (дата обращения: 30.10.2023).

273. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (подготовлено Банком России). URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 30.10.2022).

274. Основы генеративно-состязательных сетей. URL: <https://habr.com/ru/articles/726254> (дата обращения: 20.01.2023).

275. Отчет о прозрачности. Компания Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencysreport> (дата обращения 15.05.2025).

276. Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863> (дата обращения: 12.10.2023).

277. «Права человека в офлайн-среде должны также защищаться и в онлайн». Директор Института экономических и правовых исследований Сергей Швакин о цифровизации и защите персональных данных. URL: <https://www.gosrf.ru/prava-cheloveka-v-oflajnovoj-srede-dolzheny-takzhe-zashhishhatsya-i-v-onlajne-direktor-instituta-ekonomicheskikh-i-pravovyh-issledovanij-sergej-shvakin-o-cifrovizaczii-i-zashhite-personalny> (дата обращения: 01.05.2024).

278. «Право на забвение». Как это происходит в Европе. Удаление нежелательной информации из поисковых систем. URL: <https://sudexpa.ru/articles/pravo-na-zabvenie-kak-eto-proishodit-v-evrope-udalenie-nezhelatelnoi-informatcii-iz-poiskovykh-sistem> (дата обращения: 15.03.2023).

279. Путин заявил, что соцсети гонятся за прибылью и «плевать хотели» на ущерб для пользователей. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10605983> (дата обращения: 02.02.2024).

280. Робин Уильямс запретил использовать свой образ в течение 25 лет. URL: <https://lenta.ru/news/2015/03/31/imagerobin> (дата обращения: 01.11.2023).

281. Татьяна Москалькова назвала семь принципов новой цифровой архитектуры. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/505fb4f6-d4cd-45c4-a05f-1c28692ee80b> (дата обращения: 09.06.2024).

282. Управление Интернетом в 2024 году: взаимовыгодное сотрудничество или игра с нулевой суммой? URL: <https://d-russia.ru/upravlenie-internetom-v-2024-godu-vzaimovыгодное-sotrudnichestvo-ili-igra-s-nulevoj-summoj.html> (дата обращения: 12.06.2024).

283. Ученые выяснили, когда усопших в Сети станет больше, чем живых людей. URL: <https://ria.ru/20190429/1553139846.html> (дата обращения: 23.03.2024).